

Статьи

ИЗДАТЕЛЬ

ООО

“РАУ-

Университет”

ГЛАВНЫЙ
РЕДАКТОР
ШТОЛЬ В.В.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

ЕРЕМЕНКО И.Н.
(исполнительный
директор редакции)
НОВИКОВ Ю.Д.
(заместитель главного

редактора)

АБАШИДЗЕ А.Х.
БЕРКОВ А.А.
ДЕРЯБИН Ю.С.
ЗИМЕНКОВ А.Л.
ИЗВЕКОВ Н.Н.
КОМАРОВ И.К.
КОТИЛЕВСКИЙ

М.Д.

ЛЕБЕДЕВ Ю.В.
ЛУНЬКОВ А.Г.
МЧЕДЛОВ М.П.
ОРЛОВ А.А.
ПЕТРАКОВ Н.Я.
РЕПКИН Ю.М.
ЯХЬЯЕВ Т.Г.

НАУЧНО-
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

АРИСТОВ В.В.
ГАБАРАЕВ Б.А.
ГАЛОГАНОВ А.П.
ДЕЛЯГИН М.Г.
ЕФИМОВ Б.Е.
ЖУРКИН В.В.
ЗОРИН В.С.
ИВАШОВ Л.Г.
ИВЛИЕВ Г.П.
КАШЛЕВ Ю.Б.
КРЕМЕНЮК В.А.
ЛАДЫГИН Ф.И.
ЛАПТЕВ П.А.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ <i>В.Павленко</i>	3
ЧАС НЕТОПЫРЯ <i>И.Максимычев</i>	13
АСИММЕТРИЧНЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ <i>В.Круглов, А.Лебедев</i>	25
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Н.Генрих</i>	32
ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ <i>Ю.Бойко</i>	37
НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ – УГРОЗА РОССИИ <i>А.Тихонов</i>	43
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФСБ <i>В.Головин</i>	48
НЕОБХОДИМОСТЬ СТРАТЕГИИ ДЛЯ РОССИИ <i>М.Сангулия</i>	55
БЕЗОПАСНОСТЬ И ОХРАНА ТРУДА В ЧАСТНОМ СЕКТОРЕ <i>О.Муштук</i>	61
ООН И МЫ <i>Г.Локишин</i>	70
“ТРЕТЬИ СТОРОНЫ” И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ <i>Ю.Григорьева</i>	80
ЯДЕРНЫЕ ДОКТРИНЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ <i>И.Желтяков, А.Гнидо</i>	90
ПОЛИТИКА НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ <i>О.Дамаскин</i>	94
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО ПРОСТРАНСТВА – ВЫЗОВ СУВЕРЕНИТЕТУ ГОСУДАРСТВ <i>П.Стариков</i>	99
В СТОРОНУ АНДЕГРАУНДА <i>И.Абель</i>	107
<i>Литературная страничка</i>	
СЕЛИГЕР <i>В. Безрук</i>	111

ЛЬВОВ Д.С.
ПОПОВ В.И.
ПРИМАКОВ Е.М.
СЕМИГИН Г.Ю.
СУХАРЕВ А.Я.
ТИТАРЕНКО М.Л.
ТОРКУНОВ А.В.
ШАХНАЗАРОВ К.Г.
ЯКОВЛЕВ В.Ф.

Ежемесячный
информационно-
аналитический
журнал
«Обозреватель-
Observer»
издается с 1992 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ¹

“Управляемый” конфликт против евразийского выбора

В.Павленко,

кандидат политических наук

Рассмотрев исторические и идеологические аспекты, влияющие на современный российский выбор, мы получили возможность убедиться в том, что альтернатива интеграционным процессам, по сути, отсутствует. Если, конечно, не считать таковой замыкание Российской Федерации в ее современных границах, равносильное утрате всякой исторической перспективы. (Отметим, что именно этого добиваются от нас как сторонники глобальной универсализации, так и их креатура в самой России)².

Но насколько соответствует интеграция с Россией интересам самих субъектов бывшего СССР?

Неизбежность воссоединения, как помним, еще в 20-е годы доказана евразийцами, в частности, Г.В.Вернадским – автором упоминавшегося в предыдущих статьях исторического закона цикличности организации евразийского пространства, на котором периоды раздробленности всякий раз сменялись объединением и формированием единой государственности³.

Кроме закономерности новой консолидации, из этого закона органично вытекает и второй вывод: если интеграционные процессы по тем или иным причинам не сможет возглавить Российская Федерация, ее место займет кто-нибудь другой. А, точнее, другие.

Кто именно? После краха ГУУАМ на роль альтернативы Москве все активнее продвигается так называемое “Содружество демократического выбора” (СДВ) с географическим центром в Киеве, геополитическим – в Вашингтоне и геостратегическим – в Лондоне.

В столкновении Москвы с Киевом ясно прослеживаются определенные технологии, применяемые в отношении не только России и бывшего СССР, но и всех субъектов существующего миропорядка. В рамках проекта, именуемого “глобализацией”, с одной стороны, подготавливается и всячески поощряется развитие центробежных тенденций в крупных (особенно многонациональных) государствах и их фрагментация на этнической основе, а с другой – этно-государственные образования усиленно вовлекаются в межгосударственные объединения, центры принятия решений в которых находятся за их пределами (НАТО, Евросоюз, различные региональные альянсы), а их элиты – в некие “неофициальные” клубы и ассоциации внешнеполитического планирования.

В сумме эти действия не только не противоречат, но и дополняют друг друга. Дробление крупных государств существенно ограничивает их конкурентоспособность. Кроме того, уровень их самоидентификации (по упомянутой шкале Г.П.Федотова) в процессе обособления опускается с высших ступеней – имперской и общегосударственной, на низшую – национальную, а точнее этническую⁴. Резкое сужение круга задач и геополитического влияния в сочетании с памятью о сопричастности к имперскому величию быстро трансформируются в комплекс неполноценности, который, как правило, находит выход в местечковом национализме. Мелкими субъектами (точнее, их элитами), ввиду ограниченности их кругозора, слабости, амбициозности и перманентной конфликтности, проще манипулировать. Они более зависимы от внешней поддержки, обставляемой рядом

условий, смысл которых – в отказе от собственной истории и духовно-культурных корней в пользу неких “универсальных ценностей”, основу которых составляет секуляризованный индивидуализм. Внедрение его в общественное сознание, как указывает ряд исследователей, осуществляется под прикрытием таких понятий как “прогресс”, “цивилизованность”, “культурность”, “просвещенность”⁵ и маскируется поддержкой местных элит в их противостоянии бывшему имперскому центру.

Перед нами практически идеальный механизм глобального управления, обеспечивающий как создание “управляемых” кризисов, так и упорядоченное “переваривание” их результатов. В наиболее доходчивой форме смысл и методология глобального управления раскрываются политологом Л.Н.Шевцовой из Московского центра Карнеги⁶. Такие основополагающие понятия как “суверенитет”, “территория”, “мощь”, “державность”, по ее мнению, “уже выброшены из политического лексикона”. Вместо них г-жа Шевцова предлагает использовать “компромисс”, “влияние”, “договоренность”...⁷. Словом, все то, что позволяет добиться разрешения конфликта в нужном для его организаторов ключе. В том, что это не частное мнение, а четко отработанная методика, легко убедиться на примере “оранжевой” революции на Украине. Применение именно этой терминологии, как помним, было поставлено представителями Евросоюза в центр “урегулирования” конфликта, осуществлявшегося, добавим, не правовыми, а сугубо политическими средствами.

На практике “управление” конфликтами выглядит следующим образом.

Первая мировая война привела к распаду всех воевавших друг против друга европейских империй – Российской, Германской и Австро-венгерской, который затем был легитимирован Версальским договором 1919 г.

Ряд конфликтов на Балканах в 90-х годах обеспечил ликвидацию Югославии, которая завершилась поэтапным включением противостоявших друг другу субъектов в орбиту влияния США и НАТО.

Иракский конфликт уже привел к смене власти в Испании и Германии.

Кроме того, существенно ослабленными вышли из борьбы вокруг него как французский президент Ж.Ширак, так и его американский коллега Дж.Буш-мл.

Из той же серии и “карикатурный” скандал, начатый оскорбительными для мусульман публикациями в европейской прессе и продолживший список провокаций, рассчитанных на углубление хаоса там, где не получается быстро добиться полной управляемости конфликтов и упорядочения их результатов.

Посмотрим, как проецируются указанные технологии на ситуацию, складывающуюся сегодня на евразийском пространстве.

Поскольку упомянутое СДВ в сущности – не более чем инструмент в руках его организаторов, становится очевидным, что минимум, на что рассчитывают “заказчики” очередного “управляемого” кризиса, – создать инструмент постоянного давления на Россию в виде строительства на ее западных границах “санитарного кордона”, изолирующего ее от “старой Европы” – по аналогии с упомянутой Версальской системой, обеспечивавшей контроль над побежденной Германией и изоляцию большевистской России. “Газовый конфликт” – явление именно этого порядка.

Как максимум, речь, вопреки предположениям многих представителей патриотической общественности⁸, идет о превращении Киева отнюдь не в новый центр консолидации евразийского пространства (“Россию-2”), а, скорее, в инструмент его дальнейшей фрагментации, распространяющейся, возможно, и на саму Украину. По мнению украинского публициста В.Карасева, республика может превратиться в “территорию, по которой будут ходить современные “кочевники” и “орды” в виде транснациональных корпораций, у которых нет родины, а есть только интересы”⁹.

В реальности подобного прогноза убеждает опыт других субъектов евразийского пространства.

Противостояние с Россией не только ничего не дало ни Узбекистану, ни

Азербайджану (включая поиск путей разрешения Нагорно-Карабахского конфликта), но и поставило эти республики на грань “оранжевых” революций, предотвращение которых при поддержке Москвы, напротив, позволило в короткие сроки укрепить политическую стабильность.

Противоположные примеры.

В Белоруссии, Казахстане, Таджикистане, частично в Армении, сохранивших стратегическую ориентацию на Москву, “оранжевые” тенденции развития не получили.

А отвернувшись от бывшего имперского центра Грузия (которой сама империя, кстати, обязана очень многим) остается нестабильной и раздробленной на третьем году правления “оранжевого” режима.

Получается, что субъекты бывшего Советского Союза противопоставляются Российской Федерации по той же схеме “управляемого” конфликта, что и участники “восточного блока” в конце 80-х годов противопоставлялись самому СССР. С расчетом, видимо, на аналогичные результаты.

Однако анализ основных “управляемых” конфликтов XX столетия (включая две мировых и “холодную войны”) говорит о том, что их итоговые результаты редко совпадают с тем, что планировалось на самом деле. Особенно в отношении нашей страны, прочность которой обусловлена цивилизационным единством евразийских народов, основывающимся не только на единых технологиях, но, прежде всего, на многовековом взаимодействии славянско-православной и тюрко-исламской культур¹⁰. Поэтому в случае возникновения системного кризиса в нынешней Российской Федерации интеграционная инициатива, в соответствии с законом Вернадского, скорее всего, перешла бы отнюдь не к СДВ, а к совершенно иным силам. Например, к российскому умеренному исламу, явно выпадающему из схемы глобального моделирования. Что, разумеется, стало бы для определенных сил на Западе (и не только) очередной “неожиданностью”.

Приведенные рассуждения ясно показывают, что объективно сохранение и укрепление нынешней Российской Федерации, а также развитие интеграции на евразийском пространстве – в интересах самого Запада, для которого российская цивилизация – единственный барьер, отделяющий его от региона, именуемого “евразийскими Балканами”. Однако понимание этого определенной частью элит так называемого “золотого миллиарда” входит в противоречие со стремлением весьма влиятельных транснациональных сил максимально продвинуть планы универсализации, несмотря на их отторжение большинством членов мирового сообщества. На отражении угроз, связанных с попытками создания в этих целях на евразийском пространстве очередного “управляемого хаоса”, в настоящий момент сосредоточено основное внимание России.

Причем, само наличие угрозы наглядно демонстрирует, насколько важны для интеграционных процессов в Евразии вопросы, связанные с международной проблематикой. Поэтому, сохраняя очевидный приоритет СНГ в российской внешней политике, Москве ни в коем случае нельзя ослаблять активности и темпов дипломатического наступления в “дальнем зарубежье”. Тем более что в глобальной расстановке сил наметились весьма существенные изменения, являющиеся, в свою очередь, отголоском процессов, которые долгое время протекали в латентной форме, но сейчас все активнее выходят на поверхность.

Важность их исключительна. Речь может идти не только о коренной реформе существующего миропорядка, но и о смене всей парадигмы мирового развития. Однако реализация формируемой таким образом исторической перспективы – дело не одного дня или года. И даже, скорее всего, не одного десятилетия. Тем важнее хотя бы попытаться обозначить наиболее опасные тенденции, которые России следует учитывать при формировании долгосрочной стратегии. В том числе, в вопросах, связанных с интеграцией.

Никсон, Буш и другие...

Ситуация, складывающаяся сегодня в США – узлом в мировом раскладе сил, оживляет в памяти события середины 70-х годов, связанные с “уотергейтским” скандалом и отставкой, ввиду неизбежного импичмента, президента Р.Никсона.

Его уходу предшествовало знаменательное событие – смена вице-президента. С.Агню, тесно связанного с одним из лидеров консервативно-традиционалистского крыла республиканцев П.Бьюкененом, по решению Конгресса сменил лидер республиканского меньшинства в палате представителей Дж.Форд. Всего через 8 месяцев (август 1974 г.) он сменил уже самого Никсона, став первым (и пока последним) президентом в истории США, не прошедшим через процедуру всенародного голосования.

Картина произошедшего более трех десятилетий тому назад будет неполной, если не упомянуть об осуществленной Никсоном еще в 1972 г. вынужденной девальвации доллара – ввиду роста государственного долга и увеличения заимствований, вызванных постоянным повышением ставки рефинансирования. А также о жесткой конфронтации Агню, Бьюкенена и других консерваторов из Белого Дома со сторонниками “трилатерализма” (“трехсторонности”)¹¹ – альянсом демократов и “новых республиканцев”, принявшим участие в создании Трехсторонней комиссии, которую еще при Никсоне возглавил Зб.Бжезинский – будущий советник по национальной безопасности в демократической администрации Дж.Картера. (Именно при нем “трилатерализм” был признан официальной внешнеполитической концепцией США).

Став президентом, Форд, наряду с Г.Киссинджером, сохранившим все посты, занимавшиеся в администрации ушедшего в отставку Никсона, превращению “трилатерализма” в руководящий принцип внешней политики США не только не препятствовал, но, скорее, помогал.

Любопытно: С.Вэнс, занявший при Картере пост госсекретаря, возглавлял совет директоров Фонда Рокфеллера, а сами представители этой влиятельнейшей семьи “отметились” по обе стороны межпартийного противостояния: Нельсон Рокфеллер занимал пост вице-президента в республиканской администрации Форда, а его родной брат Дэвид в то же самое время возглавлял Бильдербергский клуб – закрытую ассоциацию глобального планирования и управления, созданную в 1954 г. и объединившую влиятельные кланы Нового и Старого света. Именно его костяк, составил фундамент Трехсторонней комиссии, которую возглавил демократ Бжезинский.

Еще один важнейший штрих: именно Никсон и стоящие за ним “традиционные” консерваторы – первыми после Дж.Кеннеди (знаменательное совпадение, не правда ли?) – пошли на радикальные для своего времени соглашения с СССР. Причем, не в рамках раздела сфер мирового влияния, а на сугубо межгосударственной основе. Глобальный аспект, разумеется, присутствовал. Но ограничивался формулой: “Мир между сверхдержавами – единственное средство от мировой ядерной катастрофы”. Самое главное: советско-американский диалог в этой схеме, по сути, ставился НАД Трехсторонней комиссией, снижая роль этого вновь образованного на тот момент глобалистского института до уровня “площадки” для консультаций Вашингтона с партнерами по западному миру. Иначе говоря, интересы национальной государственности были поставлены Никсоном выше транснациональных обязательств США, а также функций, отведенных им в неформальной системе распределения мировой власти.

Терпение оппонентов тогдашней республиканской администрации лопнуло окончательно...

Что сегодня?

Первые, пусть и робкие разговоры о возможном импичменте нынешнему хозяину Белого Дома, подпертые обвинениями, выдвинутыми в его адрес комиссией палаты представителей Конгресса, совпали с разоблачениями деятельности концерна “Halliburton”, а также “делом Либби” и загадочным происшествием на охоте в Техасе, бросающими тень на репутацию вице-президента Р.Чейни. (Слухи о его замене К.Райс американскую общественность, как известно, уже будоражили). Не исключено, что более конкретно

вопрос может быть поставлен после промежуточных выборов в случае получения демократами большинства хотя бы в одной из палат Конгресса или при более выраженном расколе в верхах республиканской партии.

Резкий рост ставки рефинансирования на фоне смены руководства Федеральной резервной системы (ФРС), по мнению ряда экономистов, ставит американские финансовые власти перед дилеммой: дальнейшее увеличение заимствований на обслуживание становящегося все более “дорогим” государственного долга или девальвация мировой резервной валюты. С очевидными последствиями не только для американской, но и для мировой экономики⁹.

Упомянутая смена власти в ряде европейских стран в сочетании с мерами по противодействию “исламской угрозе” находит отклик не только у демократов, но и у части республиканцев, в том числе в Конгрессе среди последователей “нового республиканизма”, а также в непосредственном окружении самого Буша-мл., где по-прежнему сильны позиции “неоконсерваторов”, выступающих за продолжение “силового” распространения демократии. Идеология этого течения, густо замешанная на троцкистском лозунге “перманентной революции”, для республиканской партии представляет собой нечто вроде “троянского коня”. Не случайно в администрациях Р.Никсона, Р.Рейгана и Дж.Буша-ст. места им никогда не находилось. (Роль неоконсерваторов, кстати, давно получает крайне негативную оценку членов бывшей команды Никсона, например, того же Бьюкенена)¹².

Иракская война в этом контексте – явная ошибка Буша-мл., подорвавшая прочность связки американских консерваторов с их европейскими коллегами и поставившая их в сложное положение в глазах общественности своих стран. Кроме того, трудно не заметить, что помимо попыток использования ситуации в Ираке для дискредитации действующей власти (подобно Вьетнаму при Никсоне), отмечаются и другие “совпадения”. Например, резкое полевение в Латинской Америке, особенно знаменательное ввиду соответствующих демографических тенденций в самих США.

И все тот же немаловажный штрих: попав в “переplet” событий 11 сентября, Буш-мл. открыто принял поддержку российского лидера В.В.Путина. С тех пор между двумя странами, остающимися ключевыми игроками глобального ядерного расклада, установились отношения, каких не было со времен второй мировой войны. “Взорвать” их “в обход” Буша, конечно же, возможно. Но адекватно объяснить подобный шаг при отсутствии серьезных мотивов (каким, например, являлся идеологический характер советского режима), равно как и втянуть нынешнюю Москву в гонку вооружений или военную авантюру, аналогичную афганской, явно не получится.

Терпение оппонентов республиканского президента, как и в 70-е годы, похоже, снова на исходе...

Конечно, прямые исторические параллели в политике, особенно “большой”, возникают редко. Но ситуации, при анализе которых возможно применение метода “по аналогии”, – скорее закономерность, чем случайность. В связи с этим, отметим, что позиции нынешнего президента выглядят несколько более прочными, чем у Никсона. Главным образом, ввиду сохраняющегося влияния Буша-ст., хорошо знающего все подробности ситуации изнутри. Трехстороннюю комиссию он покинул только в 1980 г., вместе с другими ключевыми лицами будущей администрации Р.Рейгана – в знак протеста против направленности ее действий. Но при этом сохраняет членство в других структурах, тесно связанных с глобальным планированием и управлением, составляя в них консервативную альтернативу доминирующему глобализаторскому (то есть модернистскому) курсу.

Но против действующего президента играет продолжающееся общее ослабление “традиционных” консерваторов. Новых лидеров, являющихся носителями привычных консервативных ценностей, не видно. Однако при этом в обществе существенно активизируется “низовой” гражданский патриотизм, противопоставляемый космополитизму политического и особенно делового истеблишмента. По мнению даже такого сторонника “трилатерализма” как С.Хантингтон, дальнейшее углубление трещины между американской

элитой и обществом угрожает дестабилизацией и системным кризисом¹³.

Закономерен вопрос: неужели оппонентам Буша сложно вытерпеть два года, оставшихся до президентских выборов, не подвергая политическую систему США кризисам, подобным “никсоновскому”?

Очень сложно! Практически невозможно.

В одной точке сошлось слишком многое. Не только внутренние проблемы, но и внешние. Например, ситуация в преддверии 2008 г. в России, влиять на которую в разгар президентской кампании в самих США окажется весьма проблематичным. (А хочется!). Президентские выборы 2007 г. во Франции и перспективы “большой коалиции” в Германии. А также (и это главное) судьба самого “трилатерализма”, утрата которым адекватности в условиях стремительно меняющегося мира, особенно заметна на фоне проблем, поставленных в центр мировой повестки российским лидерством в “большой восьмерке”.

Россия: от “гибкого реагирования” к полноценной стратегии

Изменения в расстановке политических сил в США, дополняемые активной динамикой событий в другом важнейшем геополитическом центре – Европе, указывают русло, в которое усиленно направляется эволюция современного Запада. Речь идет о попытке восстановления трансатлантического партнерства – лозунге, поставленном во главу угла не только противостоявшими Бушу американскими демократами, но и новым канцлером Германии А.Меркель, а также определенной частью французской партии власти, все далее уходящей от европейско-континентальных идей Пятой республики, заложенных ее основателем Ш. де Голлем.

Прозвучавшее весной 2005 г. предложение премьер-министра Великобритании Э.Блэра о постановке экономической эффективности вперед государственного патернализма¹⁴, по сути, ставит крест на базовой для материковой Европы концепции “социального государства”, углубляя негативные тенденции в социальной сфере большинства стран, прежде всего, Германии.

Все это тесно увязывает процессы, идущие в США и Европе в единое целое. Не исключено, что мы имеем дело с очередным “управляемым” конфликтом, в ходе которого идеи возрождения атлантизма, поддержанные, с одной стороны, демократами и склоняющимися на их сторону “новыми республиканцами”, а, с другой – новыми лидерами ведущих европейских стран, будут противопоставлены “неоконсерватизму” Буша и его команды.

Очевидно, что тем самым, во-первых, будет нанесен серьезный удар по традиционному консервативному крылу республиканской партии, являющемуся одним из последних форпостов политкорректной части национально ориентированной оппозиции на всем Западе. Во-вторых, выход из намечающегося кризиса в Европе, и США будет предложено искать на путях моделей, предлагаемых боссами американских демократов, тесно связанных, как мы уже убедились, с идеологией и сторонниками “трилатерализма”.

В-третьих (и это особенно важно), подобный поворот не сулит ничего хорошего России. Именно она станет для подобного альянса основной геополитической мишенью, что предопределяется неизменностью вектора западной экспансии, неоднократно демонстрировавшегося как военными кампаниями (в том числе, 1812, 1855–1856 и 1941 гг.), так и соответствующими теоретическими изысканиями родоначальников западной геополитики – Ф.Ратцеля, Р.Челлена, Х.Маккиндера, Н.Спайкмена, а также их современных эпигонов¹⁵.

Не позднее 2008 г. (а возможно и ранее) мы рискуем столкнуться с перспективой новой “холодной войны” – “управляемого” конфликта, в ходе которого основной мишенью будут объявлены не столько целостность страны, ее суверенитет и технологическая самодостаточность, сколько духовно-культурная, цивилизационная идентичность.

“Российский вопрос” в очередной раз попытаются закрыть “раз и навсегда”.

Именно поэтому важным и актуальным представляется противодействие предпринимающимся попыткам легитимации “оранжевых” переворотов в ряде стран СНГ (за счет их включения в находящиеся под транснациональным контролем международные структуры, прежде всего, в НАТО). А также укрепление позиций Москвы в исламском мире, одна из задач которого (отнюдь не последняя) – воспрепятствовать попыткам их вовлечения в “управляемые” конфликты с Западом – не только “горячие”, но и “холодные”.

Важнейшим резервом здесь выглядит поддержание “особых” отношений с Германией и Францией, интересы которых на мусульманском Востоке существенно отличаются от англосаксонских стран. (Поэтому поддержка официальным Парижем прямого дипломатического контакта между Москвой и руководством ХАМАС¹⁶, которое выразило готовность к посредничеству в преодолении “карикатурного” скандала, дорогого стоит; особенно на фоне интенсивных атак на эту инициативу в Вашингтоне и других западных столицах, а также в Израиле).

Многое будет зависеть и от того, какая именно модель консолидации Запада будет принята взамен нынешней, доказавшей неэффективность в условиях, когда российская внешняя политика руководствуется не идеологическими догмами, а прагматическими интересами. Если выразиться конкретнее, современный “трилатерализм”, как следует из доминирующих оценок кризиса, в котором оказался Евросоюз после провалов референдумов во Франции и Нидерландах, уже не может функционировать в режиме раздираемого противоречиями “интернационала”.

Ставка все явственнее делается на “неоимперскую” модель, в которой роль центра консолидации отводится конкретному субъекту “трехстороннего” расклада. Кому именно?

В стратегическом плане вариантов, как представляется, три-четыре, не более:

- сохранение американского лидерства (что потребует “полной” зачистки не столько самих “неоконсерваторов”, сколько ослабленного взаимодействием с ними традиционного крыла республиканцев, а также серьезной работы по преодолению диспропорций в отношениях элиты и общества);
- возвращение к идеям, доминировавшим при создании ООН – концепции У.Черчилля, известной под названием “Храм мира”, а также ее современной интерпретации, предложенной Бжезинским¹⁷;
- и перенос “мирового центра” (как именовал страны-лидеры А.Тойнби)¹⁸ обратно в Европу.

При ближайшем рассмотрении без труда обнаруживается, что последний вариант, в свою очередь, подразделяется еще на два:

- лидерство Великобритании, основу для которого создает ее нынешняя активизация в странах Британского Содружества наций, а также принадлежащая тому же Тойнби идея Лондона как “мостика” между США и континентальной Европой, практически уже опробованная Блэром в вышеупомянутом выступлении в Европарламенте¹⁹;
- либо выдвижение на эту роль одного или группы субъектов континентальной Европы (объединенных единой идеологией и более централизованным, чем у Евросоюза, руководством), что, впрочем, осложняется как отсутствием потенциальных претендентов, так и проблематичностью их быстрой “раскрутки”.

Активность, проявляемая “трилатерализмом” практически на всех указанных направлениях, свидетельствует, что окончательного решения по тем или иным причинам (в том числе, расхождений между самими глобалистами) пока не принято. Это и понятно: каждый вариант имеет как свои плюсы, так и минусы. Кроме того, отсутствуют готовые

решения: в США у власти остаются традиционные консерваторы (пусть и несколько ослабленные).

В континентальной Европе же по-прежнему не только отторгается англосаксонское лидерство, но и сохраняется значительный интерес к стратегическому партнерству с Кремлем. Так, “иракская” коалиция Москвы с Берлином и Парижем, а также проект Балтийского трубопровода, очевидно, восходят к “Каролингскому” пакту де Голля и Аденауэра (к сожалению, не нашедшему должного понимания в хрущевском СССР).

Не предвосхищая конкретных действий, следует отметить, что пространство для внешнеполитического маневра у России остается, причем, весьма внушительное. И пользуются им в Кремле достаточно энергично и эффективно, что, собственно, и составляет стержень курса, который, вслед за зарубежными аналогами времен “холодной войны”, можно охарактеризовать как “гибкое реагирование”.

Что касается самостоятельной стратегии, то поиски ее основ неизменно выводят нас опять-таки на проблему евразийской интеграции, безальтернативность которой особенно рельефно оттеняется прошлогодним “газовым” конфликтом.

Поясним подробнее.

Некоторые специалисты справедливо отмечают, что настойчивость, с которой “оранжевые” власти Украины и Грузии отстаивают “самостийность” принадлежащих им участков газотранспортной системы (ГТС) СССР, обнаруживают явное стремление стоящих за ними сил сохранить возможность обеспечения Европы энергоресурсами в обход России²⁰.

Однако практически все страны, владеющие этими ресурсами, тесно связаны с Россией. Многие, кроме того, либо входят в созданные при ее участии международные организации – Евразийское экономическое сообщество (ЕвразЭС) и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), либо, как, например, Иран, имеют в одной из этих организаций статус наблюдателя.

Отсюда очевидная приоритетность задачи укрепления и расширения ШОС и, особенно, ЕвразЭС, с приданием интеграционным процессам большей интенсивности. Так, интеграция сама по себе решает ряд важнейших задач. В том числе, предотвращения попыток смены политического “оранжизма” экономическим.

Второе важнейшее направление – настойчивая работа с европейскими партнерами, наглядная демонстрация им того, что вышеупомянутые попытки воссоздания на западных границах России подобия Версальской системы – “чужая” игра, мишенью в которой выступают не только Москва, но и сам запад Старого континента. И участие в ней, стало быть, – не в интересах, прежде всего, “старой” Европы.

Если такое понимание распространится с европейского энергетического бизнеса на политические элиты (а пример Италии показал, что это вполне возможно), евразийская интеграция в Европе может быть воспринята не ренессансом “империалистической” идеологии и политики, а, скорее, инструментом геоэкономической стабилизации на всем континенте. В русле вышеупомянутого взгляда на консерватизм как на “реставрацию будущего” это означает возможное возвращение к нереализованным (в том числе, по вине Советского Союза) проектам континентально-европейского единства. Но уже в расширенном формате – от Атлантики до Тихого океана²¹.

И последнее. Спектр рассмотренных нами вопросов позволяет наглядно убедиться в том, насколько актуальной и востребованной сегодня является и сама стратегия российского энергетического лидерства, и ее внесение в повестку дня председательством нашей страны в “большой восьмерке”. При настойчивом проведении в жизнь, а также при увязке с решением круга задач, некоторые из которых освещены в предлагаемой статье, возможным становится осуществление важных, значимых не только для России, но и для мирового сообщества, в целом, шагов в направлении создания многополярного миропорядка.

Очевидно, что возможности применения в его рамках технологий “управляемых” конфликтов существенно ограничатся, вне зависимости от исхода процессов,

контролируемых силами и структурами, заинтересованными в реализации “трилатералистской” стратегии.

Примечания

¹ Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2006. № 1, 2.

² В наиболее циничной форме мнение этой “креатуры” было в свое время изложено советником Б.Н.Ельцина профессором А.Ракитовым, призвавшим “сломать защитный пояс русской культуры” и “перестроить спрятанные за ним механизмы исторической наследственности”, а также писателем В. Ерофеевым, высказавшимся за отказ от национальной истории ввиду ее “бесполезности для демократии”.

Обобщенная (и потому наиболее одиозная) точка зрения представлена остатками неформального крыла так называемого “правозащитного” движения. Его апологеты – В.Новодворская, А.Пионтковский и др. – отказывают в праве на существование ВСЕЙ отечественной традиции – как исторической, так и духовно-культурной.

³ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М., 2004. С. 32–34.

⁴ Шатиоров С., Павленко В. Имперская государственность: история и современность // Обозреватель–Observer. 2006. № 2. С. 6–17.

⁵ Матюхин А.В. Западноцентризм русского либерализма // Обозреватель–Observer. 2006. № 2. С. 51.

⁶ Штаб-квартира Фонда Карнеги в Нью-Йорке – место, где располагаются центральные офисы ключевых структур, связанных с глобальным управлением: Бильдербергского клуба и Трехсторонней комиссии.

⁷ Шевцова Л.Н. Россия боится всемирного разговора // Новая газета. 2006. № 7. 2–5 февраля. С. 6–7.

⁸ Холмогоров Е. От “санитарного кордона” к “санитарной империи” // http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=383&do=view_single.

⁹ Карасев В. 2006: год Великого перелома // Украинская правда. 2006. 15 февраля. (Цит. по: <http://www.inosmi.ru/translation/225572.html>).

¹⁰ Распавшаяся Российская империя быстро воссоединилась под видом СССР, а отстранение от власти космополитической “ленинской гвардии” привело к фактическому воссозданию имперской государственности – союза народов вместо федерации территорий.

Разрушение СССР также оказалось неполным. Вопреки попыткам горбачевско-яковлевского руководства исключить РСФСР из субъектов нового союзного договора (предполагалось его подписание отдельными российскими регионами), Российская Федерация уберегла государственный суверенитет, отстояла его в ходе тяжелейшего политического кризиса 1992–1993 гг., а также закрепила его принятием конституции, ставящей главу государства над провозглашенным в ней разделением властей, сохранив тем самым потенциал как для собственного возвращения в традиционный исторический контекст, так и для превращения в “ядро” новой интеграции.

¹¹ “Трилатерализм” – концепция внешнеполитического планирования и глобального управления, основанная на создании “лиги” высокоразвитых стран – США, Западной Европы и Японии. (Современные США. Энциклопедический справочник. Под ред. Арбатова Г.А. // М., 1988, С. 270, 334).

Инструментами реализации этой концепции выступают Трехсторонняя комиссия (с персональным членством) и “большая семерка” (в первоначальном варианте – “большая пятерка”). Вхождение в G7 Российской Федерации существенно меняет общий структурный формат этой “лиги” и ставит ряд серьезных проблем, связанных с необходимостью реструктуризации существующего миропорядка. Именно поэтому, а отнюдь не в силу озабоченности “демократической” проблематикой, процесс трансформации “семерки” в “восьмерку” встречает столь болезненную реакцию в определенных кругах на Западе.

¹² Хазин М.Л. Тупик “догоняющего развития” // Главная тема. 2005. № 4. С. 4–19.

¹³ Buchanan P.J. *Where the Right Went Wrong: How Neoconservatives Subverted the Reagan Revolution and Hijacked the Bush Presidency*. New York: Thomas Dunne Books, 2004.

¹⁴ Хантингтон С. Кто мы? Кризис американской идентичности. Гамбург, 2004.

¹⁵ Blair A. Speech to EU Parliament (June 23, 2005) //

<http://www.britishambassy.gov.uk/servlet/Front?pagename=OpenMarket/Xcelerate/ShowPage&cid=111951239292>.

¹⁶ Mackinder H.J. *The geographical pivot of history* // *The Geographical Journal*. 23. 421–44, 1904; *Democratic ideals and reality* London, Constable and Company, 1919; Spykman N.J. *Geography of Peace*. New York, 1944; Ratzel F. *Politische Geographie* // Munchen – Leipzig, 1897; Kjellen R. *Die Grossmächte der Gegenwart* // Leipzig, Berlin, 1914; Бжезинский Зб. *Великая шахматная доска*. М., 1997.

¹⁷ Говоря о “Храме мира”, Черчилль включал в его основание “четыре столпа” – США, Советский Союз, Британскую империю и Содружество, а также Европу (Черчилль У. Из выступления в Альберт-холле. Лондон, 14 мая 1947 г. Цит. по: Тэтчер М. *Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира*. М., 2003. С. 393).

В интерпретации Бжезинского эта идея звучит следующим образом: “...Мы должны пойти на такое реформирование Совета безопасности ООН, в котором правом “вето” располагали бы исключительно США, Евросоюз, Россия и Китай. Помимо этого, должны быть другие крупные страны, являющиеся постоянными членами, но не имеющие права “вето” (*Die Welt*. 2004. 4 октября).

“Оселок” этого уточнения, как представляется, – судьба Великобритании, а также ее роль в геополитике современного Запада. С Германией и особенно Францией Бжезинский не церемонится: необходимости в предоставлении им в реформированной ООН права “вето” он не видит.

¹⁸ Интервью премьер-министра Французской республики Д. де Вильпена радиостанции “Эхо Москвы” // эфир от 14 февраля 2006 г.

¹⁹ В настоящий момент такой роли, однако, препятствует цивилизационная общность Британии не столько с Европой, сколько с другими “островными” (или обособленными) субъектами англосаксонского мира: США, Канадой, Австралией, Новой Зеландией, белой общиной ЮАР и др.

²⁰ Тойнби А. *Цивилизация перед судом истории*. М., СПб, 1996. С. 82.

²¹ О том, что дает такой подход самой Российской Федерации показано в целом ряде трудов отечественных ученых. (Шатиоров С.В. (в соавт.). *Россия под прыжком*. М., 2004).

СОБЫТИЯ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

ЧАС НЕТОПЫРЯ

Закат Германской Демократической Республики

И.Максимычев,
доктор политических наук
(Институт Европы РАН)

Дезинтеграция европейского предполья СССР, а затем и его собственный распад будут еще долго занимать умы российских историков и аналитиков, пытающихся заглянуть в завтрашний день своей страны.

Не постигнув причин былых катастроф, невозможно избежать их повторения на будущее. Винить во всем советскую “перестройку” как таковую немислимо, поскольку “реальный социализм” таким, каким он стал к середине 80-х годов, был абсолютно нежизнеспособен. Трансформация режима была действительно велением времени. Однако для лечения заболевшего организма совершенно необязательно ломать ему все кости.

Реформаторы повели себя как слон в посудной лавке, в то время как нужна была тонкая хирургическая операция.

Еще более деликатный характер должны были носить действия на международной арене, где в прошлом стоило громадных трудов добиться приблизительного равновесия сил, обеспечившего относительную стабильность и отсутствие крупных потрясений в мире на протяжении почти полувека с момента окончания Второй мировой войны.

Но именно в этой чрезвычайно чувствительной сфере вожди перестройки наломали поразительно много дров. Терпя одну неудачу за другой внутри страны, они попытались компенсировать их успехами вовне. Ради этих успехов, которые ими понимались как нечто, вызывающее аплодисменты со стороны внешнеполитических соперников, они стали безвозмездно жертвовать жизненными интересами страны, сдавая позиции, отстаивать которые предшествовавшим поколениям стоило великих трудов и жертв. Содействие развалу ГДР было одним из выдающихся следствий “перестройки”.

“Перестройка” и ГДР

Наиболее полное выражение горбачевская концепция “упреждающих уступок” Западу нашла в германском вопросе, включавшем в себя сложнейшую проблематику, а именно:

- синхронного существования двух германских государств;
- их отношений с окружающим миром, а также друг с другом;
- их членства в противостоящих оборонительных альянсах и вклада в поддержание политической и военной стабильности на европейском континенте.

Даже неспециалисты не могли не видеть органической связи между комплексом германских дел и развитием общей ситуации в Европе и в мире. Верхушка ЦК КПСС,

безраздельно определявшая советскую внешнюю политику, сделала свой вывод из факта наличия подобной сцепки и отказалась от безусловного приоритета поддержки ГДР, характерного для предшествующего периода.

Если до начала “перестройки” руководство ГДР могло быть уверенным в незаменимости республики для СССР в стратегическом плане и не сомневалось в обеспеченности своего внешнеполитического тыла, то после 1985 г. все более ясно складывалось положение, при котором ГДР как бы попадала в вакуум.

В высших политических эшелонах республики ожили опасения, которые в свое время пробудила “сталинская нота” от 10 марта 1952 г., в которой без всяких предварительных консультаций с ГДР содержалось предложение Западу восстановить германское единство с единственным условием невхождения объединенной Германии в военные союзы. Неуверенность в прочности советской поддержки стала распространяться и среди населения – у одних со знаком минус, у других со знаком плюс.

Но даже простое сомнение в готовности СССР идти до конца в защите республики было смертельно опасно для нее: возможность существования ГДР без безоговорочных гарантий со стороны СССР относилась скорее к сфере ненаучной фантастики.

Новым словом советской “перестройки” в области отношений с ГДР и другими государствами-членами социалистического содружества было провозглашение принципа абсолютного невмешательства во внутренние дела братских партий, что отражало, в первую очередь, глубокое равнодушие к положению в социалистическом содружестве, являвшееся следствием недооценки высокой степени взаимозависимости между входившими в него странами.

Ставший в феврале 1986 г. помощником генерального секретаря по международным делам (“дублером” министра иностранных дел СССР) А.С.Черняев сразу заметил отсутствие у Горбачева интереса к союзникам. Он пишет: “...Я, да и не только я, чувствовал, что он без энтузиазма идет на контакты с лидерами соцстран, с трудом соглашается на визиты и явно не склонен демонстрировать, свою руководящую роль”¹.

Лидер “перестройки” больше всего на свете опасался стать объектом критики со стороны коллег в связи с провалами в советской экономике, обусловленными непродуманными экспериментами в рамках нового политического курса, и поэтому сам воздерживался от критики в их адрес. “Нейтралитет” Москвы устраивал руководителей социалистических стран: обычные для прошлых времен нравоучения с стороны “старшего брата” мало кому среди них приходились по вкусу. Лишь немногие своевременно разглядели связанные с этим опасности для своего существования.

На Западе же этот шаг вызвал бурные восторги, поскольку был расценен как ликвидация “доктрины Брежнева”, провозгласившего в свое время принцип, согласно которому ситуация в социалистическом содружестве в целом не может быть безразличной для каждого из входящих в него государств, тем более для державы, являющейся его признанным лидером.

Какие выводы делать из этого положения, вопрос особый, но “принцип равнодушия” является естественным для любого союза, если он не собирается разваливаться.

Западное ликование можно было понять, так как любые трещины в Варшавском пакте ослабляли “вероятного противника” Запада.

А вот энтузиазм руководства соцстран был бы оправданным лишь в том случае, если бы новая линия Москвы, подтверждавшая отказ от силового вмешательства (каким было, например, коллективное направление в августе 1968 г. танков в Чехословакию), предусматривала одновременно разработку общих позиций не только по международным, но и по внутренним проблемам. В этом случае можно было бы действительно говорить о прогрессе в налаживании нормальных отношений между социалистическими странами. Опыт “перевоспитания” чехов и словаков все равно исключал к середине 80-х годов повторное направление танков куда бы то ни было. В этом контексте “абсолютное

невмешательство” Москвы означало ничто иное, как отказ “реального социализма” от совместной выработки методов преодоления кризисных явлений, нараставших во всем социалистическом лагере. В результате внутреннее развитие соцстран было пущено на самотек со всеми вытекающими из этого последствиями. По существу с самого начала “перестройки” восторжествовал принцип: “Каждый умирает в одиночку”.

Типичным для отношений конкретно с ГДР был отказ СССР оказать ей срочную экономическую помощь для преодоления последствий реализации системы мер по повышению жизненного уровня населения, которые должны были, по замыслу лидера республики Эриха Хонеккера, переломить сохранявшуюся готовность восточных немцев при первой же представившейся возможности перебежать в ФРГ.

Предлагавшийся экономистами ГДР рецепт был элементарно прост – СССР поставляет в республику по низким внутренним ценам Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) определенное количество сырой нефти сверх ее непосредственных нужд; эта нефть перерабатывается в ГДР в бензин и продается в ФРГ по высоким ценам мирового рынка; разница остается в ГДР и используется для финансирования социальных программ республики. В итоге должны были укрепиться позиции ГДР в соревновании с ФРГ за симпатии собственного населения, а укрепление восточногерманской республики означало бы автоматически укрепление позиций всего социалистического сообщества.

В ГДР простаивали созданные специально для советской сырой нефти гигантские нефтеперерабатывающие мощности в Шведте, намного превосходившие потребности самой республики. Но нефть “сверх нормы” так и не стала поступать в сколько-нибудь значительных количествах.

Москва мотивировала свой отказ тремя группами причин:

1. Нефти самим не хватает;
2. Дашь ГДР, придется давать и остальным соцстранам (заявки с аналогичной мотивировкой поступали от них всех);
3. Уровень жизни населения ГДР и так выше, чем в СССР.

Все эти соображения, отражавшие вполне реальные аспекты ситуации, не учитывали, однако, ключевого положения ГДР в системе опор международного влияния Советского Союза. Игнорировался и серьезный вклад ГДР в восстановление советской экономики после войны, хотя выплата восточной зоной оккупации репараций за всю Германию во многом обусловила последующие экономические трудности республики.

По подсчетам бременского экономиста Арно Петерса, на 31 декабря 1953 г. сумма выплаченных ФРГ репараций достигла 2,1 млрд. немецких марок, в то время как репарационные платежи маленькой ГДР за тот же период составили 99,1 млрд. немецких марок, то есть в 50 раз больше².

От такого кровопускания ГДР так и не оправилась.

С одной стороны, репарации были совершенно необходимы Советскому Союзу, европейская часть которого лежала после войны в руинах, а с другой – нельзя не признать определенную обоснованность мнения ряда немецких экономистов, считающих, что изъятие репараций в таких объемах, какие практиковались после 1945 г. исключало успешное построение социализма в ГДР.

В Москве тактическое мышление совершенно очевидно взяло верх над стратегическим. “Материалистическая диалектика” рассматривала существование социалистического содружества как необратимую данность на все времена. КПСС (так же, впрочем, как и Социалистическая единая партия Германии) явно переоценила прочность восточногерманской республики. Возможность развала ГДР вследствие внутреннего взрыва не принималась в расчет даже гипотетически. Не вдаваясь в углубленный анализ обстановки в ГДР, в Москве считали, что будет достаточно несколько либерализовать режим СЕПГ по образцу советской “перестройки”, чтобы снять недовольство населения, о котором исправно докладывали советские дипломатические и иные представительства в ГДР. И тогда все будет в порядке, полагали в “перестроечном” руководстве. Оно было в

принципе не против сохранения стабильности европейского предполья СССР, но не хотело ради этого брать на себя какие-либо дополнительные обязательства.

Нежелание Эриха Хонеккера следовать примеру “старшего брата” в смысле копирования “перестройки” вызывало растущее раздражение у официальной Москвы, которая именно в этом видела причину продолжающегося обострения положения в республике. Действительно, необходимость реформ в ГДР была очевидна для каждого, кто хотя бы поверхностно ознакомился с настроениями населения республики, которое требовало ослабления опеки со стороны государства, лишавшего людей минимальной свободы действий и выбора. Между тем, у руководства ГДР были объективные основания для скептического отношения к горбачевской “перестройке”. Во внутренних оценках Хонеккер обоснованно констатировал, что “перестройка” не улучшает, а ухудшает ситуацию в советской экономике. Эксперты ЦК СЕПГ подкрепляли сложившееся у лидера ГДР мнение прогнозами, согласно которым “перестройка” приведет в скором времени к всеобъемлющему кризису СССР с весьма неопределенным исходом. В беседах со своими приближенными Хонеккер обсуждал перспективы существования ГДР в предположительном случае дезинтеграции СССР. Высказывалось мнение, что ГДР могла бы уцелеть тогда лишь при условии, что ей удастся “прислониться” к процветающей ФРГ. Кстати, и “перестроечная” Москва, отказывая немецким друзьям в выполнении их просьб об экономической помощи, со спокойной совестью советовала ГДР просить денег у Бонна. Так что сближение обоих германских государств, по крайней мере в экономической области, форсировалось с обеих сторон.

Не закрывая глаза на опасность поглощения ГДР несравнимо более сильной ФРГ, Хонеккер тем не менее последовательно проводил линию, ведущую к экономической зависимости республики от Западной Германии. Он не без оснований считал, что у него не оставалось выбора: отказ от социальной программы СЕПГ вызвал бы, по его мнению, немедленный внутривластный взрыв. Оглушительный успех первого (и последнего) визита Хонеккера в ФРГ в сентябре 1987 г. с триумфальным приемом по всему маршруту следования (западные немцы ради этого случая забыли и о Берлинской стене, и о нарушении “прав человека” в ГДР) укрепил его во мнении, что модус-вивенди с ФРГ на основе сохранения самостоятельности ГДР возможен.

Действительно, “видимая часть айсберга” западногерманской линии в отношении ГДР свидетельствовала о поддержке второго германского государства. Но при этом речь шла, конечно, о такой поддержке, какую веревка оказывает повешенному. В то же время предоставлявшиеся ФРГ крупные займы помогали республике преодолевать периодически обострявшиеся кризисы в ее экономике.

Платежи за пользование автострадами между территорией ФРГ и Западным Берлином, “гуманитарные взносы” за досрочное освобождение заключенных из тюрем ГДР по выбору Бонна и прочие своеобразные источники финансирования обеспечивали постоянный приток марок ФРГ в казну ГДР.

Сполохи близкой бури

Ситуация в ГДР вызывала беспокойство в посольстве и иных советских представительствах в республике. В неблагополучии я весьма наглядным образом убедился меньше, чем через месяц после своего прибытия к месту назначения в Берлин.

На Троицу, которая прилась в 1987 г. на 6, 7 и 8 июня, перед зданием рейхстага, расположенным на западноберлинской территории в полукилометре от посольства, состоялся трехдневный (точнее “трехвечерный”) концерт под открытым небом ведущих рок-групп Западной Европы и США.

Организаторы концерта, движимые, как они заверяли позже, состраданием к населению Восточного Берлина, разместили очень большую и мощную часть звукоусилительной аппаратуры непосредственно перед Бранденбургскими воротами,

развернув ее на Восток. Успех был настолько потрясающим, что из-за грохочущей музыки, слышной во всех помещениях посольства, мы могли переговариваться друг с другом, только крича что есть мочи или передавая друг другу записки.

Среди восточноберлинцев весть о том, что высококлассный рок-концерт можно слышать непосредственно, “живьем”, распространялась достаточно медленно, хотя западноберлинские радио и телевидение, передачи которых свободно принимались практически на всей территории ГДР, постарались своевременно известить их об этом.

В первый вечер – это был конец дня пятницы – у заграждений перед Бранденбургскими воротами (весь ареал Ворот был пограничной зоной, заходить в которую запрещалось всем и каждому) собрались лишь небольшие группки молодежи, которые легко поддавались на уговоры пограничников отойти подальше от границы.

Да и на следующий вечер скопления молодежи были не очень значительными. Однако народная полиция уже стала разгонять молодых людей. Действия полиции не вызвали большого волнения и прошли без сучка и задоринки. Главные неприятности проявились только на третий вечер.

В воскресенье 8 июня было, видимо, принято решение вообще не пропускать к Бранденбургским воротам желающих слушать концерт. К концу дня полиция перекрыла аллею Унтер-ден-линден и параллельные ей улицы как раз на уровне посольства, почти под окнами моего рабочего кабинета. За ограждением собралась необозримая толпа. Где-то к 21.00 начались потасовки, в ход пошли полицейские дубинки, кого-то уводили, вернее утаскивали, в плохо освещенные боковые улочки. Толпа, до отказа заполнившая Унтер-ден-линден, непрерывно выкрикивала хором: “Долой стену!” (“Mauer tuЯ weg!”) и “Горби, Горби!” (так к тому времени немцы звали в просторечии Горбачева).

Впечатление было потрясающим. Это был яркий пример того, как применяемая без ума власть может любой, даже самый незначительный повод превратить в детонатор политического протеста. Разгонять дубинками людей, пришедших послушать бесплатный концерт, было верхом безумия. Списать произошедшее на западную провокацию было никак нельзя: в толпе не было заметно западных журналистов, и инцидент прошел практически мимо внимания западноберлинской печати. Власть без всякой нужды переполняла чашу терпения народа.

После Троицы 1987 г. я при всем желании уже не мог воспринимать реальность ГДР как нормальную.

Требования собравшихся на Унтер-ден-линден, отражавшие глубоко укоренившиеся настроения в обществе, были достаточно радикальными, но не революционными. Вне всякого сомнения, нужна была срочная и существенная либерализация режима пересечения германо-германской границы – вряд ли можно было в условиях разрядки всерьез рассчитывать надолго сохранить порядки, продиктованные “холодной войной”. Требовалось демонстративное ослабление назойливой опеки партаппарата СЕПГ над всеми сегментами общественной жизни, то есть ее демократизация, по крайней мере, в социалистическом понимании – для этого достаточно было оживить формально сохранившуюся в ГДР многопартийную систему. Напрашивалось ограничение необъятных компетенций службы безопасности, которые в условиях ГДР переходили все разумные границы.

Выгоднее было поступиться частью, чем дожидаться, когда обрушится все здание целиком.

В то же время было совершенно ясно, что первый же шаг в направлении модернизации общественной жизни республики неминуемо вернет на политическую авансцену национальный вопрос немцев, который СЕПГ самонадеянно объявила раз и навсегда решенным в пользу сосуществования двух германских государств.

Национальное самосознания немцев

В не столь давно опубликованной чрезвычайно содержательной беседе советской верхушки с руководством Социалистической единой партии Германии (31 января 1947 г.) содержится высказанное Сталиным мнение, что если Германия будет раздроблена (он называл раздробление “федерализмом”), то “позднее это поведет к реваншу и войне, а лозунг единства Германии перейдет из наших рук в руки буржуазии”. “Нам это невыгодно, – продолжал он. – Этот лозунг не должен выпасть из наших рук”³.

В послевоенные годы политика СССР в германских делах последовательно исходила из того, что лозунг единства Германии должен оставаться в советском арсенале. Отсюда постоянная настойчивость Москвы на необходимости воссоздания единой Германии. Точка зрения Сталина не изменилась и после появления на политической карте Европы в 1949 г. ФРГ и вслед за ней ГДР. Это наглядно показала уже упоминавшаяся нотная переписка с тремя западными державами в 1952 г., когда СССР пошел даже на то, чтобы согласиться на западное требование о проведении свободных выборов по всей Германии. После смерти Сталина и особенно после событий 17 июня 1953 г., продемонстрировавших уязвимость режима ГДР, СЕПГ при полной поддержке КПСС решила, что лучше сохранять всю власть в части Германии, чем рисковать потерять власть в объединенной.

Несколько позже был даже отменен текст гимна республики, в котором говорилось о Германии как о “едином отечестве”.

Недальновидность подобной позиции была видна невооруженным глазом. Нацию не отменишь решением политбюро или партсъезда. Конечно, в Германии тема нации и связанные с ней проблемы были чрезвычайно отягощены преступлениями нацизма и на долгое время как бы погрузились в летаргический сон. Но этот сон не мог длиться вечно – после окончания войны прошло почти столетие. При всей своей дисциплинированности я считал своим долгом хотя бы намеком предостеречь близких к власти гедезеровцев от опасности недооценки национальной проблематики.

Данная тема постоянно всплывала в моих неофициальных дискуссиях с сотрудниками иностранного отдела ЦК СЕПГ, причем мои собеседники то и дело ссылались на прецедент ноты 1952 г. как на доказательство того, что Москва может в один прекрасный момент бросить на произвол судьбы ГДР и людей, связавших с ней свою судьбу.

Неуверенность партийных и государственных функционеров ГДР в надежности советской поддержки была, кстати, одним из факторов, тормозивших необходимую модернизацию режима.

Во время празднования 40-летия Национально-демократической партии Германии 24 мая 1988 г. я попытался в личной и частной беседе обратить внимание ее председателя, профессора Генриха Хомана, на важность для ГДР своевременной разработки национальной темы с учетом интересов республики.

С преодолением конфронтации в Европе, говорил я ему, вопрос о необходимости существования ГДР встает по-новому, поскольку теряет силу прежняя мотивировка немецкой двухгосударственности: социалистическая ГДР, оплот мира, – противовес натовской ФРГ, источнику военной опасности. Партии, несущей в своем имени термин “национальная”, было бы вполне уместно заняться этой проблемой, считал я.

Хоман сделал вид, что не понял, что я имею в виду, – такой чуждой была для него мысль о том, что кто-то или что-то может поставить под сомнение незыблемость политики ГДР по национальному вопросу.

Гедезеровские верхи явно теряли контакт с действительностью.

В любом случае события на Троицу 1987 г. не послужили поводом для срочного начала подготовки к перестройке по-гедезеровски. Никакого движения в нужную сторону не наметилось. По старому армейскому правилу “наплевать и забыть” власти ГДР и Москва постарались поскорее вытеснить из сознания случившуюся на Унтер-ден-линден неприятность. Им это блестяще удалось. Лейпцигские демонстрации по понедельникам два

года спустя были восприняты, как нечто совершенно новое. На самом деле предупредительный звонок был дан еще в 1987 г., причем в столице, под носом у властей. Его просто ухитрились проигнорировать.

Особые опасности ситуации в ГДР никогда не попадали в центр внимания тех в Москве, кто нес ответственность за внешнюю политику второй по мощи сверхдержавы современности. Ими никогда не был по-настоящему осознан тот факт, что на кону стояла перспектива сохранения республики. Если возможное смягчение режима или даже смена общественного строя не грозили Польше или Румынии их исчезновением как государств, то в ГДР до последнего момента конфронтация между капитализмом в Западной Германии и социализмом в Восточной Германии рассматривалась как основа существования республики. Такая постановка вопроса делала ее чрезвычайно уязвимой как с точки зрения настроения масс, так и в плане устойчивости политической элиты, бывшей свидетелем отхода Москвы и всего социалистического лагеря от конфронтации как от способа существования послевоенного мира и метода разрешения его конфликтов.

Отказ руководителей советской “перестройки” взглянуть в лицо гедэровской действительности был сопряжен с реальными угрозами для защиты интересов СССР в Европе и в мире.

Без всякого преувеличения ГДР была краеугольным камнем системы союзов на европейском континенте, созданной СССР с невероятными материальными и людскими затратами. Наличие на территории республики почти полумиллионной ударной Западной группы войск (до лета 1989 г. она носила название Группы советских войск в Германии) оправдывало расквартирование наших солдат в Польше, Венгрии и Чехословакии, где они должны были прикрывать линии коммуникаций между ЗГВ и территорией СССР.

Выпадение ГДР из оборонительной системы СССР на западном направлении совершенно очевидно означало бы ликвидацию всей этой системы, поскольку обнажался центральный участок разделительной линии между Востоком и Западом континента. В этой ситуации никому не приходило в голову, что СССР может “отказаться” от ГДР без войны и военного поражения.

Даже если предположить, что к 1989 г. уже созрели условия для роспуска военных блоков в Европе и слияния всех европейских наций в единую счастливую континентальную семью, где нет страхов за свою безопасность и все думают только о том, как помочь друг другу, жизненный интерес СССР заключался в том, чтобы обеспечить взаимность начинающегося процесса строительства того, что еще Л.И.Брежнев называл “Общим европейским домом”. В частности, обеспечить, чтобы разоружению Востока шаг за шагом соответствовало разоружение Запада, чтобы ослабление одного блока не вызывало усиления противостоящего альянса, чтобы “открытие” Востока не сопровождалось “закрытием” Запада и т.д.

Для этого советская политика должна была располагать определенным запасом прочности, иметь надежных союзников, возможностями маневрировать, запасными позициями. Для выполнения этой задачи ГДР имела уникальное стратегическое значение для СССР. Тем более, что солидарность республики с нами на международной арене не вызывала нареканий. Наши коллеги из МИД ГДР дисциплинированно и с энтузиазмом поддерживали инициативы Москвы, которые рассматривались ими как общее дело всего социалистического лагеря.

Исключением была линия Шеварднадзе на безответные уступки Западу в рамках “третьей корзины” СБСЕ. ГДР не голосовала против, чтобы не подрывать авторитет Москвы, но предупреждала “в доверительном порядке”, что выполнять принимаемые решения будет лишь “в пределах разумного”. Сомнительно, что подобный образ действий способствовал внутренней стабильности республики, где все документы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе публиковались в центральной печати, но это уже другой вопрос.

Кроме того, маленькая ГДР выполняла роль важнейшего экономического партнера

СССР. На нее приходилось 10–15% советских внешнеэкономических обменов, причем из ГДР мы зачастую получали замену той продукции высоких технологий, которую отказывался поставлять нам Запад.

Речь шла не только о судьбе ГДР

Тем не менее в высшем советском руководстве никто не хотел додумать до конца практические выводы из тезиса о ключевом значении ГДР для позиций СССР в Европе и в мире. Доведенный до отчаяния полным безразличием Москвы по отношению к подземным толчкам в ГДР я пытался при случае раскрыть глаза моим западноевропейским коллегам на серьезность положения, поскольку в стабильности в центре континента был заинтересован не только СССР. Уже 10 сентября 1987 г., когда советник посольства Франции в ГДР Филипп Босьер в беседе, посвященной итогам только что закончившегося визита Хонеккера в Бонн, стал выражать опасения по поводу того, не пошел ли руководитель ГДР на чрезмерные уступки ФРГ, поставив тем самым под удар суверенитет республики, я обратил его внимание на то, что самостоятельность восточногерманского государства зависит не только от Москвы, но и от активности его поддержки со стороны Франции и других стран Западной Европы.

Для полной ясности я прямо сказал: “Надо спасти ГДР” (“Il faut sauver la RDA” – разговор шел на французском языке).

Об этом же я не уставал твердить и посланникам трех держав в Западном Берлине, с которыми поддерживал тесные деловые контакты.

К сожалению, Западная Европа не прочувствовала ситуацию – или слишком понадеялась на СССР. Первый официальный визит французского президента Франсуа Миттерана в ГДР, который мог получить символическое значение, состоялся лишь в декабре 1989 г. В том же декабре в Потсдаме произошла встреча первая госсекретаря США Дж.Бейкера с главой правительства ГДР Хансом Модровым. Но было уже слишком поздно.

В клане Хонеккеров меня считали недоброжелателем ГДР вследствие моей приверженности идеям советской “перестройки”, а также убеждения в необходимости перемен в ГДР.

При первом же знакомстве (состоявшемся в 1987 г. на приеме в посольстве по случаю очередной годовщины Октябрьской революции – члены политбюро ЦК СЕПГ с женами по традиции присутствовали на этих приемах) Маргот Хонеккер, игравшая существенную роль во внутривнутриполитической борьбе в республике, задала мне что называется в лоб поразивший тогда меня вопрос, являюсь ли я другом ГДР.

Видимо, для нее быть “другом ГДР” означало только быть “другом семьи Хонеккеров”.

Между тем я не скрывал своей личной оценки экзистенциальной значимости ГДР для СССР.

Она была видна хотя бы из обмена речами на дружеском обеде с делегатами отчетной конференции Общества германо-советской дружбы Лейпцигского округа (9 апреля 1988 г.).

Когда секретарь окружкома СЕПГ Йохен Поммерт вполне традиционно заявил в своей речи: “ГДР не могла бы существовать без СССР”, я подчеркнул со всей искренностью в ответном слове: “Верно и обратное – СССР не смог бы существовать без ГДР”.

Возможно, что участники обеда приняли мое заявление за дань вежливости, но в его основе лежала железная логика соотношения сил в Европе, которую подтвердило через несколько лет реальное историческое развитие.

Я был решительно не согласен с теми нашими публицистами “перестроечной” эпохи, которые шокировали общественность плохо продуманными декларациями о необходимости и желательности отказа от поддержки ГДР ради достижения подлинной разрядки на континенте и строительства “общеевропейского дома”. Доходившие до Берлина отголоски этих дискуссий страшно нервировали руководящие слои ГДР, побуждая их относиться к

“перестройке” и “перестроечному” СССР с еще большим недоверием, чем они того заслуживали. Горбачев, похоже, лишь на краткий миг осознал урон, который понесет СССР в случае развала ГДР.

Уезжая из Берлина 7 октября 1989 г., где он участвовал в праздновании 40-летия ГДР, генеральный секретарь ЦК КПСС сказал провожавшему его послу В.И.Кочемасову: “Народ нам не простит, если мы потеряем ГДР”⁴.

Однако уже в феврале следующего года он сам собственными руками запустил процесс, исходом которого могло быть только скорейшее присоединение ГДР к Федеративной Республике. Причем процесс был запущен, когда буквально ворвавшиеся в общественную жизнь ГДР новые политические силы республики еще не решили для себя вопрос, должно ли сохраняться и в каких временных рамках второе германское государство.

Между спасением ГДР во что бы то ни стало (задача, которая после открытия германо-германской границы и падения Берлинской стены в ноябре 1989 г. стала походить на квадратуру круга) и передачей ее ФРГ в подарочной упаковке (именно это проделал в конечном счете Горбачев) имелась бездна вариантов, большинство из которых могло считаться в целом отвечающими национальным интересам СССР, которого не могли устроить крутые и, главное, стремительные сдвиги в сложившейся в Европе ситуации.

Еще до начала острой фазы кризиса в ГДР Москва получала сигналы из Берлина о необходимости разработки таких вариантов.

В беседе с заведующим отделом печати МИД СССР Г.И.Герасимовым (12 августа 1988 г.) статс-секретарь МИД ГДР Герберт Кроликовский напрямую попросил его выяснить в советских верхах, нужна ли еще Советскому Союзу ГДР.

Упомянув о выступлениях в печати СССР с призывами решить “германскую проблему” за счет ГДР, он сказал: “Мы просим лишь об одном – сказать нам ясно, каковы ваши намерения в отношении нас. Сегодня есть социалистическая Германия. Вопрос в том, надо ли ее сохранять, как, например, Австрию, или ждать момента, когда можно будет отделаться от ГДР. Это наше государство, мы его выстроили и любим.

Наш западный партнер (ФРГ) – не самый глупый и не самый слабый. Не надо облегчать ему достижение цели, которая состоит не в усилении ГДР.

Однако если вы нам скажете, что мы вам больше не нужны, что вы можете обеспечить мир в Европе и без нас, мы постараемся найти выход из новой ситуации. Мы возродим прежнюю концепцию конфедерации в Германии, начнем переговоры с Бонном по этому вопросу и будем добиваться максимально выгодных условий для людей, живущих здесь.

Скажите нам открыто, в чем состоит ваша цель, и мы будем действовать в соответствии с этим. Мы не драматизируем, не собираемся поднимать вселенский плач. Но надо принимать меры, думать о следующем и дальнейших этапах”⁴.

Запрос Кроликовского был передан в Москву. Реакции на него не было никакой. Беда заключалась в том, что цели советской “перестройки” были неясны даже самим ее авторам. А начинать такую же “перестройку” в ГДР, не зная того, куда она должна привести, и не будучи уверенным в том, что твой главный союзник будет поддерживать тебя до конца, гедезеровское руководство не решалось.

Я должен признаться в том, что даже после начала острой фазы кризиса питал иллюзии в отношении устойчивости республики. Я был уверен, что огромный конструктивный потенциал, заложенный в ГДР при ее создании представителями позитивной традиции германской истории, далеко не исчерпан. Если социализм – подлинный социализм, а не его “реально социалистическая” ипостась – может быть действительно построен, считал я (и не я один), то это произойдет, прежде всего, в ГДР с ее образцово дисциплинированным населением, добросовестно относящимся к любому делу, с ее обозримой и потому легкой поддающейся управлению территорией, с гораздо более крепкими, чем у нас демократическими традициями, с нашей поддержкой и одновременно существенной помощью, поступающей от ФРГ.

Зная о том факте, что значительная часть населения республики мечтает о переселении в богатую ФРГ (иначе не нужны были бы Берлинская стена и стрельба на германо-германской границе), я все же доверял оценкам руководства республики, согласно которым существенно больше половины ее граждан поддерживают самостоятельное существование ГДР и испытывают чувства гедеэровского патриотизма.

Однако было совершенно ясно, что будущее ГДР в решающей степени зависит от того, сможет ли она и как быстро приспособиться к стремительно меняющемуся миру вокруг нее. В той ситуации, в какой она находилась, ГДР не могла позволить себе роскошь игнорировать необходимость срочной модернизации своего внутреннего устройства, а также неизбежность спешной адаптации к новому типу межгосударственных отношений, складывающихся в Европе после Хельсинки. Иными словами, ГДР не могла позволить себе разногласий одновременно и с Москвой, и с Бонном.

Я рассчитывал, что в ГДР, в СЕПГ есть силы, которые смогут найти ответ на требования времени, отвечающий интересам населения республики, а также СССР как ее покровителя и защитника, и в то же время не противоречащий потребности народов всего европейского континента в мире и стабильности. Этот ответ должен был так или иначе укладываться в рамки решения национальной проблемы немцев.

Когда бал правят дилетанты

Вопреки распространенному мнению поступавшая из посольства (и вообще из ГДР) информация не играла никакой роли при формировании политики советских верхов в германских делах. Тревожные ноты в сообщениях в Москву вызывали в лучшем случае скептические улыбки, а то и раздражение и упреки в “паникерстве”. На вершине власти, в ЦК КПСС (а именно он решал все, а не МИД, втянутый Шеварднадзе в бесконечную череду перетасовывания кадров и по большей части ненужных внутренних реформ) и без того сами лучше всех знали, что важно и что второстепенно.

Главным требованием к информации о положении в ГДР являлось: “Не драматизировать!”.

Предпринимаемые сотрудниками посольства время от времени попытки донести до Центра серьезность складывающегося в ГДР положения не преодолевали даже первого барьера в лице посла, который получал на этот счет точные инструкции из ЦК КПСС.

Мы постоянно слышали из уст Кочемасова: “Не паникуйте! У Михаила Сергеевича и без того забот хватает”. Если на посла уж очень наседали, он звонил помощникам и советникам Горбачева и спрашивал, следует ли направлять ту или иную информацию телеграммой (на самом верху знакомятся только с телеграммами из посольств, да и то далеко не со всеми). Это было решающим моментом, так как записки, справки, доклады, отчеты, политические письма загранпредставительств оседают в отделах МИД СССР, не доходя не только до министра, но даже до заместителей министра, а часто и до заведующих отделами.

Формально информация из Берлина шла широким потоком и содержала сообщения о всех критических моментах, которые вызвали позже коллапс республики. Вот только ничего эта информация не меняла и не могла изменить.

Когда я был в очередном отпуске в Москве (июнь 1989 г.), меня в МИД СССР в назидательных целях подробно информировали о недавнем выступлении Шеварднадзе на коллегии министерства с критикой работы посольств в социалистических странах и подразделений центрального аппарата, курирующих данное направление.

Как мне передавали, министр высказывался весьма решительно. По его оценке, обстановка в соцстранах никогда не была такой сложной, как сейчас, а наша работа с ними “продолжает вестись на примитивном уровне – мало высказывается новых идей, мало вносится предложений о наших дальнейших шагах в этой области”. В развитие тезисов министра мне говорили о беспокойстве, которое вызывает у руководства положение в

социалистическом содружестве, прежде всего в Польше и Венгрии.

Особо подчеркивалась недопустимость сохранения в подобных условиях “безынициативности посольств”, которые не работают над “долговременными концепциями развития отношений” с соответствующими странами, не готовят “крупных документов”, которые могли бы лечь в основу “акций на правительственном уровне”.

У меня (и не только у меня) крепло впечатление, что в решающий момент, когда “перестройка”, наконец, стала давать результаты в смысле коренного обновления реальностей внутри страны и за ее пределами, высшее руководство полностью потеряло ориентировку и зашло в тупик. Перед лицом сложнейшей ситуации, возникшей в жизненно важном для СССР европейском предполье, верхи требовали от посольств, то есть от исполнителей, подсказки, что можно и нужно сделать в обстановке, которая обострилась в результате шагов, предпринятых самими верхами без всякого предварительного совета с посольствами. Официальный тезис о приоритетном характере отношений СССР с социалистическими странами просто повис в воздухе, не подкрепленный ни действиями, ни даже подчеркнутым вниманием со стороны “вождей перестройки”.

Все остававшееся не занятым внутрипартийными склоками время Горбачев или Шеварднадзе посвящали взаимоотношениям с США, причем по программе, составленной в Вашингтоне. Советские лидеры постоянно оправдывались за прежние антиамериканские прегрешения СССР и шли на односторонние уступки для доказательства своего перевоспитания и миролюбия. Но в этой сфере наметились хотя бы какие-то сдвиги. В том же, что касалось социалистического содружества, дело ограничивалось вздыханиями на высшем уровне в том духе, как хорошо было бы, если бы все любили друг друга, если бы в соцстранах не расшатывались основы государственного строя, если бы их население не косилось в сторону Запада, если бы монолитность социалистического лагеря не размывалась изо дня в день все больше.

И при перестроечной сумятице никто не отменял обязанности политического руководства страны формировать новые политические горизонты, определять реальные приоритеты, давать соответствующие изменившимся условиям дефиниции высших национальных интересов в обстановке происходящей по нашей же инициативе ломки всей системы международных отношений. Функции исполнительного механизма также не менялись: он был обязан максимально эффективно реализовать указания высшего руководства, своевременно подавать сигналы о возникающих трудностях и вырабатывать рекомендации относительно мер по их преодолению.

Но если замыслы политического руководства оставались неясными, приоритеты фальшивыми, а сигналы с мест не услышанными, то добра ждать не приходилось. Вожди “перестройки”, претендовавшие на звание “делателей истории”, оказались учениками чародея, вызвавшими бурю, но не сумевшими справиться с нею.

Один из многочисленных парадоксов обстановки, как она выглядела летом 1989 г., состоял в том, что положение в ГДР считалось более благополучным, чем во многих других социалистических странах. Однако исход населения из республики уже начался.

2 мая венгерские пограничники приступили к демонтажу заграждений на границе с Австрией, что создавало условия для ее нелегального пересечения гражданами ГДР, отдохавшими в Венгрии, для въезда в которую им не требовалось виз.

20 июня первые беженцы из ГДР получили политическое убежище в посольстве ФРГ в Будапеште.

Впрочем, бегство населения еще не приобрело такого катастрофически массового характера, как это произошло после полного открытия австро-венгерской границы в сентябре.

Посольство, естественно, докладывало в Центр о новых вызывающих тревогу элементах обстановки, но старалось делать это по испытанному рецепту “Не драматизировать!” В тот момент никто ни в ГДР, ни за ее пределами еще не распознал, что кризис, который поглотит республику, уже начался и стал набирать обороты.

Привезенным из отпуска утешением для меня было то, что в адрес посольства в Берлине отсутствовали прямые замечания.

Мы-то ведь как раз вносили “инициативные предложения” – в частности, о том, что пора реагировать на неприемлемые для отношений между дружественными государствами акции властей ГДР, запретивших, например, доставку подписчикам популярного в республике дайджеста советской прессы на немецком языке “Спутник” в наказание за опубликованную в нем статью, приписывавшую Сталину “вину” за развязывание Второй мировой войны (запрет последовал по личному указанию Хонеккера), или конфисковавших большую часть номеров журнала “Новое время” вследствие содержащихся в них разоблачительных материалов перестроечного стиля по деятелям заграничных компартий в 30-е годы.

Ответа на наши предложения мы не дождались. Устно нам было сказано, что их реализация повела бы лишь к вмешательству во внутренние дела ГДР, а это в принципе противоречит желанию руководства СССР не затрагивать внутреннюю сферу соцстран.

Наверное, не было большой беды в том, что предлагавшиеся посольством демарши не состоялись, поскольку наши протесты, даже негласные, еще больше накалили бы атмосферу в отношениях между СССР и ГДР, которые и без того по ряду моментов были далеки от идеала.

Однако молчание советских официальных властей перед лицом известных всем действий, которые широкими кругами населения ГДР расценивались как вызывающе нелояльные по отношению к СССР, порождало впечатление, будто Москве все равно, что происходит в ГДР, и она согласится с любым исходом той политической борьбы, которая исподволь разворачивалась в республике.

Примечания

¹ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 81.

² Dohnanyi Kl. von. Das deutsche Wagnis. Iiber die wirtschaftlichen und sozialen Folgen der Einheit. Berlin, 1991. S. 63.

³ СССР и германский вопрос 1941–1949. Т. III. 6 октября 1946 г. – 15 июня 1948 г. М., 2003. С. 260.

⁴ Максимычев И.Ф. Народ нам не простит... Последние месяцы ГДР. Дневник советника-посланника посольства СССР в Берлине. М., 2002. С. 65, 13.

АСИММЕТРИЧНЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В.Круглов,
доктор военных наук, генерал,
А.Лебедев,
кандидат военных наук, полковник)

Для большинства здравомыслящих людей в нашей стране и за ее пределами очевидно, что российская государственность в настоящее время переживает один из наиболее сложных периодов в своей истории.

Одним из результатов продолжающейся трансформации системы мирового порядка явился существенный рост геополитического потенциала у одних субъектов международного права и значительное сокращение такового у других, в том числе и у России.

Имеет место, а в перспективе приобретет более интенсивный характер деятельность ряда государств, их коалиций, экономических и общественных объединений, других субъектов права, в том числе и тех, которые действуют внутри страны по ослаблению позиций России в экономической, политической, военной, научно-технической, культурной и других сферах жизнедеятельности. Этому способствуют нарастающие масштабы и интенсивность процессов глобализации отношений между государствами, общественными и другими организациями, иными субъектами права, а также увеличение количества и усугубление проблем, вытекающих из объективно складывающихся противоречий между ними. Наличие данных проблем объективно приводит к ухудшению условий существования, функционирования и развития как государства в целом, так и отдельных граждан и их объединений различного рода.

В этих условиях политическим руководством России, многими авторитетными специалистами в различных областях деятельности справедливо уделяется большое внимание обеспечению национальной безопасности как деятельности, направленной на создание благоприятных условий существования, функционирования и развития субъектов национальной безопасности.

Одной из причин такого внимания к данной проблеме является возможность выдвижения политическим руководством страны парадигмы обеспечения национальной безопасности страны в качестве национальной идеи.

Возможные условия, которые могут заставить власть пойти на такой шаг, очевидны:

- резкое обострение внутри- и внешнеполитической обстановки,
- значительное ухудшение геостратегического и экономического положения страны в сочетании с крупномасштабными природными и техногенными катастрофами и бедствиями,
- существенным снижением военного потенциала страны.

В научной литературе содержание понятий “национальная безопасность” и “обеспечение национальной безопасности” неразрывно связаны с такими понятиями, как “субъект национальной безопасности”, “защищенность”, “интересы”, “потребности”, “ресурсы”, “угроза”, “опасность”, “источник угрозы (опасности)”, “воздействие”, “деятельность” и др.

Анализ процесса обеспечения национальной безопасности показывает, что его сущность можно рассматривать как деятельность государства, негосударственных объединений (организаций) и отдельных граждан по предотвращению, локализации, нейтрализации и ликвидации воздействий различных сил, направленных на затруднение или исключение возможности субъектам национальной безопасности пользоваться различного рода ресурсами.

Прежде всего, ресурсами, принадлежащими им на основе права собственности, а также другими необходимыми им ресурсами, в частности: находящимися в исключительной собственности других субъектов права или не имеющими владельца. К таковым можно отнести ресурсы союзных и нейтральных государств и организаций; государств и организаций – геополитических противников и соперников, ресурсы Антарктиды, Мирового океана, космического пространства и т.п.

При этом важное значение, наряду с обеспечением безопасности непосредственно субъектов, имеет обеспечение безопасности отношений между субъектами (субъектами и ресурсами) и о посредующих их связях (каналов доступа к ресурсам): пространственных, информационных, экономических, культурных, правовых и иных, а также обеспечение безопасности непосредственно потребляемых ими ресурсов.

В этом случае правомерно говорить о различных видах национальной безопасности:

- государственной, общественной и личной;
- безопасности политической, военной, пограничной, экономической, информационной, правовой, экологической и иных, находящихся между собой во взаимной связи и обусловленности.

Кроме того, закономерно выделять так называемые “сферы обеспечения национальной безопасности”, под которыми целесообразно понимать отграниченные как по расположению относительно источников угроз (опасностей), так и по принадлежности (природе) к определенному виду или типу субъектов, ресурсов, отношений (связей), а также способов деятельности субъектов области такой деятельности. Возможны и другие критерии (признаки) определения границ данных сфер (областей).

Внутри каждой из рассматриваемых сфер обеспечения национальной безопасности правомерно выделение своих отграниченных субобластей. Поэтому в исследованиях и в средствах массовой информации часто можно увидеть или услышать употребление таких понятий и терминов, как “продовольственная безопасность”, “ядерная безопасность”, “технологическая безопасность”, “региональная безопасность”, “безопасность в чрезвычайных ситуациях”, “безопасность жизнедеятельности”, “безопасность на транспорте” и т.п.

Такой подход к исследованию содержания процесса обеспечения национальной безопасности предполагает реализацию системных методов его исследования.

В рамках данного подхода рассмотрим систему мер по обеспечению национальной безопасности как совокупность различных способов деятельности субъектов национальной безопасности по достижению определенной цели.

При этом под мероприятием или мерой по обеспечению национальной безопасности, согласно выбранному системному подходу к изучению сложного предмета, явления или процесса, будем понимать совокупность однородных действий, направленных на решение какой-либо одной или нескольких задач обеспечения национальной безопасности.

Известна классификация таких мер по виду деятельности: наступательные,

оборонительные, отступательные и комбинированные.

Уяснение сущности наступательных, оборонительных и комбинированных мер в области обеспечения национальной безопасности не должно встретить затруднений у читателей, поскольку она аналогична подобным мерам в других областях деятельности. Стоит заметить, что возможность достижения цели предстоящих действий отступлением не всегда встречает понимание, даже у военных.

В этом случае достижение цели происходит за счет перемещения (удаления, переноса) объекта воздействия противостоящей стороны на недостижимую для ее сил и средств дистанцию. В качестве примеров успешного отступления можно привести известный из истории “марш-маневр” русской армии под командованием фельдмаршала Кутузова из-под стен Москвы в Тарутинский лагерь, в результате которого была потеряна боеспособность французской кавалерии (из-за нехватки продовольствия она была попросту съедена), или строки из “Песни сентиментального боксера” В.Высоцкого “мне руку поднял рефери, которой я не бил”.

Кроме того, возможно разделение мер обеспечения национальной безопасности на симметричные, асимметричные и их сочетание – комплексные меры.

Среди симметричных мер можно выделить прямые симметричные меры (прямая симметрия или симметричное нападение) и непрямые симметричные меры (непрямая симметрия или симметричная защита).

Сущность прямой симметрии в области обеспечения национальной безопасности заключается в использовании стороной, подвергшейся или потенциально способной подвергнуться негативному воздействию в какой-либо сфере или нескольких сферах противоборства, аналогичных по отношению к противостоящей стороне: вида действий (наступления), объектов воздействия, форм, способов, приемов наступления в данной (данных) сфере(ах), а также равнозначных по интенсивности, оперативности и масштабу их применения (использования, введения в действие) мерам, используемым противостоящей стороной.

В то же время сущность непрямой симметрии заключается в использовании стороной противоположного вида действий – обороны и выбора соответствующих (аналогичных) по отношению к используемой противной стороной: своих защищаемых объектов, форм, способов, приемов обороны в данной (данных) сфере(ах), адекватных мерам воздействия по интенсивности, оперативности и масштабу применения.

Примером мер прямой симметрии в области обеспечения национальной безопасности является взаимное наращивание стратегических наступательных вооружений США и Советским Союзом до степени достижения паритета в 60–70-е годы прошлого века.

В качестве примеров непрямой симметрии можно привести создание в разветвляющемся в Советском Союзе после Великой Отечественной войны мощной системы ПВО страны в ответ на развитие в США средств воздушного нападения и их размещение вблизи границ социалистического содружества, а также многочисленные экономические (торговые) войны между государствами, основное содержание которых сводилось к запрету (или ограничению) поставок каких-либо товаров или предоставления каких-либо услуг.

Очевидно, что использование какой-либо стороной симметричных мер, особенно в противоборстве с противником, значительно превосходящим ее по совокупной мощи, неэффективно из-за необходимости привлекать значительные ресурсы для поддержания абсолютного паритета. Поэтому в последнее время политическое руководство России, как и большинства государств мира, стремится использовать другой подход к обеспечению своей национальной безопасности – подход, основанный на использовании асимметричных мер.

Сущность асимметричных мер в области обеспечения национальной безопасности заключается в использовании стороной, подвергшейся или потенциально способной подвергнуться негативному воздействию в какой-либо сфере или нескольких сферах противоборства, других (в отличие от используемых противной стороной): объектов противоборства, видов, форм, способов, приемов действий как в данной, так и в других

сферах, интенсивность, оперативность и масштабы применения которых таковы, что в достаточной степени обеспечивают достижение поставленной цели.

Выбор асимметричных мер осуществляется на основе выполнения критерия “эффективность–стоимость–реализуемость” и с учетом сложного характера системы “личность–общество–государство”. При этом используется известный закон, устанавливающий обратно пропорциональную зависимость устойчивости любой системы от ее сложности, или, говоря иначе, – чем сложнее система, тем больше область ее неустойчивости.

Как и в случае симметричных мер, асимметричные меры можно осуществлять различным порядком. При направленности этих мер непосредственно на источник угрозы (опасности) можно говорить о прямых асимметричных мерах или мерах прямого асимметричного воздействия. Характерным примером таких мер является развязывание Западом “холодной войны” в информационной и экономической сферах (эмбарго на экспорт компьютеров, передовых технологий и т.п.) в середине прошлого века в ответ на обозначившееся политическое и военное превосходство стран социалистического содружества и Движения неприсоединения. Можно привести примеры использования такого рода мер и непосредственно в военной сфере.

Это относится к размещению Советским Союзом в странах Восточной Европы крупных группировок сил общего назначения (прежде всего общевойсковых и танковых объединений) в ответ на достижение США подавляющего превосходства в ядерном оружии и стратегической авиации.

К прямым асимметричным мерам можно отнести разработку в СССР, а в дальнейшем и в Российской Федерации новых средств и способов преодоления противоракетной обороны (за счет увеличения количества носителей, совершенствования боевого оснащения баллистических ракет, защищенности их головных частей, изменения параметров траекторий полета, подавления информационно-разведывательных и управляющих элементов системы ПРО и др.) после принятия Соединенными Штатами решения на создание национальной системы ПРО и начала практической его реализации.

Интересна ответная реакция США на качественное совершенствование наших стратегических ядерных сил.

Часть принимаемых ими мер также можно отнести к мерам прямого асимметричного воздействия. К ним относятся, прежде всего, действия, направленные на максимально возможное приближение активных средств ПРО наземного и воздушного базирования к позиционным районам наших межконтинентальных баллистических ракет.

Специалистам по ПРО известно, что лучшим способом борьбы с межконтинентальными баллистическими ракетами является их перехват и уничтожение на начальном, так называемом, активном участке траектории или участке разгона.

Очевидно, что ракету проще всего поразить, когда она имеет относительно большие размеры (еще не произошло разделения ступеней ракеты и отделения головной части), небольшую скорость, обладает ярко выраженными демаскирующими признаками (прежде всего, световым и тепловым излучениями от работающих двигателей) и небольшую устойчивость к внешним воздействиям. К тому же ракета уничтожается таким образом, что ее остатки вместе с токсичными компонентами ракетного топлива и радиоактивными осколками головной части подадут на территорию противника.

В противном случае, после отделения боевой ступени и приведения в действие комплекса средств преодоления ПРО, необходимо чрезвычайно оперативно решать достаточно сложную задачу выделения ядерных боеголовок (боевых блоков) на фоне большого количества их имитаторов или ложных целей.

Такие базы размещения ракет-перехватчиков наземного базирования, а также комплексов СВЧ-излучения могут быть созданы в Прибалтике, Словакии, Польше, Закавказье, среднеазиатских республиках бывшего СССР, не входящих в ОДКБ. Часть из них (прежде всего это относится к комплексам СВЧ-излучения) до определенного времени

может быть замаскирована под другие объекты.

Одними из признаков таких намерений являются приостановка США дальнейшего развертывания ракет-перехватчиков на Аляске и определенные физико-географические характеристики планируемых мест размещения американских баз, выводимых туда из Западной Европы.

Задача повышения эффективности ПРО может быть решена, в том числе, и за счет размещения в некоторых из этих регионов авиационных комплексов поражения баллистических ракет, имеющих на вооружение лазерное оружие, а также использования для этого геофизического оружия.

В отношении создания авиационной группировки самолетов ПРО известно, что к исходу 2006 г. США планируют иметь 3, а к концу 2008 г. – уже не менее 7 самолетов типа “Боинг”, оснащенных лазерным оружием, и обеспечить при этом возможность переброски и развертывания такой группировки в любом районе земного шара в течение 24 час.

При этом один самолет во взаимодействии с системой космической разведки способен обнаруживать и поражать до 30 стартовавших баллистических ракет на дальностях 300–500 км.

Стоимость создания и развертывания авиационной системы ПРО с лазерным оружием на борту оценивается примерно в 1,6 млрд. долл. и значительно меньше стоимости аналогичной системы космического базирования.

Что касается геофизического оружия, то американцы уже длительное время ведут изучение проблем управления магнитным полем Земли и применения полученных результатов в военной области, используя экспериментальный комплекс, расположенный на Аляске, под прикрытием легенды проведения исследований мирной направленности.

В первые секунды полета ракета неустойчива, и, по мнению специалистов, комплексное геофизическое воздействие на нее в это время может нарушить функционирование ряда систем ракеты, прежде всего, систем управления и прицеливания.

Таким образом, планируемый объемный “наземно-воздушно-космический охват” позиционных районов МБР позволит США обесценить принимаемые Россией меры по совершенствованию своего потенциала ядерного сдерживания.

В настоящее время мы наблюдаем попытку политического руководства нашей страны с помощью асимметричных действий в финансовой сфере (закон, регулирующий порядок деятельности общественных организаций) воздействовать на источники угроз национальной безопасности России, занимающиеся подрывной деятельностью внутри государства (различные неправительственные фонды и иные организации), прежде всего в духовной и экономической сферах. Кстати, для многих людей, искренне болеющих за Россию, отношение к данному законопроекту со стороны политических партий, организаций и конкретных политических деятелей стало своего рода “лакмусовой бумажкой” определения их истинного “политического лица”.

Не менее эффективными может быть и другой род асимметричных мер – не прямые асимметричные меры. Среди таковых прежде всего необходимо иметь в виду меры непрямого асимметричного воздействия.

Их сущность заключается в том, что воздействие направлено не на источник угрозы (опасности), а на другие объекты.

Таковыми объектами могут являться ресурсы, которые использует данный источник угрозы (опасности) для своего существования, функционирования и развития, каналы связи (доступа к используемым ресурсам), а также другие субъекты права, деятельность которых оказывает или может оказать влияние на его существование, функционирование и развитие. Это могут быть союзники, нейтральные государства, их военно-политические и экономические объединения, транснациональные корпорации, международные межправительственные и неправительственные организации и их структурные подразделения, например, Организация Объединенных Наций, Международный суд, Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, Международная

организация Красного Креста (Красного Полумесяца) и другие государственно подобные образования (Ватикан и др.). Данным способом длительное время и с успехом пользуются США в рамках стратегии “непрямых действий”.

В частности, в качестве ответа на меры, предпринимаемые Россией по поддержанию своего потенциала ядерного сдерживания, США оказывают давление на Украину с тем, чтобы заставить ее отказаться от продолжения гарантийного обслуживания межконтинентальных баллистических ракет, которые в свое время производились на ее предприятиях (прежде всего, на заводе “Южмаш”).

К непрямым асимметричным мерам относятся меры, которые условно можно назвать “жертва качества для выигрыша темпа”, которые заключаются в сознательном оставлении без защиты части объектов национальной безопасности, доступных ресурсов, внешних субъектов, связей с данными субъектами или каналов доступа к ресурсам в одной или нескольких сферах противоборства ради значительного выигрыша в перспективе в совокупном потенциале ресурсов, характере отношений с другими субъектами права (более значимыми для существования и развития рассматриваемых субъектов) и качестве связей с ними (каналов доступа к другим ресурсам).

В качестве примера таких действий можно отнести прорывы Советского Союза в области освоения космического пространства, энергетики, образования, здравоохранения и некоторых других сферах при значительном отставании в области удовлетворения потребностей большинства населения в товарах потребления бытового назначения, некоторых видов продовольствии.

Как правило, такие действия сопровождаются мерами обмана противостоящей стороны относительно истинного содержания достигаемых при этом целей и решаемых задач и принуждения противника к принятию неверных решений.

В качестве такого примера можно привести удавшуюся попытку со стороны США навязать СССР и другим странам социалистического содружества во второй половине XX в. неперспективную компьютерную технологию “ЕС-ЭВМ”, для того чтобы задержать их развитие в информационной сфере.

Такой прием можно рассматривать как своего рода “интеллектуальную диверсию”. Хотя известно, что в этот период в СССР были созданы серьезные научно-технические заделы в области разработки ПЭВМ на основе других, более перспективных технологий.

В настоящее время при ослаблении геополитических и геостратегических позиций России одним из приоритетных направлений обеспечения ее национальной безопасности может стать защита и развитие интеллекта и культуры ее многонационального народа. Достижение превосходства в данных сферах противоборства может в определенной степени обесценить преимущество Запада в экономической и военной мощи.

К непрямым асимметричным мерам в теоретическом плане (а для держав мирового уровня – и в практическом) можно отнести и действия по существенному наращиванию объема (количества) доступных ресурсов, качественному и количественному укреплению (резервированию) отношений и связей (каналов доступа к ресурсам) субъектов национальной безопасности между собой и с другими субъектами права, переводу возможно большего количества противников в разряд союзников, партнеров или “нейтралов”. При этом уровень роста должен быть таков, что любые попытки противников воздействовать на все или любую совокупность элементов системы безопасности в любой сфере противоборства не принесут им успеха в данной сфере и, более того, ухудшат их геополитический, экономический, военный или какой-либо другой потенциалы.

Условно такую разновидность асимметричных мер можно назвать “достижение неуязвимости”.

В качестве вариантов осуществления такого подхода можно рекомендовать попытки закрепления России (коалиций или союзов, участником которых она является) в качестве монопольного обладателя каких-либо услуг (в том числе и по поддержанию глобальной безопасности в какой-либо сфере), технологий или ресурсов (природных, интеллектуальных

и т.п.).

В современных условиях очевидны преимущества России как обладателя исключительных по своим объемам запасов пресной воды и некоторых других биологических ресурсов, в частности, экологически чистого жизненного пространства. Одной из задач осуществляемых в настоящее время в России национальных проектов является, по всей видимости, задача восстановления постепенно утрачиваемого преимущества России перед остальными странами в культурной сфере, для того чтобы на этой основе в перспективе создать плацдарм для дальнейшего уверенного поступательного развития страны в других сферах деятельности.

Таковы возможные направления осуществления асимметричных мер обеспечения национальной безопасности страны. Ясное понимание их сущности и содержания, места в общей системе мер по обеспечению национальной безопасности страны позволит правильно оценивать вклад данных мер в достижение Россией реального суверенитета и закрепление ее в качестве одной из ведущих мировых держав на длительную перспективу.

В тоже время требуются серьезные дополнительные исследования по определению показателей и критериев эффективности асимметричных мер, методик выбора эффективных приемов, порядка осуществления и форм их реализации в различных условиях.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н. Генрих,
кандидат юридических наук

Процесс правового обеспечения федерализма представляет собой взаимосвязанную последовательность этапов возникновения и реализации определенных блоков правовых отношений, различных по субъектному составу, характеру и объему реализуемых полномочий, но объединенных единой направленностью процесса и достижением общего результата, связанного с построением правового государства.

Среди функций Российского государства особое значение имеет обеспечение целостности и неприкосновенности территории страны. На современном этапе развития, несмотря на позиционирование России как федеративного государства, ослабление унитарного начала подвергнет страну опасности полной дезинтеграции. При этом желательно изменить само предназначение российского федерализма, чтобы он перестал быть средством решения национального вопроса и превратился в форму демократизации управления государством.

Противоречия между федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации, постоянно возникающие спорные ситуации между ними приводят к необходимости внесения соответствующих дополнений и изменений в Конституцию РФ, которые призваны среди прочих мер по модернизации государственно-правовой модели России закрепить и механизмы поддержания единства правового пространства страны. Конституция 1993 г., вбирая в себя положения Федеративного договора, не ввела в текст Конституции положение об участии субъектов РФ и местного самоуправления в осуществлении полномочий по предметам ведения Федерации. Это надлежит сделать, если речь идет о формировании единой государственной власти. На первом этапе восстановления властной вертикали целесообразно разработать и принять закон “О единстве государственной власти в Российской Федерации”, основу концепции которого предложил И.Н. Барциц¹.

В России существует единая система государственной власти, обеспечивающая защиту ее суверенитета, независимости, государственной целостности и территориальной неприкосновенности, государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, основу которой составляют органы законодательной, исполнительной и судебной власти, созданные в соответствии с Конституцией РФ и конституциями (уставами) субъектов РФ. Структуру единой системы власти в России образуют федеральная государственная власть, государственная власть субъектов РФ и местная государственная власть.

Федеральная государственная власть распространяется на всю территорию Федерации, и осуществляется Президентом РФ, Федеральным Собранием РФ, Правительством РФ, Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ, Высшим Арбитражным Судом РФ и Генеральным Прокурором РФ.

Государственная власть субъектов РФ является неотъемлемой составной частью единой системы власти в России и распространяется на территорию субъектов РФ. Она осуществляется органами законодательной, исполнительной и судебной власти субъектов РФ. Органы государственной власти субъектов РФ несут ответственность за соблюдение Конституции и законов за действия, нарушающие единство системы государственной власти в Российской Федерации.

Местная государственная власть является неотъемлемой составной частью единой системы государственной власти в России.

Единство государственной власти в системе представительных и законодательных органов государственной власти обеспечивается правом:

- участия представительных и законодательных органов субъектов РФ в федеральном законодательном процессе;
- участия представительных местных органов в законодательном процессе субъектов РФ;
- отмены Федеральным Собранием РФ по заключению Конституционного Суда РФ законов субъектов РФ, нарушающих Конституцию и законы РФ;
- отмены представительными и законодательными органами субъектов РФ по заключению конституционных (уставных) судов субъектов Федерации решений местных представительных органов, нарушающих Конституцию и законы РФ, конституции (уставы) и законы субъектов РФ.

Единство государственной власти в системе исполнительных органов государственной власти обеспечивается подчинением:

- органов исполнительной власти субъектов РФ решениям федеральных органов власти в пределах, установленных Конституцией и законами РФ;
- местных исполнительных органов решениям органов власти субъектов РФ в пределах, установленных конституциями (уставами) и законами субъектов.

В случае возникновения в результате антиконституционных действий органов власти субъектов РФ непосредственной угрозы суверенитету, государственной и территориальной целостности страны, на территории субъекта может на срок вводиться прямое президентское правление, которое вводится указом Президента РФ на основе соответствующего решения Конституционного Суда. Указ Президента РФ о введении прямого президентского правления на территории субъекта подлежит утверждению Государственной Думой. Правовой режим президентского правления определяется федеральным конституционным законом.

Органы государственной власти субъектов РФ несут конституционную ответственность за действия, нарушающие единство системы государственной власти в Российской Федерации.

Представительные и законодательные органы субъектов могут быть распущены за грубое неоднократное нарушение Конституции и законов РФ, принятие законов и иных нормативно-правовых актов, подрывающих суверенитет и территориальную целостность государства, наносящих ущерб обороноспособности и разрушающих единую денежную и бюджетно-финансовую систему России.

Закрепление ситуации основанной на юридической безответственности субъектов федеративных отношений, не просто усиливает дезинтеграционные тенденции, но препятствует становлению в России демократических ценностей. Именно сильная центральная государственная власть сможет гарантировать каждому гражданину страны, не зависимо от региона, полную защиту и соблюдение его прав и свобод. В наибольшей степени тенденции авторитаризма проявляются и находят свое государственно-правовое

закрепление при формировании властных структур субъектов Федерации, особенно республик, и преодолеть их возможно при установлении мер и критериев ответственности за нарушение принципов федеративного устройства страны.

Г.Гегель справедливо отмечал, что “сила страны состоит не в количестве ее жителей и солдат, не в плодородии земли и не в количестве территории, а в том, как посредством разумного соединения частей в единую государственную власть все это используется для реализации великой цели – совместной защиты”².

Общепринятый принцип приоритета закона служит гарантией точного и единообразного исполнения норм действующего законодательства, однако, иногда может заключать в себе потенциальную опасность, так как требует от правовых субъектов безусловного применения также “неправомерных” законов, а последствия этого могут быть вредны для общества и правопорядка. Между тем, законодательная система должна обладать свойствами самосовершенствования и саморегуляции. Даже самая “жесткая” конституция должна содержать в себе возможность систематических реформ, что обусловлено имеющимися в законодательстве противоречиями и пробелами.

При безусловном действии принципа приоритета закона, суды обязаны всегда применять установленные нормы законодательства, (включая неправомерные).

В подобных случаях Ф.Бэкон считал благоразумным для суда “приостановить действие этих законов до тех пор, пока не будет созван парламент или какой-то иной орган, наделенный полномочиями отменить их”³.

Поэтому открытая система права требует внесения в Конституцию новых принципов ступенчатого приоритета идеи права, а также ответственного отказа судей от применения неправомерных и неконституционных законов, с правом приостановления действия таких законов и обращения в Конституционный суд, который, в свою очередь, вправе использовать законодательную инициативу и предложить законодателю изменить или дополнить действующий закон. Правда, есть мнение, что “суд должен лишь проверять, не нарушены ли границы полномочий, а не подвергать сомнению целесообразность, разумность и справедливость решения законодателя”⁴. Однако ответственность судей при восполнении законодательных пробелов или отказе от применения неправомерных законов несколько не меньше, нежели ответственность законодателя при принятии законов.

Так, п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 “О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия” предусматривает приостановление дела судом общей юрисдикции в случаях неправомерных норм законодательства до соответствующего решения Конституционного Суда, который получает конкретный запрос от нижестоящего суда.

На первый взгляд представляется, что такие предложения противоречат принципу законности и умаляют авторитет закона. Однако, напротив, “гармония развития права нарушается, когда, например, парализуют силу непосредственного народного убеждения и науки и все дальнейшее развитие права перекладывают на законодателя”⁵.

С.А.Осипян предлагает следующие практические рекомендации в области реформирования действующей системы законодательства:

Конституционно установить основные критерии законодательства (правовые идеи, цели, принципы, функции) для своевременной разработки законов.

Конституционно наделить суды общей юрисдикции правом ответственного отказа от применения “неправомерных” (а не только буквально неконституционных) законов, приостановления их действия, выработки соответствующего правового положения, а также обращения в Конституционный суд, который обязан предложить парламенту соответствующие законодательные инициативы.

Расширить круг субъектов законодательной инициативы и контроля над своевременной корректировкой действующего законодательства⁶.

Представляется, что все перечисленные направления развития конституционного

права необходимы для создания единой и целостной программы и механизма самосовершенствования всей системы законодательства.

Подготовка к пересмотру ныне действующей Конституции России требует разработки и принятия ФКЗ “О Конституционном Собрании Российской Федерации”. Отсутствие такого закона, регламентирующего деятельность предусмотренного Конституцией органа, через столько лет после принятия самой Конституции РФ, говорит скорее не о незыблемости конституционных основ, а о декларативности самого Основного Закона, кроме того, полностью блокирует предусмотренную возможность его пересмотра.

Стабильное государственно-правовое развитие Федерации в целом и ее субъектов предполагает соответствие нормативно-правовых актов республик, краев и областей (прежде всего конституций и уставов) Конституции и законодательству России. В связи с большим количеством такого рода разногласий одной из насущных задач является принятие ряда законов, посвященных федеративным правоотношениям.

Прежде всего, речь идет о Федеральном законе “О процедурах преодоления разногласий и разрешения споров между органами государственной власти Российской Федерации органами государственной власти субъектов Российской Федерации” (Закон был принят Государственной Думой 24 июня 1999 г., но 2 июля 1999 г., отклонен Советом Федерации РФ).

Кроме того, следует создать механизм обеспечения единства правового пространства, обеспечивающий соответствие правовых актов республик российскому законодательству, порядок отмены противоречащих положений. Основа этого заложена ФКЗ № 1 “О Конституционном Суде РФ”. Однако, на данном этапе, когда правовое сознание еще не сформировано в той степени, что конституционное решение, безусловно, должно выполняться всеми, необходима выработка подходов к применению мер федеративной ответственности, при которых важно полностью исключить опасное влияние международных структур и иностранных государств. Использование заключений международных экспертов по тому или иному вопросу государственного строительства должно быть не более чем правовой консультативной помощью.

В настоящее время российская правовая система не только не содержит хоть сколько-нибудь значительных мер правового воздействия на нарушителей федеративной дисциплины, но, напротив, закрепляет сложившееся соотношение сил, при котором в ряде конституций и уставов субъектов Федерации подчеркиваются гарантии безответственности региональных органов власти за принимаемые ими решения.

“Подобные институты вмешательства, – отмечает Президент РФ В.В.Путин, – есть во многих государствах. Они применяются крайне редко, но само их наличие служит надежной гарантией четкого исполнения конституции и федеральных законов”⁷.

Обеспечение механизмов федерального вмешательства и федеративной ответственности обуславливает потребность разработки специальной программы, а также пакета законов, в состав которого должны войти законы: “О конституционных гарантиях обеспечения государственной целостности Российской Федерации”, “Об обеспечении соответствия нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации федеральным законам”, “О порядке приведения законодательства субъектов Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством”, “О механизме реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации”, “Об институте федерального вмешательства и порядке его осуществления”, основанные на Законе “О единстве государственной власти в Российской Федерации.

Представляется, что любой процесс совершенствования деятельности определенного государственного механизма либо института, необходимо начинать с выработки целенаправленной концепции такого процесса, а также разработки на ее базе научно-обоснованной стратегии и тактики реализации намеченных положений, что применительно к совершенствованию законодательного обеспечения федеративных отношений в

Российской Федерации, по нашему мнению, предполагает следующую последовательность действий:

- выработку государственной концепции правотворчества и законодательного регулирования в области межфедеративных отношений, предполагающей изменение принципиальных подходов как в целом к законодательному процессу, так и к основополагающим моментам конституционного, а на основе его и других уровней, регулирования федерализма в России;
- разработку программы реализации вышеуказанной концепции, включающей в себя стратегические и тактические этапы такой деятельности, закрепление их выполнения за отдельными законодательными и исполнительными органами, а так же органами конституционного судопроизводства и прокуратуры;
- деятельность профильных государственных органов в обеспечении и поэтапном исполнении положений программы совершенствования правового обеспечения федерализма в Российской Федерации.

Примечания

¹ Барциц И.Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. М.: Изд-во Московского университета, 2000.

² Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 104.

³ Berman Н.Ж. Faith and Order: The Reconciliation of Law and Religion. Michigan / Cambridge, UK, 1993. P. 27.

⁴ Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 274.

⁵ Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2000. С. 507.

⁶ Осипян С.А. Идея саморазвивающейся правовой системы // Журнал российского права. 2004. № 4.

⁷ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации “Государство Россия. Путь к эффективному государству (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства)”. М., 2000. С. 29.

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Социально-психологические аспекты

Ю.Бойко,
доктор медицинских наук,
кандидат юридических наук,
профессор (Дипломатическая Академия
МИД России)

При попытках описать человеческие мироощущения и коммуникации неизбежен оценочный подход. Реальный мир, увиденный и по человечески “понятый”, превращается в мир оцененный и желанный или нежеланный.

Как пишет создатель теории самоактуализации А.Г.Маслоу, “если поддаться искушению образного мышления, мы можем представить себе понятие “ценности” как большой сундук, где хранятся самые разнообразные, зачастую непонятные вещи”¹.

Это могут быть неадекватные современным реалиям образы, которые дезориентируют и отягощают отношения между народами или отношения отдельной нации с внешним миром. Такая дихотомическая форма первобытных межгрупповых отношений, закрепленная в определенный нейродинамический ряд, имела место и в последующие периоды развития человечества, конкретных народов и государств. Как правило, это выражалось в примитивных лозунгах политической демагогии и проявлялось в крайне агрессивных действиях в виде геноцида, антисемитизма, религиозного и националистического экстремизма и т.п. Последним примером, потрясшим цивилизованную Европу, стали этнические конфликты и этнические “чистки” в республиках бывшей Югославии.

Если на ранних этапах социализации “чужой” однозначно вызывал страх, воспринимался как угроза и выступал в образе “врага”, то в последующие периоды развития социума образ “чужого” становится многозначным.

У конкретного народа образ “чужого” не только как категория, помогающая осознать себя (то есть выделить себя из среды обитания, консолидировать себя с себе подобными, наконец, осознать необходимость поддерживать свою выделенность из среды, состоящей, в том числе, из “чужих” коллективов), но и угрозы, предстающей в образе “врага”, возникает по вполне реальным причинам.

Можно сказать, что образ “чужого” в социогенезе отражает как этап в самоидентификации – шаг к овладению рефлексивных навыков, так и значение этого образа в национальной консолидации и мобилизации на определенные действия.

Образ “чужого” определяется, как нечто непонятное, враждебное и несопоставимое с пониманием своего коллективного Я. Один из самых дальних подступов к раскрытию роли “чужого” в глобальном социальном процессе связан с межгрупповыми человеческими отношениями, межгрупповом насилии², вызванным борьбой за ресурсы и пространство обитания.

Конкуренция между народами пред- полагает решение каждой стороной двух взаимосвязанных задач: сохранения внутреннего равновесия (солидарности) и внешнего неравновесия (то есть выделенности из среды, сопротивление ассимиляции, поглощению

средой). Потребность к сплочению отдельной человеческой группы, возникающей в условиях постоянной агрессии, давления внешней среды, которое усиливается переносом (нейтрализацией) присутствующих внутренних противоречий во внешнее пространство. Именно в поле социальных конфликтов идет дискуссия между сторонниками мобилизационного и самоуправленческого типов консолидации национально-государственных образований².

По мере развития сознания, функциональная роль образа “чужого” закрепляется формированием мифов, фольклором, изобразительным искусством, ритуалами и в родном языке. Известно, что образ “чужого” как угроза культивировался с началом социализации отношений между человеческими группами и усилением их борьбы за ресурсы и пространства. Речь могла идти даже о дегуманизации другой человеческой группы. Институт рабства в ранних обществах исследователи связывают именно с дегуманизацией “чужой” группы.

Например, историки отмечают, что в греческих полисах рабами преимущественно были представители негреческих народов³. Греки, а также римляне не просто ставили соседние народы ниже себя, обозначая их одним собирательным термином “варвары”. Аристотель в своем труде “Политика” определенно выразил господствующее в его время отношение греков к миру соседних народов: варвар и раб по природе своей понятия тождественные⁴.

Подобное можно найти и у других греческих авторов: Эсхила, Аристофана, Еврипида⁵.

На теоретическом уровне роль “чужого” в политических процессах начинают разрабатывать еще античные авторы. Как известно, древнегреческое общество было наиболее продвинутое в окружающем его мире в смысле развития человеческого интеллекта и рефлексии⁶. Греческие философы “стали обсуждать социальный строй, попытались определить его суть, объяснить его в формулах, доступных пониманию человека, использовать для этой цели количественные и представления числа и меры.

Как отмечает известный французский исследователь, Ж.-П.Вернан, в эллинском обществе возникла и определилась собственно политическая мысль, чуждая религии, имеющая свой словарь, понятия, принципы и теоретические положения”⁷.

Греческий философ Исократ в своих произведениях неоднократно высказывал мысль о тесной и неразрывной связи внутренней и внешней политики с экономикой и социальными отношениями. Исследователи работ Исократа отмечали его убежденность в том, что внешняя политика может разрешить острые социальные проблемы греческих полисов и межполисных отношений⁸.

Рассматривая проблему восстановления социального равновесия в греческом обществе, он видит выход из создавшегося кризисного положения в походе против варваров, а именно – против Персии, давнего врага греков на Востоке. Его призывы к войне с персами, как единственном эффективном средстве решения всех внутренних проблем – экономических, социальных и межполисных – явно противоречили декларированию им же идей идеального государственного устройства, то есть поддержания социального равновесия в полисе силами, активностью самих его граждан, а не за счет воздействия посторонних факторов⁴.

Но по-видимому устойчивый стереотип еще брал верх над теоретической мыслью.

Идея похода на Восток – это попытка перевести внутренний конфликт во внешнее пространство. С этой целью, с одной стороны, Исократ стремится через красочное описание и комментирование показать серьезность и глубину конфликта греческого общества. А с другой – обосновывает необходимость внешнего конфликта. При этом Исократ использовал метод противопоставления Греции и Персии в качестве стимула для консолидации эллинов.

В последующие периоды исторического развития отношение к “чужому” выстраивалось в определенной иерархии. Варьировались только крайности и формы.

Так, например, в Османской империи немусульмане подвергались не только

дискриминации, но и неоднократно являлись объектом физического насилия и даже массового уничтожения. В Соединенных Штатах Америки в XIX в. осуществлялось физическое истребление индейцев.

Образ “чужого” как фактор консолидации и мобилизации общества использовался в политике многих государств мира. Особенно это было характерно для закрытых обществ.

Классическим примером может служить островная Япония. Слабая активность международных связей этой островной страны консервировала психологическую замкнутость общества и его враждебное отношение к “чужим”. Враждебное отношение к внешнему миру культивировалось властными структурами для сохранения внутренней стабильности. И если у греков оппозиция выстраивалась по отношению к персам, то в Японии по отношению к Китаю. Действительно, Китай довлел над всеми окружающими его народами, как в геополитическом, так и культурном отношении. По мере саморазвития японского общества, приходит осознание собственного национального Я и одновременно ощущение своей периферийности. Оно усиливается после контакта с западной цивилизацией.

Японское национальное самосознание пыталось преодолеть свой внутренний конфликт и особенно шок от знакомства с достижениями западной цивилизации через стремление закрыться от внешнего мира, как источника возможных внутренних потрясений и обратиться к своим культурным корням. Это не только привело к углубленному изучению своей культуры и истории, но и к стремлению доказать, что для японского общества предназначен судьбой особый избранный путь.

В результате, как отмечают сами же японские исследователи, “природный” этноцентризм начинает трансформироваться в концептуальный национализм, в котором избранность японской нации и ее мессианская предназначенность являются основными элементами⁹.

Во второй половине XIX в. японское общество, точнее его элиты, было расколото на сторонников европеизации и традиционалистов. Но они приходят к компромиссу на почве актуализации образа “чужого” в лице своего соседа Китая и империалистического Запада, результатом чего стала выработка экспансионистской внешней политики. Война с Китаем, победа над давним историческим противником не только примирила сторонников обоих течений, но и дала импульс националистическим настроениям в обществе. Причем сторонники европеизации, таким образом приветствовали войну: “Эта война против Китая неким образом означает новую эпоху в нашей истории”¹⁰.

Образ “чужого” как фактор национальной консолидации и мобилизации активно эксплуатировался политиками в период “холодной войны”. Какие только метафоры не использовались для обозначения стратегического и идеологического противника, какими только эпитетами не награждали друг друга оба лагеря.

Но постепенно, становится очевидно, что образ “чужого” как врага, перестает отвечать задачам поддержания внутренней солидарности и социальной мобилизации, начиная выполнять обратную функцию, создавая условия для нагнетания международной напряженности, дезориентируя и дестабилизируя национальное развитие как таковое. Более того, приходит осознание опасности приближения мировой катастрофы, что побуждает к более объемному (глобальному) отражению реальности, многогранной и прогностической оценке результатов деятельности и тем самым, подавляя, корректируя стереотипы ранних стадий развития общественного сознания. В частности, это проявилось в том, что первичное и неосознанное восприятие “чужого” как угрозы по мере развития рефлексивных навыков отражения реальности приводит к расширению объема идентификации.

С возрастом емкости отражения внешнего мира агрессивное прямолинейное этноцентричное групповое сознание под воздействием закономерностей развития систем и внешних факторов давления и через ряд внутренних трансформаций, приобретает способность к толерантному восприятию культурного разнообразия, то есть чужих культур, а при выработке решений учитывает интересы других народов. Предварительным условием

этого является то, что элементарный уровень конфликта исключается из фокуса сознательного контроля и перестает субъективно переживаться, сохраняясь в психических программах деятельности в снятом виде – в более емких информационно-смысловых блоках, которыми оперирует субъект¹¹.

В переходные периоды развития наций, сопровождающихся кризисами идентичности и сменой ценностных координат, вновь актуализируется значение образа “чужого” как угрозы. Это производит самопроизвольно в обществе как результат ослабления или разрушения прежних механизмов нормативной регуляции – идеологических и политических (государственных). При отсутствии новых ориентиров политическими силами начинает активно культивироваться образ “чужого” как угрозы.

Ярким примером служит современная внешняя политика США. Эта нация, возникшая как оппозиция внешнему миру – Старому Свету, традиционно использует образ внешней угрозы как способ поддержания внутреннего равновесия. После окончания “холодной войны” и распада СССР потребовалась смена координат и, соответственно, начался поиск (поведенческий стереотип) новых “врагов американского народа”. Парадоксально, но первым стали маленькая Сербия и сербы, а затем – врагом был объявлен Ирак.

Как считает эксперт П.С.Золотарев, “США стали заложниками своей сверхдержавности, им нужен враг, и они его часто ищут там, где его нет, действуя, как слон в посудной лавке, нанося ущерб глобальной безопасности”¹².

В то же время было очевидно, что затраты на смену режима Милошевича (Сербия) и Хусейна (Ирак) силой, чем бы они не мотивировались, превзойдут материальные затраты, если попытаться осуществить это же несилowymi методами. Не говоря уже о том, что это могло бы произойти естественным путем. Но этот путь не столь явно свидетельствовал бы о мировой роли единственной сверхдержавы.

Как можно судить по истории внешней политике США и современной практике, указанными целями являются, в том числе, и миссионерская деятельность¹³. Это же признают и сами американские историки¹⁴.

Следует констатировать, что в США процесс внешнеполитического планирования пока не может полностью нейтрализовать воздействие фактора образа “врага”.

В очередном докладе директора ЦРУ Дж.Тенета в американском Сенате в числе угроз национальной безопасности Соединенных Штатов рассматривается ряд государств¹⁵. Дж.Тенет, отмечал, что Россия “предпринимает попытки препятствовать влиянию США в других бывших советских республиках”¹⁶.

Своеобразно оценивает ЦРУ и развитие российско-китайских отношений. Дж.Тенет считает, что китайский вектор внешней политики России имеет “недружественную по отношению к интересам” США направленность¹⁶.

Хотя в перечисленных в докладе всех угроз США Россия и не на первом месте, но, по мнению экспертов, ее упоминание встречается довольно часто как в связи со множеством глобальных, так и региональных проблем¹⁶.

Если судить по данному докладу, то особенно озабочены аналитики ЦРУ политикой таких стран, как Ирак, Иран и КНДР. Причем весьма интересно, как в США политики и СМИ образно обозначают эти страны. Здесь явно используется пропагандистский опыт времен “холодной войны”. Но теперь речь идет не об “империи зла”, а о “оси зла”, состоящей из упомянутых стран, которые они обозвали “странами-изгоями”.

Примечательно, что образы “угроз” перекликаются или вписываются в контекст внутривнутриполитического процесса США.

Отечественные обозреватели обратили внимание, что “директор ЦРУ слово в слово повторил” основной тезис внешнеполитической части предвыборной программы Буша-мл. А именно: “Никогда за все время моей работы... американской разведке не приходилось иметь дело с таким динамичным набором проблем, угрожающих такому широкому кругу интересов США”.

Если судить по предвыборным выступлениям Буша-мл. и докладу ЦРУ, Америка не

защищена от внешних угроз¹⁷. Образ “врага”, образ внешней угрозы постоянно присутствует и задействуется для консолидации американцев вокруг того или иного кандидата в президенты. Это не только их привычный прием, но и понимание психологии своих граждан. Исследователи отмечают, что это – особенности “островной” психологии американской нации и тех, кто, когда-то спасаясь, нашел прибежище за океаном¹⁸.

Стоит упомянуть и то, что фактор “внешней угрозы” постоянно присутствует в американском кинематографе.

Это не только ориентация на конъюнктуру кинозала, но и отражение национальной психологии. Бесконечный ряд сценариев содержит сюжет нападения на США инопланетян, а то и советских диверсантов, арабских террористов. Примечательно, что среди многочисленных сюжетов теракта, был и сюжет с самолетами, направленными на Вашингтон и Белый Дом. Впоследствии художественный вымысел стал трагической реальностью 11 сентября 2001 г.

Теракт способствовал небывалой консолидации американской нации.

К сожалению, образ “чужого” как внешней угрозы используется и в современной политике некоторых новых независимых государств СНГ и государств ЦВЕ для решения тактических задач местных элит. Ряд политических режимов, еще не имеющих поддержки широких масс населения, делают “ставку на антирусскую пропаганду в качестве цемента национального единства”¹⁹.

Следует отметить, что в условиях растущей взаимозависимости, солидаризация через образ врага принципиально перестает отвечать задачам сохранения государственной целостности. Достижение собственного успеха за счет чужого поражения чревато глобальной катастрофой человечества.

Примечания

¹ Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. М., 1997. С. 121.

² Назаретян А.П. Человеческий интеллект в развивающейся вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1990. С. 150, 151.

³ Garlan Y. Les esclaves en Grece ancienne. P.: Fracoios Masporo, 1982.

⁴ Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 158, 111.

⁵ Велков В.И. Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI-II вв. до нашей эры // Вестник Древней истории. 1967. № 4; Соболевский С.А. Аристофан и его время. М., 1957. С. 297.

⁶ Антипов Г.А., Донских О.А. Проблема периодизации историко-философского процесса с позиций представления о рефлексии. Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования. М., 1987; Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.

⁷ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.

⁸ Шофман А.С. Идеологическая подготовка восточных подходов в греческой историографии, литературе и публицистике // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 2. Казань. 1967. С. 136.

⁹ Тосака Дзюн. Японская идеология. М., 1991. С. 85–102.

¹⁰ Япония и мировое сообщество: социально-психологические аспекты интернационализации. М., 1994. С. 47.

¹¹ Назаретян А.П. Кибернетика и интеграция наук. Об интегративных перспективах системно-кибернетического стиля мышления. Ереван, 1986. С. 211.

¹² Золотарев П.С. Новые базы США привязаны к регионам нестабильности. Независимое военное обозрение. 2004. № 31.

¹³ Мельников Ю.М. Имперская политика США: истоки и современность. М., 1984. С. 8–24.

¹⁴ Шлезингер-мл. А. Циклы американской истории. М., 1992. С. 78–103.

¹⁵ Отметим, что США имеют своеобразное понимание своей безопасности, которое включает в себя собственно не только угрозу непосредственно территории американского государства или его союзников, но и все то, что препятствует реализации целей и даже влиянию США в мировом пространстве.

¹⁶ Независимая газета. 2001. 9 февраля.

¹⁷ Горностаев Д. ЦРУ считает, что Россия угрожает Америке // Независимая газета. 2001. 9 февраля.

¹⁸ Задохин А.Г. Образ США в российском национальном сознании // Дипломатический ежегодник. 1999. М., 1999. С. 141–146.

¹⁹ Лупан В. Русский вызов. М., 2000. С. 225.

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ – УГРОЗА РОССИИ

А.Тихонов,
Председатель Совета Народно-
Патриотического Объединения “Родина”

О незаконной миграции как об общегосударственной проблеме мировое сообщество знает давно. В последние годы она обострилась до предела. Вызвано это, прежде всего, дестабилизацией обстановки во многих развивающихся странах, которая захватывает сегодня целые регионы и континенты, а также дальнейшей активизацией деятельности международных террористических организаций.

Затянувшаяся война в Афганистане, военные конфликты в некоторых странах Ближнего Востока, Центральной и Средней Азии, демографические проблемы в Китае, безработица в странах СНГ – все это оказывает влияние на поток иммигрантов, хлынувший в Россию и далее, на благополучный Запад.

Как правило, в процессе незаконной миграции задействованы в основном три группы стран:

- страны исхода незаконных мигрантов;
- страны транзита, через которые проходят незаконные мигранты,
- страны назначения, куда они стремятся.

К странам исхода можно отнести страны Азии и Африки, а также ряд южных республик СНГ и Закавказья.

К странам транзита, в основном, относятся страны СНГ, Центральной и Восточной Европы.

К странам назначения относятся страны Западной Европы, Скандинавии, а также США и Канада.

Из достоверных источников известно, что порядка 30% незаконных мигрантов (НГ), направляющихся на Запад, как правило, задерживаются на территории стран транзита и депортируются на родину. Из оставшихся на территории стран транзита 70% незаконных мигрантов 30% всевозможными средствами достигают все-таки своей заветной цели.

За годы реформ в России, так же как и в других странах СНГ считать деньги научились также хорошо, как и на Западе. Наверное, поэтому сегодня в Российской Федерации, как и в любом демократическом обществе, предлагается свободный выбор моделей сотрудничества.

Заранее предвидя негативное развитие миграционной ситуации, иммиграционные службы США, стран Западной Европы и Скандинавии постоянно ужесточают порядок въезда и пребывания в своих странах граждан Азии и Африки, внося все новые и новые ограничения. В России же до подобных ограничений руки пока не доходят и потому незаконные мигранты и те, кто делает на них свой криминальный бизнес, рассматривают ее территорию, как плацдарм для осуществления своих преступных целей.

Большой помехой в приостановке потока незаконных мигрантов является несовершенная законодательная база: если незаконный мигрант попадает на территории России, его отправляют в Москву, в консульство его страны, а затем на родину. Но, как правило, многие из задержанных до Москвы не добираются, сбегают по дороге, и весь

процесс повторяется сначала. Это и понятно, ведь в России незаконным мигрантам грозит всего лишь денежный штраф, в то время как на Украине, незаконным мигрантам грозит уголовное наказание – до 8 лет лишения свободы.

Характерным примером нарастающего потока незаконной миграции является то, что за последние 10 лет количество задержанных на границах России нарушителей и незаконных мигрантов возросло почти в 10 раз. В числе нарушителей, кроме прочих, оказались граждане более 30 государств, с которыми Россия даже не имеет общих границ.

Как показывает анализ, основными направлениями движения потоков незаконной миграции являются российско-китайский, российско-казахстанский, российско-украинский участки границы и международные аэропорты Московской воздушной зоны.

Большинство незаконных мигрантов, следующих из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки, Ближнего и Среднего Востока, в страны Западной Европы в качестве транзитного пути активно используют территорию государств-участников СНГ, в том числе России и Казахстана.

Незаконной миграции в Российскую Федерацию через границу с Республикой Казахстан во многом способствует большая протяженность российско-казахстанской границы (около 7,6 тыс. км) и ее необустроенность.

За последние пять лет на этом направлении было выявлена и пресечена деятельность десятков каналов незаконной миграции.

Так, в декабре 2004 г. сотрудниками управления ФСБ по Оренбургской области был пресечён канал незаконной миграции. В районе Соль-Илецка контрразведчики задержали два легковых автомобиля. Незаконными мигрантами оказались двое граждан Пакистана и 8 бангладешцев. В Казахстан они въехали вполне легально.

В августе 2005 г. сотрудниками регионального управления ФСБ и Управления по делам миграции и паспортно-визового управления ГУВД Иркутской области был перекрыт канал незаконной миграции из Средней Азии в Иркутскую область. Иностранцы “гастарбайтеры” регулярно в массовом порядке приезжали из Ташкента на сезонные работы в Иркутск. Их труд незаконно использовался на неквалифицированных работах в частных строительных компаниях области.

При отправке очередной группы мигрантов был задержан автобус, в котором находилось 89 граждан из Киргизии и Узбекистана.

Проверкой было установлено, что большинство иностранцев пребывали на территории России незаконно.

Более чем на 60 чел. наложено административное взыскание – штраф – за нарушение правил пребывания на территории России. По решению суда, 8 иностранцев подлежат выдворению за пределы РФ с закрытием въезда на территорию нашей страны на ближайшие пять лет.

Устойчивая тенденция роста потока незаконных мигрантов прослеживается и на российско-китайской границе.

Большинство граждан Китая официально направляются в Россию с туристическими целями и для занятия мелкооптовой торговлей на законных основаниях. Однако в дальнейшем многие из них стремятся остаться в стране, используя для этого различные возможности. Возросло количество китайцев, пытающихся въехать на территорию РФ по фальшивым и подложным паспортам. Эти документы оформляются на частных, нередко полукриминальных фирмах, якобы занимающихся туризмом и превратившихся в, своего рода, альтернативные “консульские” учреждения.

Параллельно налажен канал въезда граждан Китая по приглашениям различных российских компаний, в том числе созданных на средства обосновавшихся в России китайцев, которые активно привлекают сезонную рабочую силу из Китая. При этом в заключаемых ими контрактах нередко необоснованно завышаются сроки выполнения работ и количество необходимых рабочих, что позволяет ввозить в Россию многочисленные группы граждан КНР.

Значительный рост количества подобных фирм (иногда со 100% китайским капиталом) отмечается в Приморье. В последнее время граждане КНР стремятся укрепить свои позиции в Новосибирской, Иркутской, Челябинской, Свердловской, Московской областях, в Москве, а также в Красноярском крае и Якутии.

Широко используется китайцами возможность оседания в России при заключении фиктивных браков, чему в первую очередь способствует несовершенство действующей нормативно-правовой базы применительно к процедуре доказательства фиктивности брака с иностранцем и “гостеприимность” отдельных россиянок.

Кроме того, достаточно надежным прикрытием для проникновения граждан Китая на территорию РФ служит оформление их на учебу в российские вузы (по линии межвузовских обменов в России обучается около 900 чел., а на коммерческой основе – свыше 6 тыс.).

Об остроте данной проблемы свидетельствуют результаты специальной операции “Иностранец”, в рамках которой за различные нарушения и просроченные сроки пребывания на российском Дальнем Востоке за последние годы выдворено более 20 тыс. граждан КНР.

Чем же были обусловлены неконтролируемые миграционные процессы?

Во-первых, наличием принятых Россией поспешных, а зачастую и не всегда обоснованных решений, подобных договору с Китаем, а также устаревшего в области международных отношений законодательства.

Во-вторых – “прозрачностью границ”, в основном это относится к российско-казахстанской и российско-украинской границе, где в связи с недостаточным финансированием Пограничной службы ФСБ России, сегодня просто нет никакой возможности усилить ее охрану.

В-третьих, еще имеющей место организационной разобщенности усилий федеральных органов исполнительной власти по предупреждению и пресечению незаконной миграции.

В-четвертых, пособничество коррумпированных должностных лиц.

Как неконтролируемые миграционные процессы влияют на национальную безопасность России?

Миграционная ситуация в нашей стране в последние годы приобрела чрезвычайно острый характер. Все это оказывает негативное влияние не только на международный авторитет России, но и наносит ущерб ее национальной безопасности.

В конце 80-х годов первую достаточно мощную волну иммигрантов, хлынувшую на территорию России, составляли афганцы (после вывода наших войск из Афганистана в 1989 г., там разразилась широкомасштабная гражданская война), а второй многочисленный поток, захлестнувший Россию в начале 90-х годов, составили китайцы, когда было принято решение о безвизовом въезде на российскую территорию граждан КНР.

Дальний Восток, мало того, Центральную часть России, заполнили толпы граждан “Поднебесной империи”, в большей своей части – торговцы низкопробным товаром, контрабандисты и нелегальные мигранты.

К примеру, в Хабаровском крае существуют районы, где китайских граждан было больше, чем местных жителей. Созданы своеобразные чайна тауны, со своими законами и порядками, в которых процветают насилие и криминал.

Не лучшая обстановка складывается сегодня и в европейской части России. По информации, предоставленной в региональном пограничном управлении ФСБ России по Центральному федеральному округу, наибольшее количество незаконных мигрантов здесь составляют граждане Китая, Индии, Вьетнама, Афганистана и Пакистана.

Обращаясь к концепции безопасности России, прежде всего, необходимо подчеркнуть, что она включает в себя многогранный опыт политического развития России и мира, накопленный за последние годы, а это, в свою очередь, обусловило появление новых акцентов в оценке международного положения, места России в мире, основных угроз ее безопасности. Среди множества источников угроз национальной безопасности в настоящее

время особое внимание уделено экстремизму, терроризму и неконтролируемой миграции.

Происходящие в мире негативные миграционные процессы, и в частности незаконная миграция, стоят сегодня в одном ряду с транснациональной организованной преступностью, и проходит при этом по разряду основных задач, которые России предстоит решать в срочном порядке. Естественно, что здесь единственное чего удостоивается незаконная миграция это пресечение, как впрочем, и в отношении любого другого зла.

По словам главы ФСБ России Н.Патрушева, незаконная миграция относится к числу негативных последствий глобализации и представляет собой реальную угрозу национальной безопасности России и многих экономически развитых государств.

“Существует реальная опасность использования каналов незаконной миграции для проникновения на территорию России членов террористических организаций, контрабанды оружия и наркотиков”, – отметил он.

Кроме этого, незаконная миграция подрывает и экономические устои России и ее граждан. Касается это, прежде всего, незаконных мигрантов из стран СНГ, так называемых гастарбайтеров. В частности, за последние годы резко увеличился поток именно этой категории мигрантов. Москва наиболее показательный в этом плане регион России.

По оценкам начальника Управления по делам миграции ГУВД столицы А.Батуркина, только в 2005 г. прирост составил 30–35%. При этом подавляющее большинство мигрантов трудятся незаконно.

В то же время недавнее ужесточение законодательства и появление уголовной ответственности за организацию незаконной миграции себя оправдали.

С начала 2005 г. официальное разрешение на право жить и работать в России получили в два раза больше человек, чем за аналогичный период прошлого года. Это и понятно, ведь в конце прошлого года санкции за незаконное использование труда мигрантов значительно выросли.

Раньше штраф составлял 2 тыс. руб., а в декабре 2004 г. он вырос до 200 тыс. руб. для юридических лиц, и до 50 тыс. для должностных лиц.

Кроме того, с 30 января 2005 г. заработала ст. 322.1 УК РФ, по которой за “организацию незаконной миграции” наниматель может быть осужден на 5 лет лишения свободы.

Самих же незаконных мигрантов ждет депортация.

За 5 мес. 2005 г. 12092 чел. были вынуждены покинуть Россию по судебному решению. Еще 2599 чел. были депортированы под конвоем.

И все-таки, несмотря на предпринимаемые меры, в Москве продолжают трудиться, по неофициальным данным, в десятки раз больше иностранцев, чем это зафиксировано по милицейской “картотеке”.

По подсчетам экспертов, использование гастарбайтеров в строительстве и коммунальном хозяйстве Москвы почти в половину снижает зарплату москвича и вдвое ухудшает качество работ.

Городская бюрократия отдала на откуп различного рода нелегальным мигрантам и их покровителям целые отрасли городской экономики: сферу услуг; рынки (жители регионов готовы продавать свою продукцию по более низким ценам, но истинные хозяева рынков им этого не позволяют); ими монополизированы до 50% московской торговли (гастарбайтеры безраздельно господствуют за прилавками не только на рынках, но и в магазинах).

Все это влияет на постоянный рост цен, а также приводит к тому, что москвичам сегодня нелегко найти в Москве высокооплачиваемую, достойную работу.

Конечно же, мы сочувствуем гражданам республик СНГ, которых распад СССР обрек на нищету и бесправие. Но мы не имеем права закрывать глаза на угрозу, которую представляют миллионы незаконных мигрантов в России. И, прежде всего, на то, что:

- каналами проникновения незаконных мигрантов пользуются террористы;

- многие мигранты, разыскиваемые правоохрательными органами за совершение преступлений у себя на родине, продолжают свою криминальную деятельность в России;
- бесправные во всех отношениях незаконные мигранты вовлекаются в противоправную деятельность, объединяются в этнические криминальные группировки и создают неконтролируемый рынок товаров и услуг (нелегальные мигранты совершают в Москве до 65% преступлений);
- в местах проживания мигрантов, которые, как правило, не соответствуют элементарным санитарно-техническим нормам, велика вероятность возникновения и распространения неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки, поскольку такие лица в большинстве своем прибывают из стран, где зарегистрированы опасные инфекционные заболевания.
- столица не может взysкивать с незаконных мигрантов обязательные налоги, которые составляют сотни миллионов долларов. Это значит, что бремя по их обслуживанию ложится на законопослушных налогоплательщиков.

Список этот можно продолжать до бесконечности.

Что же необходимо делать для того, чтобы бороться с незаконной миграцией?

Прежде всего, необходимо законодательство по вопросам миграции привести в соответствие с международными нормами.

Необходимо также ужесточить ответственность должностных лиц за пособничество в вопросах незаконной миграции.

Но самое главное, необходимо, прежде всего, покончить с коррупцией, которая уже давно укоренилась в бюрократических аппаратах министерств, ведомств и властей на местах, ответственных за решение миграционных проблем. Ибо, какой бы закон не принимался, коррумпированный чиновник всегда найдет в нем лазейку.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФСБ

В.Головин,
кандидат педагогических наук,
полковник

Сущность методологического подхода

Решение задачи обнаружения закономерностей деятельности органов федеральной службы безопасности (ФСБ) и формулирования на их основе принципов требует выработки соответствующего подхода, который бы учитывал специфику объекта изучения¹. В рамках методологии специально-научной теории оперативной деятельности² органов ФСБ³ рядом авторов высказывались идеи по применению тех или иных методов научного познания реальной действительности.

Исторический метод. Общественные явления подвержены влиянию множества случайных и непредсказуемых факторов, что затрудняет прослеживание детерминации причинно-следственных связей.

Решение научной задачи будет облегчено, если воспользоваться методологическим приемом, сформулированным В.И.Лениным: "...Самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это – не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь"⁴. Изучение истории позволит выявить тенденции развития интересующих нас явлений, найти и осознать на этой основе закономерности, а также определить их влияние на развитие искусства оперативной работы.

На основе исторического метода интересующие нас закономерности раскрываются за счет воспроизведения ее генезиса, истории во всем многообразии эмпирических фактов.

Историческое развитие закономерностей неразрывно связано с закономерностями общественного развития.

Формирующиеся под влиянием внешних условий специфические закономерности деятельности органов безопасности относительно более динамичны и преходящи (конечно, в ограниченно-обозримом историческом пространственно-временном континууме). Они, кроме того, и в современных условиях предстают как развивающаяся историческая действительность.

Как далеко вглубь истории должен продвинуться исследователь?

Изучению подлежит деятельность органов безопасности в современный период, в советский период, а также и в досоветское время. Важно при этом помнить о существовании двух опасностей, которые ожидают исследователя закономерностей, – это пренебрежение историческим методом и ограничение исторического метода советским периодом.

Значительный интерес для исследования представляет также деятельность иностранных спецслужб, тенденции и направления их исторического развития.

Метод системного исследования. В теоретическом и методологическом отношении наиболее продуктивным подходом к развернутому описанию закономерностей и принципов контрразведывательной деятельности является системно-деятельностный подход, являющийся диалектическим по своей природе.

По сравнению с другими подходами или концепциями (например, концепция разработки противника, концепция борьбы с посягательствами на государственную безопасность, концепция конфликтного взаимодействия органов безопасности с противником и др.) данный подход получил в специально-научной теории наиболее широкое распространение и признание.

Преимущества данного подхода заключаются в том, что он позволяет охватить все элементы деятельности, такие как субъект, объект, средства, формы, методы деятельности, а также и ее результат, и рассматривать их в движении и взаимосвязи, то есть процессуально. Системно-деятельностный подход, к тому же, дает возможность полнее учесть отражательно-преобразующий характер оперативной работы и выразить диалектику активного отношения к действительности. Вот почему системно-деятельностный подход способен служить общим методологическим основанием для раскрытия всех понятий и категорий, составляющих систему деятельности органов ФСБ.

Эвристичность системно-деятельностного подхода проявляет себя также в способности диалектически увязать относительную полноту, замкнутость и непротиворечивость специально-научного знания. Системно-деятельностный подход формирует, с одной стороны, целостный взгляд на оперативную деятельность, а с другой – выделяет в ней методом дедукции коренные, специфические особенности, закономерности и принципы.

Системно-деятельностный подход предполагает представление объекта исследования в виде целостного, единого образования – системы, находящейся в определенных отношениях с системами более высокого порядка, например: контрразведывательная деятельность и деятельность органов ФСБ в целом; деятельность органов ФСБ и система безопасности государства и общества.

Вместе с этим заслуживает внимания связь объекта исследования с системами низшего порядка, например, принципов и составляющих их систему требований, правил и рекомендаций. Таким образом, системно-деятельностный подход позволяет реализовать многоаспектный анализ⁵.

Системно-деятельностный подход позволяет, следовательно, изучать связи между отдельными элементами оперативного процесса – целями, средствами, методами, результатами и др., а также последовательно и целостно исследовать закономерные связи между оперативным процессом и внешними условиями, в которых он протекает.

Методы эмпирического исследования. Эмпирическая база оперативной работы органов безопасности по объему весьма значительна и имеет большую историческую и научную ценность. Эмпирические исследования связаны большей частью с описанием явлений и процессов профессиональной деятельности, при этом определенные обобщения могут иметь характер закономерностей, проявляющихся как тенденции в массе изучаемых явлений.

Методы теоретического исследования. Их следует рассматривать как общенаучные методы теоретического исследования (с известной долей условности), которые включаются в систему используемых нами методов в качестве ее элементов.

Нормативно-правовой метод следует рассматривать как специфический теоретический метод, позволяющий проследить законодательное регулирование общественных отношений, связанных с организацией и осуществлением деятельности органов ФСБ.

Это дает возможность проанализировать и обобщить нормативные предписания и установления, выявить пробелы в действующем законодательстве, констатировать общность какого-либо свойства, зафиксировать устойчивый характер определенной тенденции. В то же время причины повторяемости, устойчивости свойства или признака могут оставаться при использовании нормативно-правового метода в ряде случаев нераскрытыми⁶.

Понятие закономерности деятельности ФСБ

Закономерности, являясь важным структурным элементом теории оперативной деятельности органов федеральной службы безопасности, требуют достаточно убедительных доказательств.

Закономерности должны выводиться на основе тщательного анализа возможно большей массы фактического материала, при этом их исследование должно пройти три этапа: анализ фактических данных, выявление закономерностей, использование их на практике.

Исходя из этого понимания закономерности деятельности органов безопасности, в процессе исследования необходимо установить, какая связь, отношение удовлетворяют требованиям объективности, необходимости, повторяемости, устойчивости, а также существенности.

Только при наличии всех перечисленных признаков можно данное отношение наделить статусом закономерности, и только после установления данного научного факта можно приступать к разработке соответствующего исследуемой закономерности принципа как способа ее реализации в практической деятельности.

О правильности формулирования закономерностей

Необходимость целостного и точного описания закономерностей становится все более актуальной. Это связано с тем, что работники органов безопасности нуждаются не просто и не только в теоретических знаниях закономерных взаимозависимостей, взаимоотношений элементов оперативной деятельности, но также и в конкретных путях и способах реализации этих знаний в практической работе. Поэтому при формулировании какой-либо закономерности требуется еще сформировать прогностическую оценку относительно того, будет ли новое знание иметь, наряду с теоретическим, прикладное значение и возможно ли на основе нового знания разработать конкретный принцип.

До настоящего времени вопрос о достаточно удобном формулировании и описании характера закономерных зависимостей одних элементов деятельности от других, а также и иных внешних факторов, практически не ставился.

Изучение научных источников позволяет выделить требования к характеру и способам представления закономерностей деятельности органов ФСБ. Среди них:

- ориентированность на предмет оперативной деятельности как науки;
- содержание указания на наличие сущего и должного;
- фиксирование сугубо необходимых связей;
- наличие предположения о достижении какой-либо качественной определенности;
- обозначение области действия закономерностей и условий их проявления;
- отражение причинно-следственного характера взаимозависимостей;
- максимальные точность и конструктивность⁷.

И еще одно существенное замечание: совершенно не обязательно, чтобы на базе какой-либо закономерности формулировались два или более принципа (хотя методологией науки это допускается), важно при этом, чтобы содержание и сущность установленной закономерности раскрывались наиболее полно.

Принципы деятельности ФСБ – средство реализации закономерностей

В разрабатываемом в настоящее время проекте Федерального закона “О контрразведывательной деятельности” ст. 4 “Принципы контрразведывательной

деятельности” представлена в следующем виде:

“Контрразведывательная деятельность осуществляется на основе следующих принципов:

- законности;
- уважения прав и свобод человека и гражданина;
- конспирации, сочетания негласных и гласных методов и средств;
- комплексного использования специальных, правовых, криминалистических средств, осуществления организационных мероприятий и операций”.

Очевидно, что приведенный перечень принципов недостаточен, ибо он в полной мере уже не отражает новые связи и отношения, сформировавшиеся в новых исторических и социально-экономических условиях. Действительно, современное российское государство как правовой институт не сохранило в прежнем виде ни одного из своих важнейших признаков: ни системы органов государственной власти, ни системы права, ни территории. После распада СССР и образования ряда независимых государств в мире сложилась совершенно иная геополитическая ситуация.

Было бы целесообразным включить в состав принципов контрразведывательной деятельности соответствие государственной политике в области обеспечения безопасности Российской Федерации. Обосновывается данный принцип тем, что исторически все ведомства, использующие негласный метод деятельности, всегда действовали и продолжают функционировать в русле обеспечения государственной политики (внутренней и внешней) в сфере социальной, оборонной, экономической и др.

Рассмотрение в исторической ретроспективе деятельности отечественных органов безопасности, начиная от их ранних и простейших форм и заканчивая современными мощными государственными структурами, позволяет обнаружить устойчивую тенденцию использования возможностей органов безопасности в решении социальных, экономических, оборонных задач государства в каждый конкретно-исторический период его развития как внутри страны, так и за ее пределами.

Названные задачи в своей совокупности направлены на достижение политических целей государства, которые следует понимать в широком контексте, включающем не только решение вопросов защиты конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности и др., но также и решение задач социальных, экономических, научно-технических, оборонных, геополитических, геостратегических и др.

Роль органов безопасности в этом процессе детерминируется конкретно-историческими условиями, она воспроизводится с необходимостью, устойчивостью и постоянством, что заставляет признать ее одним из существенных моментов в деятельности органов безопасности, то есть ее закономерностью. Отсюда следует вывод о необходимости формулирования на основе данной закономерности соответствующего принципа деятельности органов безопасности.

Желательно, кроме того, сформулировать в проекте закона принцип связи с общественностью.

Данный принцип в различных формулировках (связь с массами, связь с трудящимися массами, связь с народом и др.) был всегда актуален, и вполне заслуженно находил свое место в ведомственных нормативных правовых актах.

Современная оперативная практика указывает на то, что связь с гражданами, обществом в целом по-прежнему остается актуальной для деятельности органов ФСБ, являясь ее закономерностью. Поэтому имеются серьезные основания для формулирования соответствующего принципа.

Пренебрежение данным принципом приводит к значительному сужению возможностей органов безопасности. Напротив, последовательная реализация связей с населением, как показывает историческая практика, позволяет многократно повысить

потенциал органов безопасности, а вместе с этим и эффективность решения задач противодействия разведывательной и разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб и организаций, осуществляемой в ущерб интересам России.

“... Дело борьбы с иностранным шпионажем должно быть популярным, национально-патриотическим, широко охватывающим все население, все слои общества, все правительственные учреждения, независимо от того, к какому они принадлежат ведомству”. Этот важный вывод был сделан еще в 1915 г. Директором Департамента полиции Р.Г. Молловым.

Заслуживает переосмысления и переформулирования принцип “единства системы органов федеральной службы безопасности и пограничных войск, а также централизация управления ими”, который зафиксирован в ст. 5 Федерального закона “О федеральной службе безопасности”. Следует подчеркнуть, что его утверждение продиктовано потребностями конкретно-исторической практики деятельности отечественных спецслужб. Данный принцип согласуется с общими тенденциями развития стратегии управления на общегосударственном уровне.

Впрочем, такой вариант формулировки не является совершенным и также может быть признан излишним ввиду того очевидного обстоятельства, что централизованно управлять системой, не являющейся единым целым, попросту невозможно.

Представляется более правильным сформулировать управленческий принцип в форме: централизация управления, или просто централизация, ибо и в Российской Империи, и в Советском Союзе, и в России постсоветской эпохи органами безопасности всегда руководили и продолжают руководить лично первые (высшие) лица государства.

Централизация управления органами безопасности, следовательно, – это устойчивая и непреходящая тенденция, это – объективная историческая закономерность.

Важность централизации осознавалась еще в глубокой древности.

Сунь-цзы, китайский мыслитель, стратег и полководец VI–V вв. до н. э., подчеркивая ценность централизованного управления, в своем “Трактате о военном искусстве” писал: “Всеми пятью категориями шпионов обязательно ведает сам государь”⁸.

Лично руководил постановкой разведывательного дела прусский король и крупный полководец Фридрих II.

Император Франции Наполеон Бонапарт содержал сеть агентов с узко очерченной задачей – контролировать деятельность Фуше, министра полиции, а чтобы точно уловить момент, когда главный полицейский постарается их подкупить, Бонапарт содержал еще одну агентурную сеть, функция которой состояла в наблюдении за агентами, контролирующими Фуше⁹.

В России традиционно патронировали деятельность приказов, которые одновременно занимались дипломатией, разведкой и контрразведкой, цари и императоры, причем лично, начиная от Алексея Михайловича и завершая периодом падения монархии¹⁰. Централизация управления имела только одну тенденцию – настойчивое ее укрепление и развитие, за исключением кратковременного и неудачного опыта децентрализации в начальный период правления “либерального” Александра I.

Централизация в деятельности российских спецслужб всегда считалась недостаточной. При этом признавалось, к чему имелись объективные основания, что отсутствие централизации негативно сказывается на ведении разведки и контрразведки.

В России XIX – начала XX вв., периода, связанного с организационным становлением отечественных органов безопасности, почти не было ни одного ведомства, которое в том или ином виде занималось бы зарубежной агентурной разведкой или контрразведкой в интересах всей империи. Каждое ведомство собирало те сведения, которые его непосредственно интересовали.

Имеются основания к тому, чтобы принцип конспирации формулировать одним словом, кратко – конспирация, так как данное понятие включает в качестве своего необходимого момента диалектическую связь тайного и явного, в чем и проявляется ее

природа.

Отсюда следует, что попытки сформулировать принцип конспирации в “сочетании” с использованием “гласных и негласных” методов и средств деятельности, или форм деятельности, или “начал”, имевшие место в различных законодательных актах последнего времени, являются избыточными. Принцип конспирации необходимо изложить без указания на способы его реализации. Законодательные правовые акты не должны содержать конкретные и подробные сведения о механизмах реализации принципов в оперативной практике.

Целесообразно зафиксировать также в законодательном порядке принцип собственной безопасности.

Собственная безопасность всегда находилась в поле зрения отечественных спецслужб во все исторические периоды их развития. Это развитие прошло путь от простейших физических форм и способов самозащиты, самосохранения и обеспечения личной безопасности до осознания необходимости разработки исчерпывающих мер, содействующих эффективному решению задач обеспечения госбезопасности в условиях активного противодействия противника.

В настоящее время понимание проблемы собственной безопасности в ФСБ России достигло наиболее высокого мировоззренческо-методологического уровня, а именно ее системного понимания, что влечет за собой необходимость участия в ее обеспечении не только отдельных сотрудников, подразделений, управлений и ФСБ России в целом, но также и российского государства.

Классификация принципов

При разработке принципов деятельности органов безопасности целесообразно руководствоваться следующим методологическим подходом к их классификации, базирующемся на принятии в качестве ее единого основания масштабности действующих в обществе и государстве закономерных связей и отношений. В этом случае появляется возможность выделить три группы принципов.

Общие принципы деятельности органов безопасности, которые обусловлены объективными связями и отношениями, присущими деятельности всех органов исполнительной власти, уполномоченных законом осуществлять негласную деятельность: соответствие государственной политике обеспечения безопасности РФ, гуманизм, законность, связь с общественностью.

Особенные принципы деятельности органов ФСБ, отражающие связи и отношения, которые проявляют себя преимущественно в деятельности ведомств, входящих в систему безопасности РФ и использующих негласные методы и средства решения задач.

Они характерны для Федеральной службы безопасности, Службы внешней разведки, Федеральной службы охраны, Министерства внутренних дел, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотических и психотропных веществ, а также и некоторых других ведомств (например, МО, ФСИН, МЧС России и др.), в деятельности которых изначально поддерживается высокий уровень собственной безопасности, дисциплины и единоначалия.

К данной группе целесообразно отнести принципы собственной безопасности, конспирации, централизации управления.

Частные принципы (не типичные) носят специальный характер, они внутренне присущи деятельности каждой из силовых структур. Однако деятельности органов ФСБ свойственны собственные, специфические принципы: принципы организации деятельности (линейный, объектовый, территориальный, функциональный, проблемно-целевой), специализации, наступательности, комплексного подхода к решению поставленных задач, непрерывности оперативного процесса. Данные принципы проявляют себя в узкоспециальных сферах, чем и обуславливается их особая специфичность.

Нельзя исключать и того, что, возможно, следует признать более целесообразным не

перегружать федеральный закон частными принципами, а регулирование оперативной деятельности на их основе осуществлять на уровне ведомственных нормативных правовых актов.

Таким образом, ст. 4 проекта Федерального закона “О контрразведывательной деятельности” предлагается изложить в следующей редакции: “Контрразведывательная деятельность осуществляется на основе следующих принципов: соответствие государственной политике обеспечения безопасности Российской Федерации, гуманизм, законность, связь с общественностью, собственная безопасность, конспирация, централизация, а также специализация, наступательность, комплексный подход к решению контрразведывательных задач, непрерывность контрразведывательного процесса”.

Разработанный в общем своем содержании методологический подход к установлению объективных связей, имеющих место в сфере контрразведывательной деятельности, позволяет в дальнейшем вплотную приступить к их целенаправленному поиску, подробному рассмотрению, а затем и обоснованию соответствующих им закономерностей. Данная процедура содержательно включает в себя несколько этапов.

На первом из них принимается к рассмотрению какое-либо отношение (явление), гипотетически, или в первом приближении, обладающее признаками наличия устойчивых тенденций в своем развитии.

Следующий этап связан с установлением признаков, присущих явлению как закономерности (объективность, существенность, необходимость отношений, проявляющиеся в их повторяемости).

Далее делается научно обоснованный вывод о наличии объективно действующей закономерности.

На основе установленной закономерности формулируется принцип контрразведывательной деятельности.

В заключение, основываясь на анализе материалов современной оперативной практики, выявляются и обобщаются требования, рекомендации, правила, в своей совокупности позволяющие эффективно реализовывать установленную закономерность на практике.

Примечания

¹ Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1986. С. 210.

² Здесь и далее термин “оперативный” употребляется в значении “негласный”.

³ В дальнейшем, в соответствии с контекстом, может использоваться как равнозначный термин “органов безопасности”.

⁴ Ленин В.И. О государстве: Лекция в Свердловском университете. 11 июля 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

⁵ Бондаренко Н.И. Методология системного подхода к решению проблем: История, теория, практика. СПб: Изд. С.-П. ун-та эк. и фин., 1996; Синельников Б.М., Горшков В.А., Свечников В.П. Системный подход в научном познании. М., 1999.

⁶ Сырых В.М. Метод правовой науки: Основные элементы, структура. М.: Юридическая литература, 1980. С. 83.

⁷ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. С. 247–248.

⁸ Конрад Н.И. Избранные труды: Синология. М., 1977. С. 44.

⁹ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М.: Мысль, 1986. С. 282; Тарле Е.В. Наполеон. М.: Наука, 1991. С. 88.

¹⁰ Воронцов С.А. Правоохранительные органы и специальные службы Российской Федерации: История и современность / Под общ. ред. С.В.Степашина. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 62–63, 77–81, 86–88, 100–101.

НЕОБХОДИМОСТЬ СТРАТЕГИИ ДЛЯ РОССИИ

М.Сангулия

2006–2007 гг. завершают восстановительный, “переходный” этап развития России, неизбежно и неотложно ставя проблему выбора стратегии страны в XXI в. Вот почему важно представить себе адекватно будущее России¹. Представить, пусть даже в общих чертах, последствия своих действий и направленность тенденций развития – обязательное условие при принятии важнейших политико-экономических решений.

Способность к стратегическому прогнозу обязательное качество для государственного деятеля и политика, которым, к сожалению, не могут похвастаться сегодня многие деятели в России. Мы часто спорим о настоящем, стремительно переписываем историю, нередко неправильно и плохо, но при этом мало говорим о будущем. А между тем, такой разговор очень необходим. Мы должны представлять себе более или менее ясно, каким будет мир через 10–15 лет. Какое место будут занимать в нем те или иные страны и, конечно же, Россия. Способность представить, спрогнозировать будущее – важнейшее условие, начальная точка для разработки эффективной и долгосрочной стратегии.

В последние годы появилось большое количество долгосрочных прогнозов, посвященных как отраслям экономики, так и отдельным проблемам.

Приведем лишь некоторые примеры:

- Прогноз добычи нефти в Ханты-Мансийском округе в 2020 г. показывает, что объемы добычи могут составлять до 250 млн. т, что будет равно примерно половине всей нефтедобычи в стране в тот временной период;
- По оценкам Газпрома, на рынке Юго-Восточной Азии к 2020 г. будет поставляться около 110 млрд. куб. м газа;
- По оценкам Еврокомиссии, доля России в европейском импорте к 2020 г. сохранится на уровне 2% (при сохранении доли нефти на уровне 30%, а газа – 50%);
- К 2020 г. Россия войдет в число 10 наиболее популярных туристических направлений;
- По оценкам врачей, доля суицидов к 2020 г. будет увеличена в 1,5 раза;
- По мнению специалистов, если политику в борьбе с ВИЧ не изменить, то к 2020 г. Россия потеряет половину своего населения.

Разработаны и отраслевые правительственные прогнозы.

Существуют и более сложные, комплексные стратегические прогнозы.

Генеральный директор Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), экономический советник премьер-министра РФ М.Фрадкова А.Белоусов представил прогнозы экономического развития России до 2020 г. Расчеты проводились, исходя из колебаний стоимости нефти на уровне 45–50 долл. за баррель. При условии сохранения стоимости нефти в этом диапазоне “есть еще 6–7 лет, чтобы перестроить экономику и вписаться в те риски, которые мы видим”, считает руководитель ЦМАКП.

Говоря о возможных кризисных периодах, Белоусов назвал три таких периода: 2007–2008 гг., 2011–2012 гг. и 2015–2017 гг.

Первый “кризисный узел” будет носить в основном административный и социально-политический характер при минимальных экономических рисках.

Но уже в 2011–2012 гг. российская экономика столкнется с более сложными проблемами, в первую очередь структурными и демографическими - существенное сокращение трудоспособного населения создаст сильное давление на систему пенсионного обеспечения.

В 2015–2017 гг. риски, как считают ученые, могут достигнуть максимальных значений за счет обострения теперь уже экономических проблем и нарастания неэффективности государственного управления.

Обострятся к тому времени и медико-социальные проблемы (скажется рост числа ВИЧ-инфицированных и наркоманов) и проблема истощения природных ресурсов (нефтяных месторождений Поволжья, например).

Другим аспектом стратегического прогнозирования является прогноз возможных последствий принимаемых решений.

Как признают авторы очередного американского стратегического прогноза, подготовленного Объединенным Комитетом разведки и ведущими представителями науки США в 2005 г.: “К 2020 г. карта мира может радикально измениться”.

Но не только политическая карта мира, но и соотношение сил в мире: экономических, политических, военных, и демографических. Через 12–15 лет мир станет иной, не такой, каким мы его видим сегодня.

Кроме лидера, США, на мировую арену выйдут еще три ведущих “игрока” – Китай, Индия и страны Евросоюза.

Численность населения Китая и Индии уже сейчас приближается к 1,5 млрд. чел., Евросоюза к 600 млн., а их экономические потенциалы вскоре будут сопоставимы с США.

Россия к тому времени, даже если сохранятся нынешние позитивные тенденции в экономике, отойдет уже не на второй, а на третий план в мировой политике.

Численность ее населения может сократиться до 110 млн. чел. (менее 10% от Китая, Индии, 15% Европы и 25% от предполагаемой численности в США), а экономический потенциал будет составлять – 5–10% от ВВП этих государств.

Россия, малонаселенная, но богатая природными ресурсами страна, окажется зажатой между военно-политическими и экономическими гигантами, густонаселенными странами, которые потребляют много природных ресурсов.

Учитывая, что в соответствии с прогнозами, запасы углеводородного сырья будут практически исчерпаны, возможен серьезный конфликт из-за условий потребления этих ресурсов.

Этот конфликт практически неизбежен: холодная зима 2006 г. проиллюстрировала, что недостаток углеводородного сырья вызвал неадекватные действия, не только европейских государств, но даже таких слабых стран как Грузия.

Природные и иные богатства не могут быть собственностью слабых держав. Этому учит нас вся история международных отношений и история человечества.

В этой связи, мы должны ясно ответить на главный вопрос: готовы ли мы принять такое будущее?

Согласны ли мы с тем, что внутренняя нестабильность, отсталость и потеря контроля над огромными ресурсами станут нашей возможной участью в ближайшие десятилетия?

Этот вопрос отнюдь не риторический, ведь нередко в правящей элите СССР и России в последние 15 лет возникали иллюзии относительно политических, внешних и внутренних реалий. Причем это относится и к той части элиты, которая оказывала решающее влияние на принятие решений.

Вспомним об утверждении, что “расширение НАТО на Восток укрепляет безопасность России”, или неоправданные надежды на то, что демократизация СССР, роспуск СЭВ и ОВД приведет к роспуску НАТО.

Именно поэтому главный вопрос стратегии и стратегического планирования

заключается в том, насколько адекватно интересы национальной безопасности воспринимаются правящей элитой, трансформируясь в политические, экономические и военные цели.

Эффективность управления заключается, прежде всего, в способности правящей элиты максимально использовать имеющиеся возможности у нации и государства. Иногда такая эффективность, КПД госуправления бывает очень низкой, иногда недостаточной, иногда высокой, когда получается максимальный эффект. Бывает и отрицательный показатель эффективности госуправления, когда нация очевидно без всяких объективных причин скатывается в глубокий и продолжительный кризис.

Так было в СССР в 1987–1991 гг. Так было в России с 1991 по 2000 гг.

Так может быть и в будущем. Во всяком случае, в стратегическом прогнозе до 2020 г., подготовленном разведсообществом США, проблема госуправления выделяется в качестве главной проблемы для России.

Таким образом, без ясного представления о желаемом, о цели, результате развития невозможен национальный прогноз. Без прогноза невозможен план действий. Без плана нет механизмов его выполнения. Тем более эффективных управленческих решений. А без всего этого нет стратегии развития нации, общества и государства.

В то же время нельзя согласиться с многочисленными утверждениями о том, что у администрации В.В.Путина нет вообще никакого представления о том, какова должна быть стратегия развития. Совсем наоборот – основные идеи уже высказаны к 2006 г.:

- это и идея “удвоения ВВП”, а, точнее, опережающего развития;
- это идея развития потенциала человека, приоритетность социальных аспектов развития;
- это идея укрепления институтов власти и институтов гражданского общества, формирования партийно-политической системы государственной власти;
- это идея приоритетности “национальных проектов”.

Но они, во-первых, не взаимосвязаны и не объединены в политическую доктрину, или хотя бы концепцию, а, во-вторых, не формализованы в единых стратегических документах, имеющих силу закона или нормативного акта. Сегодня эту роль выполняют ежегодные послания Президента Федеральному Собранию РФ и бюджетные послания.

Представляется, что в такой ситуации дискуссия о путях развития страны имеет не только научную перспективу, но и практическую, политико-экономическую значимость. Более того, неоднократные высказывания В.В.Путина о роли партий и других институтов гражданского общества в разработке таких идей свидетельствуют о том, что, прежде всего, партии, их представители должны продвигать такие идеи.

Сегодня, когда большинство стратегических вопросов развития не только предлагается, но и решается Минфином и МЭРТ, и, таким образом, именно их идеи преобладают при составлении концепций развития и проектов бюджета, необходимо принципиально изменить ситуацию, “включать энергию” общества и всей нации.

При разработке стратегии важно правильно оценить возможные ресурсы развития нации. Пока что при такой оценке преобладают расчеты энергетических и иных сырьевых ресурсов. Другие ресурсы: интеллектуальные, образовательные, технологические, а тем более, моральные и духовные, пока не учитываются.

В этой связи очень важно правильно и реально оценить фактическое место, которое занимает Россия в мире.

Сегодня широко распространена точка зрения о том, что Россия безвозвратно потеряла ведущее место в мире.

По большинству важнейших показателей: душевому ВВП, уровню образования, информационной вооруженности, Россия занимает 50–60-е место в мире. Экономические возможности России в 20 раз меньше экономических возможностей Америки, а также

уступают не только Японии и Китая, но и ряда других стран (Германия, Франция, Италия)².

Это реальность 2006 г., но, с другой стороны, адекватно оцененные возможности и разумно амбициозные цели развития страны могут и должны привести к серьезному изменению места в мире уже в среднесрочной перспективе.

Необходимы иные, а именно качественно новые темпы развития. Собственно, поэтому Президент России и сформулировал еще в 2003 г. задачу “опережающих темпов развития”. Опережающих по отношению к ведущим государствам. Задачу, которая пока что не реализуется. Что хуже: в практическом плане Правительством даже и не ставится. Основные объективные причины следующие:

- Россия так и не перешла ни в области идеологии, ни в области госуправления, ни в экономике к признанию приоритета интеллекта и человеческого потенциала, в том числе социального. Исполнительная власть по-прежнему ориентируется на устаревшие, в том числе макроэкономические критерии, которые перестали быть определяющими для стран-лидеров, находящихся на информационно-технологической стадии развития.

Более того, в политическом классе и экономической элите эта задача в практическом плане даже не ставится, хотя следует признать, что в 2004–2005 гг. отдельные представители элиты стали формулировать такие цели. Пересмотр приоритетов развития еще не произошел: государство использует методы, свойственные экономике и общественному развитию 20-летней давности. Даже Президент РФ В.В.Путин, говоря в сентябре 2005 г. о роли человеческого потенциала, поставил этот приоритет в зависимости от макроэкономических показателей.

Россия находится на стадии восстановления индустриально-промышленного потенциала, когда информационное общество еще только начинает формироваться. На том уровне, на котором передовые страны находились в конце 80-х годов.

Россия по-прежнему развивается по алгоритму индустриально-сырьевого государства.

У России нет современной идеологии и стратегии государственного развития. Позитивные результаты последних лет не более чем восстановление разрушенного старого индустриального уклада. Переосмысления, переориентации на новые приоритеты не произошло.

Это означает, что де-факто общество, государство и политическая элита следуют инерционному сценарию развития. Что программирует отставание от стремительно развивающихся стран-лидеров глобализации.

Достаточно привести один пример: ежегодный прирост ВВП США (порядка 3%) равен всему ВВП России в 2005 г. Но этот прирост обеспечивает уже несколько десятилетий Соединенным Штатам экономику знаний, а не ТЭК, как в России.

Качественным рубежом в развитии России, ее экономики и общества можно считать 2006–2007 гг. Можно сказать, что это – завершение восстановительного этапа.

Экономически – ВВП достигнет уровня ВВП РСФСР 1990 г.; политически – сформируются в современном виде основные институты государства и общества; геополитически – Россия займет, наконец-то, свое место в системе международных и военно-политических отношений и т.д., вплотную и неотвратимо встанет вопрос о выборе стратегии развития, а не только реагирования на возникающие угрозы.

Можно утверждать, что фактически, а не календарно, XXI в. для России начинается именно на рубеже 2006–2007 гг., которые станут поворотным пунктом в ее истории: либо очередная ошибка в стратегии и тактики страны (и вновь потерянные годы, даже десятилетия), либо опережающие темпы развития общества и государства, которые могут быть удивительно быстрыми и результативными.

Сегодня анализ состояния государства и общества показывает, что создание современного, по сути европейского, социального общества в России не только возможно, но необходимо, а с исторической точки зрения, даже неизбежно. Явный социальный заказ сложился уже осенью 2005 г., хотя потенциально он существует уже несколько лет. Предпосылки его таковы:

Наиболее эффективным алгоритмом развития передовых государств является социально ориентированная, а фактически социалистическая модель, которая успешно демонстрируется Финляндией, Швецией, Данией и Норвегией, ставшими лидерами даже среди передовых государств. Именно эти страны сегодня определяют передовые рубежи развития экономики и общества.

Для того чтобы предложить российскому обществу новую стратегию и программу, необходимо последовательно решить следующие задачи, которые позволили бы создать качественно новый научный и идеологический продукт – (российскую) стратегию нации в XXI в.:

- Во-первых, ответить на вопросы о том, каковы основные мировые тенденции развития, какие из них определяют в решающей степени будущее человечества, наций и государств, то есть определить объективные, магистральные пути развития экономики и общества в первой четверти XXI в.;
- Во-вторых, определить реальное место России, ее перспективу в мире, особенности ее развития, основные проблемы, стоящие сегодня перед страной. Прежде всего, конечно, это адекватная оценка возможностей России. Это предполагает, прежде всего, выделение слабых и сильных сторон, свойственных для России, использование ею конкурентных преимуществ и ликвидацию наиболее слабых мест, а в целом – потенциальных ресурсов нации;
- В-третьих, предложить новую идеологию для общества и, наконец, новый алгоритм государственного развития, то есть собственно программу как совокупность приоритетов, идей, механизмов и способов решения задач;
- В-четвертых, как часть государственной стратегии предложить долгосрочную программу социально-экономического развития страны.

Необходимость выбора сценария развития России стала в настоящее время уже не просто очевидной, но и крайне неотложной: в 2006 г. завершается восстановительный период и общество будет делать принципиальный выбор в пользу того или иного сценария развития.

Как подчеркивает Л.Абалкин, “С точки зрения теории социальных альтернатив, у России, если говорить обобщенно, есть три сценария ее вероятного развития: комплексное решение проблем переходного периода и поэтапное создание современной экономики с высоким качеством жизни населения; оттеснение ее в число второразрядных держав, формально независимых и обслуживающих своими ресурсами страны “золотого миллиарда”; трагический для страны и мирового сообщества, но вполне реальный распад России на ряд мелких государств”¹.

Сегодня пока что нет ни первого, ни второго, ни третьего. Вся социально-экономическая стратегия фактически сводится к элементам финансовой, точнее, макроэкономической политики, которая тупо ориентирована на “макроэкономическую стабильность”. Как будто “стабильность” синоним “развития”.

Поэтому только ясно ответив на эти вопросы, можно перейти к формированию конкретных политических и экономических средств достижения этих целей, например, бюджетной и социально-экономической политики России. Именно политико-идеологические приоритеты должны находиться в основе формирования политической и социально-экономической стратегии государства, реформирования его институтов, принятия законов, формирования бюджетов и других решений.

Сегодня происходит не так, фактически приоритеты государственного развития определяются на уровне Минфина. Складывается парадоксальная ситуация, когда бухгалтерский подход и менталитет определяют внутреннюю и даже внешнюю политику государства.

Таким образом процесс формирования стратегии должен стать публичным с широким привлечением не только экспертов, но и общественности.

Стратегия развития страны должна стать официальным документом, подводящим итоги общенациональной дискуссии. Именно тогда все институты власти и исполнители, от законодательной и судебной власти до чиновников на местных уровнях, будут ориентированы на идеологию и логику действий власти, решать не только принципиальные, но и частные вопросы, соизмеряя и соотнося их с общим стратегическим планом.

Примечания

¹ Абалкин Л. Взгляд в завтрашний день. М.: Институт экономики РАН. 2005. С. 1, 3.

² Батанов А.С., Зоркальцев В.И., Подберезкин А.И., Стреляев С.П. Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России, М., 2005. С. 65.

БЕЗОПАСНОСТЬ И ОХРАНА ТРУДА В ЧАСТНОМ СЕКТОРЕ

Проблема глазами москвичей

О.Муштук,
профессор

Возникновение и развитие негосударственного сектора экономики, в основании которого находятся предприятия малого и среднего бизнеса, – один из основных результатов реформирования России.

В Москве, по данным на начало 2005 г., число малых фирм составило 198,5 тыс. (или более одной пятой от их общей численности по стране).

Количество индивидуальных предпринимателей (то есть предпринимателей без образования юридического лица) – 190 тыс. чел. (из 4,7 млн. чел. в целом по стране).

В результате сфера малого предпринимательства стала жизненно важной для москвичей областью занятости – число работающих в ней достигло почти 2 млн. чел., а если учитывать их семьи, то получится, что эта отрасль является источником “хлеба насущного” для 6 млн. чел.

Весьма значителен и удельный вес малого бизнеса в формировании городского бюджета – на его долю приходится одна треть всех бюджетных поступлений.

Учитывая это, нет ничего удивительного в том, что вопросы развития и поддержки малого бизнеса неизменно находятся в центре внимания московского правительства.

Среди этих вопросов чаще других фигурируют вопросы, связанные с совершенствованием системы государственного регулирования и контроля за деятельностью частных предпринимателей.

Однако не во всех характерных для них “ипостасей”, а в основном в двух – предпринимателей в статусе производителей и “распределителей” общественно потребляемых товаров и услуг (стандартизация продукции, контроль качества и т.д.) и предпринимателей в роли налогоплательщиков с тем, чтобы бизнес не выводил свои доходы “в тень”, а регулярно и в полном объеме отчислял в городскую казну то, что положено по закону.

Что же касается третьей “ипостаси” предпринимателей, а именно “ипостаси” работодателей, то связанные с этим статусом вопросы соблюдения бизнесом единых для всех хозяйствующих субъектов требований и норм Трудового Кодекса РФ, пока что составляют периферию столичного “государева ока”.

В различных СМИ серьезной аналитики по состоянию и правовому регулированию наемно-трудовых отношений в частном секторе (как и в государственном, тоже) “днем с огнем не сыщешь”.

Создается впечатление, что развитие капитализма в России как бы идет без использования наемной рабочей силы.

Капитал есть, а наемного труда почему-то нет. Он куда-то исчез.

И в этом что-то есть от “сермяжной” правды, если учесть, что нынешние отечественные реалии в сфере взаимоотношений труда и капитала далеки от тех, которые характерны для развитого социально ориентированного рынка.

Прежде всего, потому, что российские предприниматели-работодатели, не наступив

пока на грабли классовой ненависти и борьбы, в массе своей воспринимают работающих не как наемных работников при капитализме, которые имеют гарантированные государством права на достойные условия труда и зарплату, соответствующую реальной стоимости рабочей силы, а как, в лучшем случае, закрепощенных “вассалов”, чьи права сводятся к необходимости безропотно подчиняться “сюзерену”. И во всем следовать “самочинно” установленным им правилам “феодальной монархии” (или “феодальной вотчины”) в миниатюре. Не “покладая рук”, работать, работать и еще раз работать без каких-либо твердых гарантий того, что в один прекрасный момент тебя “не облапошат” и не “выставят за дверь”.

Не секрет, что наряду с “грошовой” зарплатой (а то, что она действительно такова говорит хотя бы тот, неизменно изумляющий западноевропейцев, факт, что подавляющее большинство “новых бедных” в России – не безработные и не бомжи, а люди с образованием и постоянным местом работы), предприниматели широко прибегают к еще одному “фортелю”. А именно: постоянным задержкам с выплатой (или выплатой в усеченном размере) того, что чел. заработал.

Согласно данным Роскомстата, на 1 февраля 2005 г. общий объем невыплаченных денег составил по стране 14,3 млрд. руб. или 5% месячного фонда зарплаты всех работающих россиян.

Число тех из них, которые остались без заработанных денег, превысило 2,4 млн. чел. (практически каждый 13-й работник). При этом основной объем долгов приходится не на бюджетный, а как раз на частный сектор, в котором работодатели не редко вообще “кидают” работающих. То есть отказываются платить заработанное (особенно если работник – мигрант из СНГ).

Серьезные проблемы в сфере наемно-трудовых отношений связаны также с весьма вольным отношением работодателей и к другим правам и социальным гарантиям работающим, закрепленным в Трудовом Кодексе РФ.

Согласно официальным данным, в 2002 г. только органами федеральной трудовой инспекции во время проверок было выявлено более 2,1 млн. различных нарушений в этой области.

При этом львиная доля этих нарушений – 1,5 млн. или 71,4% пришлось на нарушения, связанные с охраной труда и техникой безопасности. Что лишний раз подтверждает поистине “кощееву” жадность предпринимателей в той части организации своего дела, которая касается издержек найма и использования рабочей силы.

На этом фоне особый интерес представляют результаты социологического исследования: “Оценка москвичами уровня безопасности и охраны труда на предприятиях малого и среднего бизнеса”¹.

I

Одним из основных понятий трудового законодательства в области охраны труда как системы сохранения жизни и здоровья работника при трудовой деятельности, является понятие “условия труда”.

Под этим понятием имеется в виду вся совокупность факторов производственной среды и трудового процесса, которые оказывают непосредственное влияние на настроение, работоспособность и здоровье человека.

Опрос показал, что лишь меньшинство респондентов-москвичей, занятых на предприятиях малого и среднего бизнеса, хотя и довольно значительное (37,7%), оценивают эти условия в целом положительно. Классифицируя их как те, которые их в полной мере устраивают.

Абсолютное же большинство в 52,4% не столь категорично, и оговаривается, что условия работы, если и устраивают их, то лишь отчасти.

Еще 9,6%, что не устраивают вовсе.

Таким образом, суммарное число наемных работников-москвичей, выразивших свое (частичное или полное) неудовлетворение общим состоянием производственной среды и трудового процесса на предприятиях малого и среднего бизнеса, составило в итоге почти две трети их общего числа (62,3%).

Такого рода конфигурация общих оценок условий труда дополняется выстроенной респондентами иерархией оценок производственной среды и трудового процесса через призму того влияния, которые они оказывают на здоровье работника.

Меньшинство опрошенных москвичей (36,6%) классифицирует действующие в этой области факторы как в целом безопасные, то есть как те, которые не оказывают вредного воздействия на организм и психическое состояние человека.

Большинство же в 43,2%, трактует эти факторы как относительно безопасные, то есть как те, которые, хотя и оказывают вредное воздействие, но на уровне, не превышающем или близком установленным нормативам.

Еще 10,3% оценивают средовые факторы производства и трудового процесса, как потенциально опасные, то есть как факторы, которые могут привести к производственной травме или увечью. И, наконец, 8,7%, как потенциально вредные, то есть как факторы, которые могут спровоцировать то или иное профессиональное заболевание.

В этой связи особое значение имеют закрепленные в ст. 212 Трудового Кодекса РФ обязанности работодателя обеспечить безопасность работников при:

- эксплуатации зданий, сооружений, оборудования;
- осуществлении технологических процессов, а также применяемых в производстве инструментов, сырья и материалов.

В том числе информировать их:

- об условиях и охране труда на рабочих местах,
- о существующем риске повреждения здоровья и полагающихся им компенсациях и средствах индивидуальной защиты;
- о недопущении работников к исполнению ими трудовых обязанностей без прохождения обязательных медицинских осмотров (обследований), равно как и в случае медицинских противопоказаний.

Что касается первого из этих требований, то из опроса следует, что лишь у меньшинства опрошенных москвичей (40,4%) выполняемая работа связана с выдачей тех или иных средств индивидуальной защиты (специальной одежды, обуви и т.д.), тогда как у абсолютного большинства в 59,5% – нет.

Если число тех, кому положены средства индивидуальной защиты, взять за 100%, то картина с выполнением работодателями своих обязательств в этой области предстает не очень “радужной”:

только 38,8% из этой категории респондентов выдаются предусмотренные трудовым процессом средства индивидуальной защиты;

17,6% выплачивается денежная компенсация для самостоятельного приобретения этих средств;

большинству же в 43,6% не выдают ни того, ни другого.

Схожие результаты получены и по вопросу обязательных медицинских осмотров.

Удельный вес респондентов, которые указали, что характер выполняемой ими работы, равно как и выпускаемая предприятием продукция или предоставляемые услуги, связаны с необходимостью прохождения обязательных медицинских осмотров, в итоге также составил меньшинство в 45,0%. Большинство же в 52,0% утверждает, что такие осмотры якобы не предусмотрены профилем их организации.

Среди первых (взятых за 100%) доля тех, кто постоянно проходит обязательные медицинские осмотры, измеряется 44,4%.

Тех, кто проходит их от случая к случаю – 29,3%.

Тех, кто указал, что такие осмотры проводятся только на бумаге, тогда как по факту нет – 26,2%.

Заслуживают внимания и ремарки респондентов по поводу того, что нередко работники фирм просто “не в курсе”, положены ли ему индивидуальные средства защиты или нет. То же касается и медицинских осмотров, которые часто проводятся по личной инициативе.

Важнейшей составляющей системы обеспечения прав работников на охрану труда является также их санитарно-бытовое обслуживание, создание комфортных (санитарно-гигиенических, эстетических и т.д.) условий для труда и отдыха, в том числе оборудование санитарно-бытовых помещений (раздевалок, туалетов, умывальников и т.д.), помещений для приема пищи, комнат для отдыха в рабочее время и психологической разгрузки и пр., а также санитарных постов с аптечками, укомплектованными набором лекарственных средств и препаратов для оказания первой медицинской помощи.

Опрос показал, что ситуация в этой области также далека от той, чтобы быть названной благополучной.

Лишь меньшинство респондентов, хотя и довольно значительное (34,3%) считает, что на их предприятиях и фирмах делается все для того, что бы создать персоналу “приличные” условия для труда и отдыха. И что такого рода вопросы неизменно входят в систему внутренних приоритетов руководства фирмы, и решаются довольно эффективно.

Большинство же в 44,9% оценивает ситуацию в этой области далеко не столь однозначно, исходя из “презумпции”: то, что в этом плане делается, явно недостаточно для того, чтобы говорить о комфорте.

А почти одна пятая респондентов (19,7%) вообще отрицает наличие каких-либо действий менеджмента в этом направлении, утверждая, что практически не делается ничего.

Правомерность этих оценок подтверждает составленный респондентами “реестр” наличествующих на их предприятиях и фирмах элементарных санитарно-бытовых удобств. Из него следует, что обеспеченность эти удобствами по отдельным видам и вместе взятым не выдерживает никакой критики. И хотя, конечно, нельзя не учитывать характер и размер тех или иных предприятий и фирм, а также занимаемую ими “квadrатуру”, тем не менее, ситуация, когда “все удобства во дворе”, и далеко не везде имеются даже туалеты (3,3%), умывальники (18,3%) и раздевалки (36,7%), недопустима.

Не говоря уже об отсутствии аптечек, укомплектованных набором лекарственных средств и препаратов для оказания первой медицинской помощи, ибо для них не требуется много места. Удивительно, но факт: на наличие таких аптечек указали всего 48,1% респондентов.

Поражает (с учетом высокого удельного веса опрошенных москвичей, занятых в таких отраслях, как торговля и бытовое обслуживание, промышленность и строительство и др.) и факт исключительно низкого уровня обеспеченности рабочих мест душевыми кабинками, а также комнатами отдыха – эти удобства отметили всего соответственно 17,4% и 28,3% респондентов.

В то же время, ряд респондентов указали на наличие на их фирмах санитарно-бытовых удобств, выходящих за рамки этого минимума, а именно –удобств “экстра-класса”: холодильников и микроволновых печей, кофейных и пищевых автоматов, тренажерных и спортивных залов, саун с бассейном и др. Однако эти удобства – скорее исключение, чем правило.

II

Для обеспечения соблюдения требований охраны труда, осуществления контроля их выполнения в каждой организации в зависимости от численности работников или создается служба охраны труда, или вводится должность специалиста по охране труда, имеющего соответствующую подготовку или опыт работы в этой области. А при их отсутствии работодатель обязан заключить договор со специалистами или с организациями, оказывающими услуги в области охраны труда.

В этой связи показательно, что на вопрос:

Существует ли на вашем предприятии служба охраны труда или, как минимум, введена должность специалиста по охране труда?

Ответы были следующими:

Утвердительно ответили только 38,3% респондентов.

При этом некоторые подчеркнули, что эти функции входят в обязанности руководителя.

Что касается тех, кто ответил отрицательно, то их удельный вес составил 25,7%.

Еще одна большая группа респондентов в 35,1% – указала, что факт существования каких-либо “трудоохранных” структур ей неизвестен. Подчеркнув при этом, что “даже если в этом плане что-то и есть, то никоим образом себя не обозначает и не проявляет”.

Не лучше в этом же плане обстоят дела на столичных предприятиях малого и среднего бизнеса с работой по организации и охране труда с использованием средств наглядной агитации.

Всего лишь меньшинство респондентов в 22,6% подтвердили наличие в помещениях фирм “уголков безопасности” – соответствующим образом оформленных стендов с информацией по этому поводу, а также нормативными установлениями в области организации и охраны труда, содержащимися в трудовом законодательстве.

Еще 25,8% подчеркнули, что чаще всего все в этом плане ограничивается одним – двумя плакатами, вывешенными в коридоре.

Что касается большинства (48,9%), то респонденты этой группы указали, что на их фирмах нет и в помине ничего относящегося к пропаганде знаний охраны труда и техники безопасности средствами наглядной агитации.

В числе обязанностей работодателя по обеспечению безопасных условий и охраны труда, предусмотренных трудовым законодательством, большое значение придается обучению работников безопасным методам и приемам выполнения работ по охране труда и оказанию первой медицинской помощи при несчастных случаях. А также обязанности проводить инструктаж по охране труда, стажировку на рабочем месте и проверку знаний требований охраны труда, безопасным методам и приемам выполнения работ.

Лица, не прошедшие в установленном порядке обучение и инструктаж по охране труда и технике безопасности, не должны допускаться к работе.

Опрос показал, что эти положения трудового законодательства выполняются многими работодателями, что называется, “спустя рукава”.

По крайней мере, на вопрос:

Знакомы ли респонденты в полном объеме с требованиями охраны труда и техники безопасности, которые предъявляются к выполняемой ими работе?

Ответы были следующими:

Утвердительно ответили только 26,2% от общего числа. Подчеркнув при этом, что прежде чем быть допущенными к работе, они действительно проходили специальное обучение и сдавали соответствующий экзамен.

Большинство же респондентов (45,12%) указали, что их инструктировали только в общей форме, а более одной четвертой (27,1%), что вообще не получали никаких инструкций.

Тем не менее, несмотря на эти “проколы” в деятельности работодателей по обучению работников безопасным методам и приемам труда, в работе предприятий малого и среднего бизнеса аварии или какие-то серьезные технические неполадки, которые повлекли бы за

собой производственные травмы и увечья среди персонала, явление, далекое от того, чтобы называть его массовым.

Всего лишь незначительное меньшинство опрошенных москвичей (6,4%) указали, что такого рода случаи встречаются не так уж и редко.

И еще 21,4%, что единичны.

Абсолютное же большинство респондентов (65,8%) чего-либо подобного из этой травматологической области не припоминает вовсе. Оговариваясь, “если не брать во внимание легкие травмы” (незначительные ушибы, мелкие порезы и т.д.).

Эти данные, на первый взгляд, не очень вписываются в те, которые приводились выше.

На самом же деле они вполне ожидаемые, если учесть, что в отраслевой структуре малого и среднего бизнеса практически полностью отсутствуют технически и технологически сложные производства. И, как выразился один из респондентов, “специфика работы такова, что в целом не таит в себе сколько-нибудь серьезной травматологической угрозы. А если травмы и случаются, то чаще всего по вине самого сотрудника”.

Опрос выявил также весьма вольное отношение работодателей и к вменяемой им Трудовым Кодексом РФ обязанности обязательного социального страхования работников от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Только менее одной трети респондентов (30,6%) подтвердили факт существования в местах их постоянной занятости этого вида социального страхования.

Тогда как 36,6% данный факт отрицают.

Еще одна группа респондентов в 31,0% указала, что не располагает никакой информацией по этому поводу.

III

Одним из основных направлений государственной политики в сфере наемно-трудовых отношений, выступающим одновременно средством защиты прав и законных интересов работников в области охраны труда, является государственный контроль и надзор за соблюдением требований трудового законодательства.

В этой связи перед респондентами был поставлен вопрос:

Как часто их организации являются объектом проверок со стороны органов государственного контроля и надзора на предмет соблюдения требований охраны труда?

В ответах на этот вопрос абсолютное большинство (66,3%) подтвердило факт проведение таких проверок, хотя их интенсивность далеко не везде одинаковая: 11,5% указали, что они имеют место довольно часто; 27,6%, что время от времени; 27,2%, что крайне редко.

И лишь меньшинства респондентов в 20,5% сей факт отрицает.

Что касается результативности такого рода проверок, то она, в оценках респондентов, пока что не очень высокая.

Только меньшинство из них (26,6%) однозначно считает, что такие проверки приводят к положительным изменениям в организации и охране труда.

Тогда как почти одна треть (33,0%) оценивает их в этом плане более сдержанно, утверждая, что, если положительные эффекты и имеют место, то лишь в очень ограниченной мере.

Еще одна большая группа респондентов (31,2%) вообще не усматривает в этих проверках никаких положительных результатов. Указывая, что после них практически ничего не меняется. А если и меняется, то лишь на непродолжительное время, и затем все возвращается на “круги своя”.

Не случайно, случаи, когда вследствие нарушения требований охраны труда и техники безопасности, органами госконтроля и надзора были приостановлены работы в организации до устранения выявленных недостатков, явление довольно редкое в практике столичного предпринимательства.

Лишь меньшинство респондентов (20,1%) указало на то, что такие случаи имели место – или неоднократно (5,7%).

Или же не более 1–2-х раз (14,4%).

Тогда как на памяти абсолютного большинства в 75,7% таких случаев не было вообще.

При этом целый ряд респондентов основную причину неэффективности проверок видит в существующей возможности для предпринимателя “откупиться”. Свидетельствуя, что очень часто “в ответ на понимание и благосклонное отношение, в карманах проверяющих оседает достаточное количество денег фирмы в виде взяток”.

Если не все, то очень многое в положении персонала малых и средних предприятий в частном секторе (впрочем, и в государственном тоже) определяется уровнем его правовой культуры.

В первую очередь этот уровень связан с уровнем правовой грамотности работников в сфере трудового законодательства: степенью просвещенности в том, что касается прав и взаимных обязательств участников производственного процесса. Ибо, очевидно, что работающий человек, который не знает своих прав и их юридически-правовых гарантий, равно как и официальных каналов и возможностей защиты перед лицом работодателя – такой человек не может выступать “равной” с работодателем стороной и требовать то, что ему положено по закону, что работодатель обязан ему предоставить по определению без каких бы то ни было оговорок и предварительных условий.

Фактически такой человек с неизбежностью обречен на то, чтобы с ним обращались не как с деловым партнером, а только и исключительно как с беспрекословным и безропотным “трудовым ресурсом”.

Между тем, ответы респондентов на вопрос о том, как они оценивают уровень знаний своих прав и обязанностей, закрепленных в Трудовом кодексе РФ, не дают сколько-нибудь обоснованного повода для оптимизма.

Лишь незначительное меньшинство опрошенных москвичей (13,7%) оценивают этот уровень, как высокий.

Тогда как большинство (близкое к абсолютному большинству) (49,9%), как уровень, не выходящий за рамки среднего.

Более одной четвертой (26,2%), как уровень, очень низкий.

И 8,9% как близкий к нулевому.

IV

Из изложенных результатов вопроса сам по себе напрашивается вывод: было бы, конечно, ошибкой оценивать уровень безопасности и охраны труда на столичных предприятиях малого и среднего бизнеса как катастрофический (или близкий этому состоянию).

Однако он пока еще весьма далек и от уровня, который, хотя бы в грубом приближении, соответствовал бы юридически-правовым установлениям и требованиям, закрепленным в Трудовом Кодексе РФ, а также в других нормативных правовых актах, содержащих нормы трудового права.

Не впадая в преувеличения, следует констатировать, что в целом сфера наемно-трудовых отношений в части, связанной с условиями и охраной труда, в менеджменте частных предприятий и фирм не входит в число приоритетных и находится как бы на его обочине.

Эта сфера образует своеобразную периферию в иерархии проблем организации и управления малым и средним бизнесом, определяемых предпринимателями как стратегически важные для успешного ведения дел.

Если не все, то большинство “трудоохранных” вопросов здесь решаются по “остаточному принципу”. Или же только тогда, когда “гром уже грянул”.

Данная ситуация в решающей степени связана с весьма вольным отношением многих предпринимателей к писанному государством трудовому законодательству, которое воспринимается ими, если и как обязательное, то только для бюджетных учреждений и организаций.

Что касается частных предприятий и фирм, то на них-де оно не распространяется. Здесь свои законы, свои писаные и не писаные правила игры, которые устанавливаются не государством, а самими предпринимателями. И именно они, а не Трудовой Кодекс, имеют значение.

Такого рода правовая вольность нередко ведет к тому, что владелец фирмы (или топ-менеджер) фактически – бог и царь, который во всем действует не столько по закону, сколько по своему собственному “разумению”, устанавливая внутрифирменные порядки, которые ему представляются единственно правильными, не подлежащими обсуждению, исключая какое бы ни было право работника на то, чтобы усомниться в их правомерности и целесообразности.

Ну, а в случае, если это происходит, и кому-то эти порядки не нравятся, то вступает в силу безапелляционный принцип: “вот Бог, а вот порог”.

Вполне понятно, что эта перспектива остаться без работы – тот фактор-доминанта, который заставляет работника “не высовываться” и не “роптать”, а терпеть и соглашаться на любые условия.

Тем более, если работник представляет собой не дефицитную на столичном рынке труда категорию высококвалифицированных специалистов, а массив профессионально неподготовленных (или малоподготовленных) работников, спрос на которых много ниже уровня имеющегося предложения, и которых (по этой причине избыточности, в том числе связанной с массовой нелегальной миграцией) всегда можно заменить.

Не случайно практика частного предпринимательства как в Москве, так и в России в целом фактически не знает случаев массовых открытых конфликтов между трудом и капиталом в форме забастовок.

Это (помимо сказанного) объясняется также и практически полным отсутствием в этом секторе экономики “рабочих” профсоюзов. Не корпоративных (когда в одну и ту же организации входят как работодатели, так и персонал), а именно “классовых”, то есть объединяющих только наемных работников и служащих и имеющих в качестве “противной стороны” предпринимателей и высших менеджеров-управленцев.

Нельзя не сказать еще об одном “козыре” частного бизнеса, позволяющему ему устанавливать на фирмах свои “специфические” правила игры, в том числе игнорировать законодательно установленные нормативные требования в области охраны труда.

Этим “козырем” является заработная плата, которая в целом пока что выше той, которую платят бюджетникам. А раз так, то все остальное в трудовом процессе не имеет особого значения и персоналу следует довольствоваться тем, что есть. И не претендовать на большее.

Очевидно, что обеспечение надлежащих условий и охраны труда – это вопрос не только юридической, но и социальной ответственности предпринимателей.

Ответственности, которая осознается ими не сразу и к которой они приходят не только (и даже не столько) по “доброй воле”, сколько по “принуждению”: под давлением организованных в профсоюзы наемных работников и служащих, с одной стороны, и государства – с другой.

Но в силу того, что первый фактор у нас практически не действует, ключевая роль в этом давлении должна принадлежать государству.

Частный предприниматель должен быть интересен властям не только как производитель общественно потребляемых товаров и услуг и не только как законопослушный налогоплательщик, но и как работодатель, для которого в этой “ипостаси” закон тоже писан, но не им самим, а государством.

И никакой свободы (при всех имеющихся у предпринимателя правах и свободах) от

этого закона у него нет и быть не должно.

Это принуждение к исполнению социально ориентированных норм и установлений трудового законодательства, по своей сути, и является государственным принуждением бизнеса к социальной ответственности.

От того, насколько эффективно государственные органы осуществляют связанную с этим принуждением функцию надзора и контроля, именно от этого в решающей степени зависит уровень и масштабы социальной защищенности наемных работников и служащих, занятых в частном секторе.

В том числе через призму обеспечения надлежащих условий и охраны труда. Разумеется, при условии, что этот надзор и контроль мотивируется именно этими обстоятельствами, а не используется в качестве еще одного канала взимания “статусной ренты” со стороны бюрократии.

Примечания

¹ Опрос проведен под руководством автора в октябре-ноябре 2005 г. по заказу Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации г. Москвы.

Число охваченных опросом “частных” наемных рабочих и служащих составило 1112 чел.

ООН И МЫ

Г.Локшин,
Генеральный секретарь
международного института мира

Среди важнейших событий прошедшего года мировая общественность широко отметила 60-летний юбилей Организации Объединенных Наций. Свой юбилей эта всемирная организация встретила не в самой лучшей форме. Критики в её адрес было более чем достаточно. Так уж выходит, что на ООН часто взваливают всю ответственность за неблагоприятное развитие обстановки в мире и за все неприятности в мировой политике. И все же ООН остается самой представительной и авторитетной международной организацией в мире.

Международная организация “Гэллап Интернэшнл” приурочила к этому социологическое исследование, посвященное отношению к ООН в 65 странах мира, в том числе в России.

Оказалось, что 83% опрошенных, а среди жителей России даже 93% знают о существовании этой организации, тогда как в США о ней осведомлено лишь 74% граждан.

Это, правда, не означает столь же высокой оценки её деятельности.

В целом положительно её оценили 48%, а отрицательно 13% .

Эти рейтинги в различных странах сильно отличались в зависимости от размеров гуманитарной помощи и конкретных последствий тех или иных акций ООН для данной страны или региона.

В странах Африки, например, эта оценка значительно выше, а на Ближнем Востоке существенно ниже.

В России положительную оценку работе ООН всё же дали 49% опрошенных и лишь 8% оценили её отрицательно¹.

Осведомленность о специализированных учреждениях ООН, таких как ЮНЕСКО или Детский фонд ООН ЮНИСЕФ и других несколько ниже, хотя многие из них, например Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и многие другие делают немало полезного.

В кругах ООН как-то довелось услышать забавную байку о том, как в одной из африканских или азиатских стран на вопрос о том, что они знают про ЮНЕСКО, самые продвинутые люди отвечали: “Ну как же, знаем, конечно, ведь это та самая богатая дама из Румынии”. Причин такой “осведомленности” много, но одна из них состоит в том, что рутинная повседневная работа, как бы она ни была важна и полезна, сенсаций не приносит, и крупнейшие мировые СМИ она просто не интересует.

Не часто и у нас приходится прочесть или услышать что-нибудь запоминающееся о том, чем заняты наши многочисленные представители во всей этой огромной бюрократической машине, на содержание которой идут немалые средства.

Годовой бюджет ООН (без операций по поддержанию мира) составляет 1,3 млрд. долл. Бесконечный поток речей со всех трибун ООН и результаты всевозможных голосований, действительно давно уже перестали привлекать внимание мирового общественного мнения.

Казалось бы, какое нам дело до всех этих далеких проблем в нашей повседневной и

совсем не безоблачной жизни. Но при дальнейшем размышлении не трудно убедиться, что это и нас всех касается, и жаль, что наши СМИ этим вопросам, даже прошедшему в сентябре прошлого года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке Всемирному Саммиту-2005, уделили слишком мало места и времени.

ООН – общая ответственность народов за мир и безопасность

В нынешнем быстро меняющемся мире, который сталкивается с новыми вызовами и угрозами, с каждым годом становится всё яснее, что если человечество хочет выжить и сохранить свою цивилизацию, ему безотлагательно необходимо организовать реальное сотрудничество между народами и государствами в планетарном масштабе. Перед лицом таких неслыханных угроз, как ядерный терроризм или крушение целых государств под воздействием нищеты, болезней и гражданской войны, ни одна страна, даже самая могущественная, не может обеспечить свою безопасность в одиночку без сотрудничества с другими, а тем более за счет безопасности других членов мирового сообщества. Угроза кому-то одному, представляет собой угрозу всем. Для обеспечения своей безопасности каждое государство нуждается в международном сотрудничестве.

Время деклараций прошло, сегодня необходимо действовать. Центральная роль в решении этой жизненно важной для человечества задачи принадлежит ООН, обладающей для этого необходимым потенциалом.

Как подчеркивал на вышеупомянутом Саммите-2005 Президент РФ В.В.Путин, “... адекватный ответ на наиболее острые угрозы XXI в. – международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения, региональные конфликты – можно дать лишь солидарными усилиями мирового сообщества, с опорой на инструменты ООН и международное право”.

Первый шаг на этом пути многим казался очень простым, но на деле выходит крайне трудным. Речь идет о реформе ООН. Реформа Организации Объединённых Наций стала за последние примерно 15 лет одной из самых любимых тем для политологов, дипломатов, политиков и журналистов.

Многочисленные дискуссии, саммиты, конференции и круглые столы, проходившие в различных странах мира в год 60-летнего юбилея ООН, (кстати сказать, в России их почти не было) дали, на первый взгляд, весьма скромные результаты: до сих пор в мировом сообществе нет согласия по поводу многих вопросов деятельности ООН и её будущей структуры. Однако серьезные договоренности, всё-таки зафиксированные на Саммите-2005, оставляют надежду на выработку в недалеком будущем нового более справедливого мироустройства и создание более эффективной ООН.

Создание ООН, ставшее прямым следствием победы антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, явилось одним из важных, действительно исторических достижений Советского Союза и всего мирового сообщества. Значение ООН для России как правопреемнике Советского Союза сегодня ничуть не меньше, чем 60 лет назад. Поэтому реформа ООН – это и наш приоритет.

Своим названием эта всемирная, универсальная и самая авторитетная международная организация обязана президенту США Франклину Д.Рузвельту, который впервые использовал его 1 января 1942 г. в Декларации Объединенных Наций, принятой представителями 26 стран, обязавшимися вместе вести войну против государств фашистской Оси.

Устав ООН, разработанный представителями США, Китая и СССР уже на заключительном этапе войны в августе – октябре 1944 г., был подписан представителями 50 государств на конференции в Сан-Франциско 26 июня 1945 г., а официально ООН была создана 24 октября 1945 г., когда её Устав был ратифицирован всеми пятью великими державами и большинством подписавших его государств.

Этот документ той эпохи и сегодня остается самым прогрессивным и уважаемым источником современного международного права.

В преамбуле Устава ООН есть краткое упоминание о том, что вся эта разветвленная и чересчур возвышенно-далекая для большинства людей структура была создана лишь затем, чтобы “избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе”. В этом явно виден определенный идеализм, возникший во время Второй мировой войны, когда страны антигитлеровской коалиции действительно объединились ради общей цели, хотя различия между ними были колоссальные.

И всё было бы прекрасно, если бы вскоре не началась “холодная война”. ООН по существу в первые послевоенные годы по своему Уставу работала редко и не эффективно. Это была не организация по сотрудничеству, а организация по враждебным отношениям двух противостоявших лагерей. Шло сплошное политическое препирательство: с помощью “машины для голосования” США и их союзники принимали удобные им резолюции. Для ООН в это время больше подходило бы название Организация Разъединенных Наций и она скорее служила механизмом цивилизованного развода бывших союзников по антигитлеровской коалиции. И это было не так плохо – ведь альтернативой была бы третья мировая война.

Будучи своеобразным дополнением сложившейся в то время биполярной структуры международных отношений, ООН не смогла добиться создания системы коллективной безопасности; сформировать эффективные международные вооруженные силы, способные не только поддерживать, но и навязывать мир, предотвращать конфликты, противодействовать распространению оружия массового уничтожения (ОМУ). За всю историю ООН решения Совета Безопасности лишь трижды (в Корею в 1950 г., в Конго в начале 60-х и в Кувейте в 1990 г.) воплотились в конкретные действия по наказанию агрессора.

С начала 60-х годов в стенах ООН появились многочисленные представители молодых государств Азии и Африки. Возникло мощное движение неприсоединившихся государств. Пришлось заканчивать с идеологическими спорами и всё больше заниматься делами по деколонизации и развитию.

Прошло еще три десятилетия, и с распадом СССР как будто стихла “холодная война”. Сложилась благоприятная ситуация для налаживания качественно нового сотрудничества между ведущими державами мира. Но ренессанс продолжался недолго. В середине и в конце 90-х годов стала развиваться тенденция по решению международных проблем односторонними силовыми методами в обход Совета Безопасности (СБ) и Устава ООН.

Начались односторонние действия США и их союзников по НАТО, не связанные ни с какими решениями СБ. Последовали “миротворческие бомбардировки” Югославии, а вскоре и война в Ираке. США чуть ли не саботировали ООН, считая, что организация связывает руки единственной сверхдержавы. Авторитет ООН опять сильно пошатнулся, и начавшиеся налаживаться отношения между ведущими державами в системе ООН вновь осложнились.

Сколько раз за эти шесть десятилетий миллионы людей самых разных стран связывали с ООН свои чаяния и надежды и сколько раз им приходилось испытывать гнев и разочарование перед её несовершенством и неспособностью найти такие решения сложнейших мировых проблем, которые действительно отвечали бы интересам всех народов и государств. Не было буквально ни одного форума каких-либо общественных организаций или движений, где бы не звучала самая острая критика в адрес ООН. Самые простые – неэффективное использование средств и засилие бюрократии. Более опасные – неспособность ООН выполнить свою главную функцию – поддержание мира. Примеров этой “неспособности” было действительно немало.

Сегодня в ООН представлены 191 государство. И это 191 позиция. Достичь единого мнения в этих условиях крайне трудно, хотя иногда и это бывает. Но при всех

обстоятельствах ООН остается уникальной площадкой для многостороннего дипломатического сотрудничества в целях мира на Земле, равноправного экономического сотрудничества, защиты прав человека и т.д. Многие страны мира остро нуждаются в этом общем форуме, где можно рассказать о своих проблемах, заявить о своем видении мира и желании что-то в нем изменить.

Одной из несущих опор постепенно зарождающегося во всем мире гражданского общества являются неправительственные организации (НПО).

За последнее десятилетие их число увеличилось почти в 40 раз. Это дает основание говорить о начале своего рода “эпохи НПО”, связанной с нарастанием процессов глобализации и расширяющимся вовлечением в международные процессы различных общественных сил и объединений. Национальные и международные НПО становятся сегодня серьезными игроками на мировой арене. Они активно воздействуют на мировое общественное мнение и заметно влияют на решение стоящих перед человечеством проблем глобального характера, прежде всего в гуманитарной, экологической и социальной сферах.

Не случайно, что и их роль в ООН постоянно растет. Жаль только, что голос российских НПО в этих кругах почти не слышен.

В соответствии с Уставом ООН, многие неправительственные организации – раньше только международные, а теперь и крупные национальные – получали так называемый Консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС), а также при ЮНЕСКО и многих других специализированных учреждениях ООН.

Получить такой статус в годы “холодной войны” было очень трудно, не намного легче и сейчас. В России сегодня лишь несколько десятков НПО его имеют, но еще меньше им на самом деле пользуются, хотя это дает возможность участвовать в различных мероприятиях, получать информацию и распространять свои документы и материалы, встречаться с делегатами различных стран и передавать им свои пожелания и требования.

Именно в этой среде особенно часто и раздается критика в отношении ООН.

И все же ООН остается самой авторитетной трибуной для десятков тысяч неправительственных организаций всех стран. Да и сама ООН в последние годы всё большее пытается в своих инициативах опереться на поддержку мировой общественности в лице международных и национальных неправительственных организаций.

Так, например, ни одна из крупнейших конференций ООН по самым актуальным проблемам мирового развития не проводилась в 90-е годы без того, чтобы в их подготовке самым активным образом не участвовали неправительственные организации, которые всегда проводили свои всемирные форумы по этим же проблемам одновременно или перед началом встреч официальных представителей государств. Другое дело, что их позиции и требования далеко не всегда принимали во внимание, но и игнорировать тоже не могли.

Хорошо помню, как трудно было доказывать коллегам из этих НПО, что глубоко заблуждаются те, кто думает, что ООН – это международная структура, живущая своей собственной жизнью.

Жизнь Организации предопределяется и в чем-то программируется интересами государств и происходящими в мире процессами, и мало проку от всех попыток повлиять на позиции представителей тех или иных правительств по различным международным проблемам, когда их действия предписаны четкими директивами пославших их правительств. Следовательно, чтобы повлиять на результаты голосования в ООН работать надо прежде всего, у себя дома, пытаюсь повлиять на позиции своих собственных правительств по этой проблеме.

Приведу, к примеру, невероятную активность многочисленных миротворческих организаций Японии по проблемам ядерного разоружения.

Каждый год они буквально осаждают сессии Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН, особенно специальные сессии ГА ООН по разоружению или по экологии, настойчиво убеждая делегатов различных стран в необходимости полного запрещения и уничтожения ядерных вооружений. Иногда, встречаясь с ними, я спрашивал, знают ли они, как

проголосовала их делегация по той или иной резолюции об ограничении гонки ядерных вооружений, регулярно вносившихся тогда советской дипломатией в ООН. Оказывалось, что не знают и не хотят даже знать.

В действительности, именно Япония регулярно голосовала вместе с США и странами НАТО против любых резолюций подобного рода. И так бывало почти всегда.

Общественные организации часто обвиняют ООН как организацию в том, за что несут ответственность правительства государств-членов ООН.

Можно привести слова М.Тэтчер, которая как-то весьма точно заметила неутомимым критикам ООН из среды дипломатов и политиков, что если вы хотите увидеть лицо ООН, то государства-члены должны посмотреть в зеркало.

Действительно, эффективность Организации напрямую зависит от линии политического поведения составляющих ее государств, их готовности соблюдать Устав ООН, сообща с партнерами вырабатывать компромиссные, взаимоприемлемые решения.

Реформа ООН – искусство возможного

В ее современном виде ООН сохраняет свое значение как уникальный и универсальный инструмент диалога, однако на практике она подошла к рубежу, на котором уже всем видно, что необходим “ремонт” ее структуры, причем отнюдь не косметический. Выступая на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2003 г., Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан говорил о том, что ООН подошла к развилке. Она может справиться со сложной задачей нейтрализации совершенно новых угроз, возникших перед человечеством, но может и оказаться ещё более ослабленной в результате углубления разлада между государствами и возникшей тенденцией к принятию ими односторонних мер.

Он учредил “группу высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам” для выработки новых идей о том, какие стратегии и институты необходимы ООН для того, чтобы она могла эффективно действовать в XXI в. В состав этой “группы мудрецов”, как её тут же окрестили в прессе, от России входил академик Е.М.Примаков.

2 декабря 2004 г. был обнародован ее доклад “Более безопасный мир: наша общая ответственность”, в который вошло более ста рекомендаций с набором новаторских идей и предложений, призванных помочь государствам-членам ООН выработать общие подходы и рационализировать механизмы совместных действий для эффективного реагирования на наиболее опасные вызовы и угрозы современности, включая терроризм. Группа “мудрецов”, в частности, выделила шесть блоков угроз, которыми мир вынужден заниматься сейчас и в предстоящие десятилетия:

- война между государствами;
- насилие внутри государств, включая гражданские войны, массовые нарушения прав человека и геноцид;
- нищета, инфекционные болезни и экологическая деградация;
- ядерное, радиологическое, химическое и биологическое оружие;
- терроризм;
- транснациональная организованная преступность.

Одной из важных особенностей этого документа стало четкое определение терроризма как “неприемлемого политического насилия, направленного против гражданских лиц и невоюющих сторон”, подкрепленное мнением о том, что он никогда и ничем не может быть оправдан, а также призывом к Генеральной Ассамблее преодолеть существующие в ней разногласия и заключить, наконец, всеобъемлющую конвенцию о терроризме

Выводы и предложения “группы мудрецов” встретили неоднозначную реакцию в мировом сообществе.

Было не мало критических замечаний, но позднее именно они всё же легли в основу

известного доклада Кофи Аннана: “При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех”, представленного в сентябре прошлого года юбилейной 60-й сессии ГА ООН и прошедшему в рамках этой сессии Саммиту-2005 как проект реформы ООН. Основные идеи этого документа составляют так называемую “доктрину Кофи Аннана”, которая и сегодня широко обсуждается и анализируется во всем мире.

Летом 2005 г. в ООН были приглашены представители сотен НПО (в их числе была и Российская ассоциация содействия ООН – далеко не самая массовая и влиятельная НПО в стране, но самая близкая к МИД и хорошо управляемая) и деловых кругов различных стран, которые приняли участие в интерактивном Слушании, проведенном ГА ООН для выяснения их отношения к предлагаемым реформам в ООН. Впервые столь судьбоносные вопросы представители общественных организаций и частного сектора обсуждали совместно с правительствами.

Встреча глав государств и правительств стран-членов ООН прошла в штаб-квартире ООН (Нью-Йорк, 14–16 октября 2005 г.). Ей предшествовала напряженная работа дипломатов ведущих стран мира. Принятый заключительный документ – многих разочаровал. Но такова судьба всех документов подобного рода, которые фиксируют существующее на данный момент совпадение взглядов мирового сообщества на обсуждаемую проблему реформы ООН и оставляют за рамками те вопросы, по которым такого согласия достичь не удалось.

Участники Саммита одобрили целый ряд предложений, содержащихся в докладе Генерального Секретаря ООН, и среди них едва ли не самым важным в долгосрочной перспективе стало признание всеми членами ООН коллективной “обязанности защищать” (“duty to protect”) гражданское население стран-членов ООН от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. Причем делать это во всех случаях через Совет Безопасности, когда национальные органы власти явно окажутся не в состоянии обеспечить такую защиту.

Этот вопрос в последнее время вызывает много споров во всем мире, ибо он тесно связан с проблемой “гуманитарных интервенций”, хорошо знакомых с момента бомбардировок НАТО суверенной Югославии.

При этом возникает основополагающий вопрос современного международного права о соотношении государственного суверенитета и необходимости реагировать на кризисы в тех или иных странах.

Ясно, что суверенитет не может ни кем трактоваться как право творить произвол и преступления против человечности на своей “суверенной территории”, но и новое понимание суверенитета как ответственности власти не только перед своим народом, но и перед международным сообществом за поддержание правопорядка и соблюдение прав человека на вверенной этим властям территории пока в нормах международного права не отражено. Следовательно, над поиском верного международно-правового ответа надо ещё работать. Но в любом случае, занимаясь международным нормотворчеством, будь то через резолюции Совета Безопасности ООН или универсальные инструменты, следует исходить из того, что, пока действуют общепринятые международные нормы, их нужно неукоснительно соблюдать.

В отношении применения силы в международных делах участники Саммита договорились о том, что неотъемлемое право государств на самооборону по ст. 51 Устава ООН включает в себя как право на самооборону от вооруженного нападения государств, так и от актов международного терроризма. Они признали законным применение государствами вооруженной силы не только для защиты от уже свершившегося вооруженного нападения (как в настоящее время определяет ст. 51 Устава ООН), но и ввиду “неминуемой угрозы” вооруженного нападения, то есть превентивно. Предполагается, что эта мера облегчит “демократическим государствам” проблему выбора средств в борьбе против терроризма и распространения оружия массового уничтожения. Однако споров на эту тему тоже очень много.

Речь идет о том, как обеспечить быстрое и эффективное реагирование на кризисы со стороны международного сообщества. Разумеется, разработать универсальный механизм реагирования, функционирующий в автоматическом режиме, скорее всего, невозможно. Но главы государств сочли целесообразным иметь согласованные критерии, которые определяли бы допустимый уровень применения силы в международных спорах. Такое решение должно играть роль своего рода точки отсчета, но не подрывать право Совета Безопасности принимать конкретные решения сообразно обстановке и при соблюдении действующих процедур.

Можно представить, что никакое государство, имея данные о готовящемся на него нападении, не согласится сидеть и ждать, пока это нападение произойдет. Зачем жертвовать людьми, терять время, упускать стратегическое преимущество? Ведь если защищаться строго “по закону”, то будет уже поздно. Проблема снимается, если наделить какой-либо международный орган полномочиями решать вопрос о законности применения силы в каждом конкретном случае. Такой орган давно есть – Совет Безопасности ООН.

Остается существенный вопрос – о достоверности той информации, на основе которой предстоит принимать решение Совета. История с англо-американской интервенцией в Ираке показала, как трудно проверить, действительно ли “неминуемая угроза” имела место, или речь идет о сознательном подлоге со стороны государства-агрессора. И тут встает опять вопрос о полномочиях совета Безопасности и того Военно-штабного комитета ООН, который Уставом предусмотрен, но пока так и не заработал, как предусматривалось.

Итоговый документ Саммита-2005 содержит важные решения в отношении укрепления потенциала ООН в области поддержания мира, миротворчества и постконфликтного восстановления.

Для этого будет создана специальная комиссия ООН по миростроительству, которая займется координацией усилий по построению мира в странах, переживших конфликт. Окончательно сформировать этот орган ещё предстоит в будущем, так как остался нерешенным вопрос, кому он будет подчинен: Совету Безопасности, как того хотела Россия и ряд других государств, или Генеральной Ассамблее, чего добивались многочисленные развивающиеся страны и что, конечно, сделает его практически неработоспособным.

Главы государств и правительств особое внимание уделили мерам, которые необходимо предпринять для ликвидации бедности и достижения Целей Развития Тысячелетия, о которых они сами договорились 5 лет назад на подобном же форуме. Они согласились с главным пунктом “доктрины Аннана”, утверждающего что подлинная международная безопасность не может ограничиваться только военно-политической сферой. Безопасность невозможна ни в нищете, ни в бесправии.

Было решено увеличить финансирование программ по борьбе с бедностью на период до 2010 г. до 50 млрд. долл. в год, во что, конечно, верится с трудом.

Одновременно страны мирового “Юга”, по настойчивому требованию стран-доноров, обязались принять четкие национальные программы по достижению намеченных Целей Развития Тысячелетия, из которых главная – ликвидация бедности.

Участники Саммита согласились с предложением Генсека ООН о создании в течение года Совета по правам человека ООН, который заменит ныне существующую Комиссию, скомпрометировавшую себя в последнее время рядом тенденциозных резолюций.

Решено было также укрепить Управление Верховного Комиссара ООН по правам человека и удвоить его бюджет. Главы государств договорились о создании всемирной системы раннего оповещения о стихийных бедствиях и об укреплении Центрального чрезвычайного фонда ООН в целях более быстрого и надежного оказания помощи жертвам стихийных бедствий в будущем, о мобилизации дополнительных ресурсов на борьбу со СПИДом, туберкулезом и малярией.

Не были забыты и проблемы совершенствования системы управления в самой ООН.

Большинство предложений Генерального Секретаря по этим вопросам было принято. Это позволяет рассчитывать на более независимый и строгий надзор за всей работой

Организации и её ревизионно-аудиторскими органами. Следует учесть, что Саммит проходил в условиях нарастающего скандала вокруг махинаций с иракской нефтью при реализации известной программы ООН “Нефть в обмен на продовольствие”.

И всё-таки, почему значительная часть мировой общественности встретила итоги попытки реформировать ООН с такой большой долей разочарования? Прежде всего потому, что 170 главам государств-участников Саммита так и не удалось договориться о об одном из ключевых вопросов реформирования ООН: о расширении Совета Безопасности. Основа, на которой создавался Совет Безопасности ООН, а это было просто право победителей во Второй мировой войне, явно устарела. И вот уже много лет вносятся различные предложения по расширению его состава. Наиболее радикальные из них направлены на фактический демонтаж “ялтинской системы”. Через 60 лет после победы над фашизмом ООН предлагалось избавиться от черт военного блока победителей, призванного закрепить их господствующее положение в ООН.

Сейчас все стороны согласны, что Совбез должен быть расширен, но дальше согласия в этом вопросе нет, и будет ещё не скоро. Из постоянных членов Совета с правом вето (а это пять великих держав) поделиться им с новичками не кто не готов никто. Поэтому предлагается дать постоянное место ряду новых стран, хотя бы и без права вето. Но странам-кандидатам на это место такое решение активно не нравится.

Кого включать в СБ?

Ясно, что самые крупные державы континента. Но на каждом континенте есть крупные державы и есть поменьше. Возьмешь Германию – обидится Италия, уже обиделась. Возьмешь Индию – обидится Пакистан. Возьмешь Бразилию – обидится Аргентина. В Совет при поддержке США рвется Япония, но категорически возражает Китай. Усложняется и сама структура СБ ООН, раздувается его общий состав, который становится менее компактным и менее эффективным.

По этому вопросу постепенно сложилось две принципиальные позиции, вокруг которых группируются те или иные страны. Лидер первого лагеря, Германия, выступает за рост числа постоянных членов Совета, обладающих правом вето, готовых и способных всеми средствами (включая людские и финансовые) участвовать в решении глобальных проблем.

Лидер другого – США, в целях которых подчинение ООН своей внешней политике и сохранение выгодного Вашингтону status quo. Не случайно представитель США в самый последний момент перед Саммитом внес в проект итогового документа столько поправок, что их ещё долго не смогут даже рассмотреть.

Но проблема состоит в том, что ООН не может противопоставить себя никому из постоянных членов Совета Безопасности. Чтобы продолжать сотрудничать в рамках Организации, бороться с нищетой и защищать права человека, сильнейшие государства должны сохранять уверенность, что могут использовать Организацию в своих целях.

Не удалось на Саммите придти и к четкому определению терроризма, хотя к этому настоятельно призывали и “Группа мудрецов”, и Генеральный Секретарь, и бесчисленные организации гражданского общества во всем мире.

Но члены так называемой “антитеррористической коалиции так и не смогли придти к согласию относительно того, что же есть зло, против которого они вроде совместно борются.

Это однако не помешало тому, что все государства-члены ООН впервые вместе и единодушно осудили терроризм “во всех его формах и проявлениях, кем бы, где бы и с какой целью он ни осуществлялся”. Одновременно они призвали в течение этого года завершить разработку конвенции о борьбе с терроризмом. Ведь отсутствие такой конвенции открывает путь к самым разным толкованиям и проявлению пресловутого “двойного стандарта” в отношении к террористическим организациям в различных странах.

В широких кругах мировой общественности одним из существенных недостатков Саммита-2005 считается также отсутствие хоть какого-либо решения по проблеме

нераспространения ядерного оружия (ЯО). Тем самым, главы государств повторили неудачу Конференции ООН по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), состоявшейся (май 2005 г., Нью-Йорк).

Ядерные державы не выполняют своих обязательств по ст. 6 Договора, которая их обязывает вести переговоры о сокращении арсеналов ЯО вплоть до полной его ликвидации. К тому же на многих прошлых дискуссиях по этому вопросу, представители США уговаривали всех согласиться на бессрочное продление режима нераспространения, обещая взамен скорейшую ратификацию Договора о полном запрещении испытаний ядерного оружия. Обещание остается невыполненным. Более того администрация Дж.Буша даже отказалась вносить его на ратификацию в Сенат.

Документ Саммита, естественно, содержит немало и других недостатков. И все-таки можно говорить о значительном продвижении вперед. Главное, что уже показала вся эта широкая дискуссия вокруг реформы ООН, это очевидное стремление подавляющего большинства государств к коллективному решению важнейших международных проблем на основе многостороннего подхода и решительное неприятие односторонних действий государств в обход ООН, как это имело место в случае американской интервенции в Ираке. Именно такую позицию неизменно отстаивают и самые широкие круги мировой общественности.

Другой ООН у нас нет. Необходимо жить и работать с той, что есть

Очевидно, что реформы даются ООН с огромным трудом. Многие замечательные планы её преобразований, вероятно, так никогда и не будут осуществлены, а вместо них будут сделаны некие косметические операции.

Возникает реальная опасность сделать ООН таким образом совсем не работоспособной организацией. Потому что желающих принимать решение по ключевым вопросам очень много – практически все, а политическая воля, экономические возможности, силовые факторы, которые позволяют эти решения обеспечивать, есть у стран, которые можно пересчитать по пальцам.

В Генеральной ассамблее в подавляющем большинстве сегодня заседают страны-потребители экономических, политических и других ресурсов ООН, а не страны-производители этих ресурсов. Соответственно, вряд ли Генассамблея сейчас способна на какие-то решительные и конструктивные перемены – большинство ее членов вряд ли пойдет на это.

Сначала необходимо установить новый мировой порядок (как это было 60 лет назад после Второй мировой войны), а затем на его основе строить другую ООН. Сегодня просматриваются только отдельные контуры этого нового мирового порядка, а значит и спешить с радикальной перестройкой всей системы ООН тоже не стоит.

Мировой порядок XXI в., как считают, например ведущие эксперты самой компетентной в этих вопросах российской общественной организации – Совета по оборонной и внешней политике (СВОП), не будет походить на прежний, столь привычный для политиков прошлого столетия. Основное его отличие станет заключаться в том, что незыблемый на протяжении последних 300 лет принцип баланса сил утратит свое былое значение. Снижение вероятности конфликта между великими державами и сближение их позиций по большинству спорных международных проблем приведут (!) к формированию альянса развитых стран, мощь которого не может быть уравновешена никаким объединением сил “периферийных” государств.

Важным следствием подобной трансформации, считает президент СВОП С.Караганов, станет отказ от “демократизации” международных отношений, от учета мнения и позиций так называемых “падающих и несостоявшихся” государств и их поддержки и, наконец, от соглашательской политики, намеренно игнорирующей нарушения общепринятых норм и

прав человека в странах “периферии”, от курса на распространение оружия массового уничтожения и спонсирование террористической активности.

Коалиция развитых стран сможет устанавливать нормы поведения на международной арене, а также правила, ограничивающие степень свободы правительств в отношении собственных граждан.

Неким зачатком подобной коалиции ряд экспертов считает “Большую Восьмерку”.

Всё это из области далеких прожектов. Насколько они окажутся реальными, зависит от способности развитых стран координировать свою политику, подчинять свои текущие конъюнктурные цели задачам построения предсказуемого и безопасного мира. Пока в это верится с трудом. Остается только надеяться на то, что разум, перспективное видение проблем все же возьмет верх над сиюминутными интересами.

Сегодня же очевидно, что при всех её недостатках создавать новую ООН невозможно и не нужно, а без ООН будет значительно хуже, чем с ней. Цели, принципы, весь Устав ООН – выдающиеся достижения международного права. Очень важно, что они признаются всем мировым сообществом. Существенный для многих, в том числе и для России момент – ООН в каком-то смысле гарантирует суверенитет. И на этой основе возможно сопротивление агрессии, в том числе коллективное, а также принятие международных санкций.

Было бы ошибочно не видеть, что ООН и вся разветвленная система её специализированных учреждений за прошедший период сделали очень много для сохранения мира и коллективной безопасности. Только за последние 15 лет благодаря переговорам было прекращено больше гражданских войн, чем за предыдущие 200 лет.

При всех хорошо известных недостатках величайшая заслуга ООН в том, что эта организация, пусть не идеально, но обеспечила 60 лет “большого мира”, то есть позволила избежать мировой термоядерной катастрофы. И не следует принижать в этом роль ООН. Она все-таки держала мир воедино и не давала ему расколоться.

Сила Организации Объединенных Наций заключается в универсальности и уникальном опыте, накопленном за годы ее существования. Перефразируя слова У.Черчилля, можно утверждать, что ООН не идеальна, но лучше организации у человечества попросту нет. Отсюда и вытекает, что для российской дипломатии, как и для всей нашей общественности нет другой альтернативы кроме как продолжать линию на повышение роли ООН в современном мире. ООН остается бесценным достоянием всего человечества, которым никто не вправе жертвовать.

Примечания

¹ Новое время. 2005. № 43.

“ТРЕТЬИ СТОРОНЫ” И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Внутренние и внешние факторы балканского кризиса

Ю.Григорьева,
кандидат исторических наук

Анализируя роль международного сообщества в современном балканском кризисе, авторы по балканскому вопросу невольно возвращаются к дилемме между “идеализмом” и “прагматизмом”.

Так, автор известного исследования-бестселлера, корреспондент ВВС на Балканах в 90-е годы М.Гленни дает такую оценку роли западноевропейского сообщества, подробно рассматривая “пусковой механизм” последней балканской войны (речь идет о зиме 1992 г.): “Это было настоящей глупостью – ввести выборы и демократию в Боснии и Герцеговине в тот период, когда напряжение между Сербией и Хорватией достигло очень высокой степени, и лидеры обеих республик не делали большого секрета из своих территориальных амбиций относительно Боснии” (в которой жили и хорваты, и сербы)¹.

“Чистое служение” демократии – возможность реализации государственного суверенитета, предоставленная республикам СФРЮ под нажимом Германии в 1992 г.², в реальности привело к кровопролитной войне в центре Европы. США и ЕС открыто признали суверенитет будущих независимых государств на месте все еще существующей социалистической Югославии. Этот шаг международного сообщества сделал неизбежной затяжную войну в условиях, когда новые политические лидеры югославских республик отнюдь не собирались давать гарантии автономии “своим” национальным меньшинствам.

Почему Югославия? Слабое звено или звенья одной цепи?

Активные военные действия начались в Хорватии в 1991 г. После провозглашения парламентом государственного суверенитета³, президент Туджман не стал в августе 1990 г. договариваться об условиях автономии с компактно проживающими в Хорватии сербами.

В г. Книн произошло первое столкновение между сербами и хорватской полицией. Сербы были обеспокоены своим статусом в составе нового Хорватского государства. Была провозглашена Сербская Крайна (The Serbian Autonomous Province of Krajina).

В январе 1992 г. в Хорватию были введены миротворческие силы ООН, зимой 1992 г. Германия первой признала право республик Словения и Хорватия на независимость. Это спровоцировало затяжную беспощадную войну между сербами и хорватами¹.

Вскоре западным международным сообществом было признано право остальных югославских республик на государственный суверенитет. В Боснии и Герцеговине (БиГ) выступления боснийских сербов также приняли характер военного противостояния – вопрос

об их статусе в новом государстве серьезно не рассматривался¹. Известно также, что определенный период существовало тайное соглашение Милошевича – Туджмана о разделе БиГ (приблизительно посредине), таким образом было проигнорировано наличие мусульман (этнических славян) в Боснии и Герцеговине. Дейтонские соглашения 21 ноября 1995 г. фактически реализовывали кантонизацию края (план, от которого не раз отказывались ранее), то есть установление административных границ по этническому принципу.

Во время военных действий в Хорватии США оказали решающую военную помощь хорватскому правительству, игнорируя вполне законный характер пожеланий жителей Сербской Краины обрести автономный статус. Активная помощь, оказанная США Хорватии, начиная с 1994 г. для создания собственной армии (с целью уменьшить военное преимущество Сербии), привела к усилению прессинга по отношению к боснийским сербам со стороны хорватского правительства¹. Этническая чистка в Загребе и других районах Хорватии (весна 1995 г.), когда было выселение около 300 тыс. сербов, проводилась фактически при негласной поддержке правительства Клинтона (Operation Storm). Вскоре после этого произошла расправа боснийских сербов над мусульманами в Сребренице – расстрел нескольких тысяч безоружных мусульманских мужчин 11 июля 1995 г.⁴

Еще в июле 1992 г. были введены международные санкции против социалистической Югославии (Россия долго выступала против, но проголосовала “за”).

В то же время, отдавая должное особой позиции Запада, невозможно не видеть, что эпицентр грядущих потрясений зародился в самой СФРЮ, и даже в самой Сербии. Став президентом СФРЮ, лидер Сербии С.Милошевич в 1989 г. отменил автономный статус края Сербии Косово (а заодно и Воеводины). Популярность боевиков среди албанского населения Косово многократно возросла.

Но лишь почти через 10 лет, характеризовавшиеся ростом напряженности и сербско-албанских столкновений, в край Косово были введены сербские военные формирования (вопреки соглашению, заключенному с С.Милошевичем в 1998 г. при посредничестве США). Неудача переговорного процесса между сербами и албанцами в Рамбуйе была расценена западным сообществом как сигнал для применения решительных действий.

Однако последние уже мыслились западными руководителями в определенном формате: как бомбардировки по “милошевской” Сербии и Косово, осуществляемые силами НАТО.

Впервые НАТО приняло участие в югославских событиях в конце 1993–1994 гг. по непосредственной просьбе Генерального Секретаря ООН оказать поддержку миротворческим подразделениям ООН.

Эта просьба была вызвана беспомощным положением, в котором оказался голландский миротворческий контингент ООН, превратившись из заступников в заложники. Вмешательство НАТО, в форме нескольких авиаударов по сербским позициям во время сербского артобстрела Сараево и угрозы начать по сербам массированные авиаудары, способствовало сворачиванию военных действий боснийских сербов в БиГ.

Однако одновременно это выглядело как ультиматум Альянса⁵.

В то же время представляется, что в 1999 г., во время обострения ситуации в Косово произошел явный военно-политический просчет. Стратеги НАТО, разрабатывая военные планы, верили, вероятно со слов политиков, что “несколько дней” бомбардировок будет достаточно для устрашения Милошевича и сербов в Косово.

Как пишет К.Келеманс, начиная операцию в марте 1999 г., “НАТО полагала, что достаточно несколько дней бомбардировок, и Милошевич сдастся”⁶.

Поэтому, как свидетельствуют натовские военные, сценарии наземных операций в Косово фактически не разрабатывались.

Например, по свидетельству генерала Х.Харрфа, “сербы только после начала воздушных налетов провели обширные военные приготовления для защиты Косово, заложили мины, выкопали окопы, вывели на позиции танки. Только с этого момента стало уже трудно вводить наземные войска”⁷.

Исходя из критерия объективности, трудно не признать, что более грамотные действия НАТО на этом этапе, очевидно, принесли бы менее разрушительные физические последствия для Сербии и даже для самих косовских сербов в условиях, когда столкновение с “военной машиной” НАТО стало уже неминуемым.

Так “несколько дней” планируемых бомбардировок обернулись месяцами затяжных ударов, далеко не “точечных”, по дорогам, заводам, электростанциям Сербии и Косово, и далеко не гуманным изгнанием сербов из исторически принадлежащего им Края. Разгром с воздуха “объектов двойного назначения”, то есть транспортных и энергетических коммуникаций и предприятий, был санкционирован натовским командованием после колебаний. Но “на войне, как на войне” – военным, в силу профессии, весьма трудно избежать этого принципа. Другой платой за ошибочность прогнозов стало применение авиаударов с такой высоты, при которой “прицельность” в действительности невозможна. Это спровоцировало непредвиденные и многочисленные жертвы среди гражданского населения.

Можно сравнить нарастание этнического конфликта в многонациональном государстве или регионе, включающем крупные этносы, с падением камня с горы. Его гораздо труднее остановить, чем привести в движение.

До сих пор остается открытым вопрос: была ли альтернатива тяжелому пути народов Югославии к независимости после международного признания суверенитета республик в 1992 г., можно ли было, если не избежать, то хотя бы уменьшить потери?

В качестве средства уменьшения потерь можно было бы рассматривать своевременную “кантонизацию”, то есть административно-территориальное размежевание этносов и проживание национальных общин на своих административных территориях в виде замкнутых кантонов, что предусматривает, если ставится такая цель, постепенную демократизацию политического устройства под наблюдением международных организаций или посредников.

Подобная система была утверждена для БиГ Дейтонскими соглашениями (1995 г.). Результаты стараний международного сообщества в БиГ являются весьма спорными, однако массивные вооруженные столкновения на национальной почве были таким образом пресечены.

“Кантонизация” неоднократно отвергалась в БиГ до осени 1995 г., в том числе из-за несогласия высшего руководства США.

Например, так называемый Vance-Owen Peace Plan предусматривал разделение Боснии и Герцеговины на десять кантонов по этническому принципу. Он был отвергнут в 1993 г. из-за несогласия администрации президента США Б.Клинтона и правительства БиГ. Позднее этот план нередко оценивался как единственный реалистичный план урегулирования конфликта на том этапе.

Возобновление и активизация военных действий в БиГ и Хорватии весной и летом 1995 г. также были во многом спровоцированы первоначальным отказом Вашингтона от плана, разработанного Фрэйджером (Frasure), помощником государственного секретаря США), предполагавшим практическое разделение БиГ по национальному признаку. Затем этот принцип был реализован в Дейтонских соглашениях (ноябрь 1995 г.)¹.

Тот же сценарий частично повторился затем и в Косово⁸. В настоящее время в Косово остается всего около 80 тыс., “в основном проживающих в изолированных анклавах под защитой НАТОвских миротворцев”⁹.

Все это показывает, какие колоссальные последствия имели позиции “третьих сторон” в условиях этнических амбиций в бывшей СФРЮ.

При этом, конечно, нельзя оставлять в стороне внутренние причины, способствовавшие драматическому развитию югославского кризиса.

Исходя из исторического прошлого, потенциал для возобновления межэтнических и межконфессиональных столкновений в балканском регионе был более, чем высоким. Достаточно вспомнить, что непрерывные территориальные распри начались между

балканскими народами фактически сразу после обретения независимости от Турции в XIX столетии.

Еще в середине XIX в. правитель Сербии князь Карагеоргиевич уповал на создание после прекращения владычества Османской империи на Балканах большой державы во главе с Сербией¹⁰. Его наследникам так же было трудно отказаться от этой идеи. Когда в 1885 г. Болгария провозгласила себя независимым единым государством, сербский правитель князь Милан немедленно начал войну против Болгарии, требуя “компенсации” из-за расширения болгарской территории.

Соседние балканские народы не раз делили (в своих планах и на практике) исторические земли Македонии и Албании (“балканские войны” 1912–1913 гг.). При этом многие территориальные притязания друг к другу так и остались не удовлетворенными.

Албания получила государственную независимость только в 1912 г. при содействии Австро-Венгрии, заинтересованной в создании противовеса Сербии на Балканах (в это время Хорватия и Словения в основном все еще являлись частью Австро-Венгерской империи, Босния и Герцеговина – аннексированной империей территорией, а освобожденные Сербия и Болгария предъявляли друг другу территориальные претензии).

Наметились и конфессиональные барьеры.

В далекие времена албанцы были православными, но за время османского ига православие было ими преимущественно утрачено и вытеснено исламским вероисповеданием. Одним из “продуктов” 500-летнего господства Османской Порты на Балканском полуострове были и славяне-мусульмане в Боснии и Герцеговине.

И это лишь фрагмент из балканской истории.

Невозможно приписывать современный балканский кризис исключительно действию “третьих сил”, не замечая, что ожесточенные территориальные и религиозные столкновения восходят к историческому прошлому. Можно было считать вполне вероятным, что в регионе, где получение независимости от Османской империи в XIX в. почти сразу же привело к территориальным войнам между народами, не исключено повторение похожих событий в конце XX в.

Это и произошло на территории СФРЮ. И, очевидно, “стопроцентных” надежных гарантий против распространения кризиса по всему Балканскому полуострову пока нет.

Однако не случайно наиболее уязвимой перед опасностью возрождения балканского национализма оказалась именно Югославия. Югославское государство, созданное лишь по окончании Первой мировой войны по инициативе американского “президента-романтика” В.Вильсона, было образованием, сшитым “на живую нитку” истории. Поэтому его будущее, вероятно, сразу трудно было предвидеть, а уровень его жизнеспособности, возможно, сразу трудно было оценивать. СФРЮ в известном смысле продолжала оставаться “лоскутным” государством на карте Европы, объединяющим разные, хотя и славянские, народы. Многие из подобных многонациональных “колоссов” бесславно рассыпались в позапрошлом и прошлом столетиях.

Таким образом, среди “слагаемых” современной югославской драмы были, конечно, и временно преданные забвению обиды (в том числе нахождение сербов и хорватов по разные стороны фронта во время Второй мировой войны), и особенности политики, проводимой Иосифом Броз Тито в социалистической Югославии, и, как уже отмечалось, личные амбиции новых лидеров в начале 90-х годов, сводившиеся к удержанию власти любой ценой, и в целом сложное и противоречивое историческое прошлое.

В СФРЮ коммунистическое правительство И.Тито старалось сгладить межнациональные противоречия в бытовой, профессиональной, управленческой и культурной сферах, но при условии сохранения политического доминирования Сербии в составе Югославской Федерации. При обеспечении “культурной автономии” и участия представителей всех национальностей во властных структурах на основе квот, долгое время наблюдалось подавление всяких устремлений со стороны руководства других республик хоть к какому-либо подобию самостоятельности.

Однако незадолго до кончины И.Б.Тито эта политика частично изменилась, был преобразован механизм представительства республик в высших органах власти. Такие изменения иногда оцениваются как начало “децентрализации” СФРЮ и даже фактического превращения Югославии в “конфедерацию”. Но, в любом случае, после смерти Тито этому процессу суждено было закончиться далеко не мирным путем.

Кроме того, несмотря на ярко выраженную политику межнационального согласия, в СФРЮ продолжали сохраняться определенные различия в экономическом и культурном статусе представителей разных национальностей в разных республиках. Нельзя также сбрасывать со счетов и различия в экономическом состоянии югославских республик. Однако в целом Югославия справедливо считалась одной из самых экономически благополучных стран “социалистического лагеря”. Югославия была единственным социалистическим государством, где разрешен был выезд на заработок в капиталистические страны Европы.

И все-таки, несмотря на всю сложность югославской ситуации, вероятно была возможность при другой международной и внутривосточной “конъюнктуре”, чтобы Югославия осталась бы прежней на политической карте Европы. Учитывая особое прошлое, здесь требовался чрезвычайно осторожный подход к разрешению межнациональных проблем как “изнутри”, так и “снаружи”, особенно в условиях демонтажа социалистической системы. Но именно этот переломный момент в мировой истории не способствовал уравновешенности в поведении политической элиты как на Западе, так и на Востоке Европы, как внутри, так и вне Югославии.

Даже не очень рельефные (по сравнению, например, с азиатскими прецедентами) проявления напряженности могли заранее рассматриваться здесь как “скрытая угроза”. Некоторая дискриминация сербов в Боснии (например, по профессиональным занятиям), двойственное положение сербов и активизация албанских националистов в автономном крае Косово по достижении албанцами демографического перевеса в Крае уже сами по себе могли бы оцениваться как явления, предвещающие “системный кризис” в рамках югославской федерации в случае дальнейшего значительного ухудшения ситуации.

Так, можно сказать, что на примере Балкан, подтвердилась закономерность, сформулированная известным конфликтологом Д.Горовицем: чем больше вражды и насилия было в сравнительно недавнем историческом прошлом региона, тем меньше реальных поводов и причин требуется для начала нового межнационального конфликта¹².

В этом случае на первой, латентной, фазе накал страстей нарастает постепенно, как бы оставаясь в пределах status quo и не угрожая существующей системе, а на второй – под влиянием какой-либо “провокации” (снаружи или изнутри), может произойти быстрый переход “количества в качество”.

По словам очевидцев, даже во время военных действий в 90-е годы на территории бывшей СФРЮ оставалось еще очень много людей, считающих себя “югославами”, а не врагами, разделенными по этническому происхождению. Но их настроения уже не могли остановить закрутившийся маховик войны и этнических погромов.

Акцию С.Милошевича по отмене автономии Косово и Воеводины, очевидно, справедливо считают решающим актом новой балканской драмы 90-х годов. Другой акт драмы – война в БиГ и Хорватии (1992–1995 гг.) – оказался слишком тесно связанным с позицией западных политических лидеров, долгое время как бы не придающих значения, какими последствиями чреват безоглядный “парад суверенитетов” в СФРЮ и возобновление военных действий на Балканах. Двойственность политики ЕС по албанскому вопросу в Косово, проявившаяся еще с начала 90-х годов, также принесла горькие плоды к концу десятилетия.

Так, несмотря на достаточно высокий уровень жизни, выяснилось, что и в конце XX в. национализм в состоянии стать в Югославии “kozyрной картой”, – особенно если оказать ему “эффективное” внутреннее и внешнее содействие.

Подробнее о Косово

Отдельно рассматривая Косово, трудно отрицать, что к политическому тупику привела политика заселения исторически сербского края албанскими беженцами. Она проводилась после Второй мировой войны правительством И.Тито в расчете на то, что Албания может стать частью Югославии. Однако довольно быстро стало ясно, что этот послевоенный политический проект неосуществим.

Но, как признается многими западными экспертами, до прихода к власти в СФРЮ С.Милошевича (1987 г.), в Косово не наблюдалось дискриминации албанцев и, более того, албанско-сербские столкновения в Крае в основном провоцировались албанскими экстремистами.

Действия сторон (включая “третьи стороны”), даже если они мотивированы искренними благими намерениями, сами могут стать причиной резкого ухудшения ситуации и сделать ее необратимой. Бесспорно, С.Милошевич оказался трагической фигурой в судьбе Югославии. Но “провокацией” может послужить и форсированная демократизация общества, в котором пользуются влиянием или набирают вес националистические и/или экстремистские силы. Неоднократно отмечалось, что резкая демократизация политической системы в бывших колониальных странах привела в большинстве из них к кровавым затяжным межнациональным конфликтам.

К сожалению, ориентация Запада на демократизацию югославской части Балкан, наметившаяся как тенденция еще в конце 80-х годов, послужила непосредственным прологом современного “балканского кризиса”, и вопрос Косово сыграл в этом не последнюю роль. Есть основания полагать, что данный исторический поворот произошел с целенаправленной “подачи” лидеров албанских националистов в Албании, поддерживающих албанских националистов в крае Косово.

В Косово в 1991 г. оформилась ДЛК (Демократическая Лига Косово) под руководством Ибрагима Руговы (большинство населения в Крае в этот период уже составляли не сербы, а этнические албанцы).

Авторитетный специалист по балканским проблемам Е.Гуськова отмечает: Впервые обсуждение положения в Косово вышло на международный уровень в октябре 1990 г. Тогдашний президент Албании Рамиз Алия, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заявил, что югославское руководство применяет в Косово политику и практику геноцида в отношении албанского населения, и призвал мировое сообщество обратить на это пристальное внимание. Заявление встретило сочувствие делегатов ассамблеи. Телевидение Тираны вело прямую трансляцию, и в последующие дни именно эта часть выступления тиражировалась всеми албанскими СМИ.

Международные организации откликнулись на поступающие из Косово сведения о нарушениях прав человека. Особую озабоченность вызывали действия предпринятые югославским руководством после введения в Косово режима прямого правления Белграда (1989 г.). Направленная в Югославию группа депутатов Европарламента составила подробный отчет, на основании которого была принята специальная резолюция. Выражая глубокое беспокойство «в связи с постоянным нарушением прав человека в Косово», Европарламент сделал вывод о том, что «республики и автономные края Югославии должны обладать правом свободного определения своего политического будущего мирным и демократическим путем в рамках признания внешних и внутренних границ» (выд. – Авт.)¹³.

Ясно, что свободное определение политического будущего в рамках существующих границ – это заведомо не исполнимая программа. Когда одна часть рекомендации (свободное определение политического будущего) так явно не состыкуется с другой (в рамках существующих границ), то это звучит достаточно взрывоопасно не только в таком

сложном регионе, как Балканы.

Очевидно, что европейские политические идеалисты ошиблись еще в 1990 г., пойдя навстречу импульсам “чутко дремлющего” балканского национализма, а политические прагматики или “недооценили”, или просто игнорировали то, что можно было предвидеть – катастрофические последствия развертывания военных действий на Балканах, особенно для самих балканских народов.

Ситуация в Косово было иначе представлена в описаниях и оценках многих западных экспертов, по сравнению с экстренными выводами Европарламента 1990 г. Согласно этим оценкам, уже в 70-е годы положение албанцев в Косово соответствовало послевоенным рекомендациям ООН по статусу национальных меньшинств¹⁴.

По конституции 1974 г. Косово давалась достаточно широкая автономия. Албанцы, уже составлявшие большинство населения Края (немного больше половины), имели соответствующее представительство во властных структурах и, единственные из всех других народов СФРЮ, беспрепятственно пользовались правом обучения в школе на родном языке. Процентное соотношение албанцев и сербов в административных и других органах складывалось не в пользу сербов¹⁵.

Совсем иначе, по сравнению с видением Евросоюза в 90-е годы, было изложено “досье Косова” и в описании американских экспертов, участвующих в известном американском мегапроекте по изучению конфликтов CASCON (The Computer-Aided System for Analyzing Conflicts, функционирует с 1963 г.¹⁶). Изменение ситуации в крае Косово после Второй мировой войны (вплоть до начала 90-х годов) характеризуется авторами CASCON достаточно однозначно и без выражения сочувствия к угнетенным албанцам, поскольку, по их сведениям, притеснения албанцев в Крае не было: “...Лидер коммунистического сопротивления маршал Иосиф Броз Тито, ставший диктатором Югославии, вновь присоединил Косово к Югославии в качестве провинции, входящей в состав Сербии. В 1974 г. по инициативе Тито была принята новая конституция Югославии, по которой Косово предоставлялся автономный статус. Мусульмане – этнические албанцы, среди которых были самые высокие показатели рождаемости в Европе, постепенно начали составлять в Косово большинство населения.

Албанский национализм имел здесь твердую почву, над которой достаточно свободно развевался албанский национальный флаг: вместо сербо-хорватского, использовавшегося во всех остальных частях Югославии, преподавание в школах Косово велось на албанском языке, этнические албанцы также контролировали доступ к рабочим местам в Косово в период социализма в Югославии. После смерти Тито в 1980 г. албанские националисты, поставившие своей целью независимость Косово, начали столкновения с частями сербской полиции”¹⁷.

Этот фрагмент показывает, что далеко не все “заинтересованные лица” на Западе разделяли убеждение в односторонней вине сербов за косовские события 90-х годов. Хотя нарастание межэтнической напряженности привело к отмене косовской автономии (1989 г.), тем не менее, еще в начале 90-х годов (приблизительно до 1994 г.) косовский албанский лидер И.Ругова допускал возможность включения, на правах широкой автономии, даже самой Албании в состав Югославского государства.

Однако во второй половине 90-х годов начала прослеживаться другая тенденция в позициях албанского лидера. Опираясь на политическую поддержку западных держав и прежде всего США, И.Ругова стал публично настаивать на независимости края Косово от Югославии. Он выступал также за нахождение Края под непосредственным протекторатом Запада.

С начала военного противостояния и развязывания конфликта на Балканах добрая воля международных организаций, направленная на соблюдение демократических норм и прав человека, явно трансформировалась в руках албанских националистов в инструмент борьбы за государственную независимость.

Уже в 2001 г. американско-албанский эксперт Я.Бугайский пишет: “чтобы избежать

дальнейшей дестабилизации и постоянной зависимости от иностранной помощи (той самой помощи, которую раньше просили албанские лидеры), главной целью международного сообщества должна стать независимость Косово” (выд. – Авт.).

Однако некоторые представители западного сообщества предупреждали (и предупреждают) об опасности подобной санкции.

Например, в докладе Иржи Динстбира, специального докладчика ООН по Косово в 2000 г., содержался прогноз о тяжелых потенциальных последствиях официального признания государственной независимости Косово. Докладчик считал, что это создаст подходящие условия для дестабилизации западной Македонии при том, что примерно 1/3 жителей Македонии – этнические албанцы¹⁸. Таким образом, “внезапная” активизация части албанской диаспоры в Македонии в марте 2001 г. на самом деле не была внезапной.

В то же время, все более становится ясным, что планы установления межнационального согласия и модель “отложенного статуса” для Косово, принятые международными посредниками в 1999 г., “пробуксовывают”.

Стараясь сохранять последовательность, западные международные посредники сначала продолжали категорично настаивать на возвращении сербских беженцев.

Например, сотрудник британского МИД Д.Мак Шейн официально заверил в 2002 г., что при том, что ситуация в Косово находится под контролем ООН и “на 90% окончательное урегулирование в Косово – это прерогатива самих косоваров”, “мы – не Британия, а международное сообщество – будем оставаться здесь до тех пор, пока каждый, для кого эта земля – родина, получит возможность проживать здесь при полном соблюдении всех своих (гражданских) прав и права на культурную принадлежность”¹⁹.

Наверно, не будет преувеличением считать, что ситуация в Косово принципиально не изменилась до сегодняшнего дня. “Простые люди” из албанцев уже утверждают, что албанцы жили здесь всегда, а и представители юного поколения уверены в том, что в разрушенных весной 2004 г. сербских церквях прятались “шпионы и враги”.

Позиция ООН, четко выраженная в заявлении специального представителя ООН М.Стейнера в мае 2002 г., состояла в том, что “главным условием начала обсуждения вопроса о финальном статусе Косово является достижение определенных демократических стандартов внутри края”. Но, согласно отзывам экспертов, такая позиция не только не снимала напряженности, а подхлестывала ожидания²⁰. С другой стороны, малочисленность оставшихся сербов не давала им шансов существенно повлиять на ситуацию даже в случае улучшения обстановки.

Несмотря на видимую реалистичность, подход *standards before status* не вызвал энтузиазма у албанского населения. И рядовые косовары (этнические албанцы), и их политические руководители постепенно начали настаивать, что ни одно требование международных организаций не может быть выполнено без предварительного предоставления гарантий независимости от Сербии. Многие жители в резкой форме начали обвинять именно своих новых покровителей в тяжелом экономическом положении и даже в распространении западных пороков – проституции и наркотиков.

Как писала в 2003 г. британская журналистка Х.Смиф, “после 1500 дней получения денег, помощи и поддержки, намного превосходящих по объему помощь другим регионам, пострадавшим от войн, косовары охвачены негодованием. Но на этот раз их гнев направлен как раз на тех, кто пришел защитить их и помочь им обустроить новую жизнь”²¹.

Албанские ведущие политики стали утверждать, что без предварительного решения вопроса о статусе Косова никакое урегулирование всех остальных вопросов – ни экономических, ни политических – просто невозможно. Одновременно новые косовские власти фактически признавались в своем бессилии удерживать под контролем население, занимавшее все более и более радикальные позиции.

Интересно звучит свидетельство косовского премьер-министра: “на Балканах, где сейчас в распоряжении людей имеется много свободного времени и в то же самое время им

нечем заняться, они склонны быстро занимать радикальные позиции”.

Таким образом, политика Запада по наведению порядка в Югославии силовыми акциями с целью последующего постепенного политического урегулирования фактически зашла в тупик. В феврале 2005 г. начались новые переговоры о статусе Косово под эгидой ООН и ЕС.

Позиции сторон фактически не изменились: косовары требуют государственной независимости, правительство Сербии считает несправедливым отторжение от Сербии старинной сербской территории. “Белград согласен предоставить провинции широкую автономию в рамках единого государства”, но “90% населения провинции – этнические албанцы, требуют полной независимости”, а оставшиеся в Косово сербы проживают в отдельных поселениях и анклавах под охраной военных НАТО и полиции ООН. Предложение президента Сербии отложить решение вопроса о статусе края Косово на 20 лет не встретило поддержки²².

Нет оснований сомневаться, что британский премьер-министр Тони Блэр был вполне искренен, говоря в апреле 1999 г., что летчики НАТО “рискуют своими жизнями во имя торжества справедливости в Косово”. Но рядовым участникам новых балканских войн пришлось заплатить несопоставимо большую плату. А в подготовке этих войн, видимо, далеко не всегда сознавая масштабы последствий, активно приняли участие как “прагматики”, так и “идеалисты” от политики.

Примечания

¹ Glenny M. The Balkans 1804–1999. London, Granta Books, 2000 P. 638, 630–650.

² У этого решения были оппоненты. Первоначально против выступали Франция и США, но возможности были упущены.

³ Парламенты Хорватии и Словении провозгласили Декларации о независимости в июне 1990 г.

⁴ Международный трибунал по Югославии, активно занимаясь расследованием сербских карательных операций, только сравнительно недавно приступил к рассмотрению дел о хорватских военных преступлениях в 1995 г.

⁵ Сентябрев А. Югославский репортаж // Обозреватель-Observer. 2000. №№ 5–6, 7–8.

⁶ Келеманс К. Вмешательство НАТО в Косовский кризис. Март-июнь 1999 г. // Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры. Под ред. Коппитерса Б., Фоушина Н., Апресяна Р. М.Б 2002. С. 293.

⁷ Интервью бывшего командующего германским контингентом международных сил безопасности КФОР в Косово генерала Хельмута Харффа журналу “Шпигель”// Сообщение ИТАР-ТАСС. Берлин, 2000. 1 февраля.

⁸ Руководители миссии ООН в Косово, которой принадлежит вся исполнительная власть в Крае, и представители ОБСЕ, на которых возложена обязанность прививать правовое сознание местным жителям, отказываются признавать апартеид конечным результатом своих усилий. Они упорно твердят, что медленно, но верно продвигаются по пути создания полиэтнического сообщества. Ради этого они отвергли план “кантонизации” Края, предложенный сербской общиной (предусматривалось закрепить за меньшинствами определенные районы проживания). Хотя, как признала начальник пресс-службы миссии ООН С.Морель, это был единственный реалистичный план урегулирования в реально сложившихся обстоятельствах. (Гольц А. Благоустроенный тупик // Итоги. 2001. 6 февраля).

⁹ http://www.euronews.net/create_html.php?page=detail_europa&article=343856&lng=10
18.02.2006

¹⁰ Владыка Черногории Петр II Негош (1830–1851 гг.), разделяя эти планы, вел втайне даже от России переговоры с Сербией. Он “согласился признать Сербию лидером” и “отрекся от династических прав на престол в будущем государстве”. Но его преемник князь Данила (который сделал Черногорию светским государством) не был согласен с таким внешнеполитическим “начертанием”. Как говорилось в донесении русского консула Петковича, “каждый народ стремится быть за себя и иметь общую покровительницу – Россию”¹¹.

¹¹ Вишняков Я.В. Черногория в балканской политике России (1830–1860 гг.). М., МГИМО, 1998, С. 42, 85.

¹² Horowitz D.L. *The Deadly Ethnic Riot*. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London, 2000.

¹³ Гуськова Е. Динамика косовского кризиса и политика России // Косово: международные аспекты кризиса. Под ред. Д.Тренина, Е.Степановой. М., Московский центр Карнеги, Гендальф, 1999. С. 38.

¹⁴ Меморандум по меньшинствам 1950 г. (Memorandum on minorities, UN Subcommission on minorities, 1950) рассматривал в качестве обоснованных прав этнического меньшинства право получения начального и среднего образования на родном языке; право иметь собственные СМИ, библиотеки и музеи, право использовать родной язык в делопроизводстве и в частной жизни, право на уважение к культурным, религиозным и семейным традициям со стороны остального общества.

Можно считать, что косовские албанцы находились в привилегированном положении, поскольку им были предоставлены фактически все условия, значащиеся в этом меморандуме.

¹⁵ Duchacek I.D. *Comparative Federalism: the Territorial Dimensions of Politics*. N-Y: Holt, Rinehart and Winston Inc., 1970. PP. 95–97.

¹⁶ Проект Massachusetts Institute of Technology.

¹⁷ [Http://web.mit.edu/cascon/cases/case_kos.html](http://web.mit.edu/cascon/cases/case_kos.html)

¹⁸ Признание независимости края Косово, по мнению докладчика, неизбежно привело бы к росту напряженности как между великими державами, так и между странами региона. По его оценке, целью экстремистов из ОАК (Освободительная армия Косово), а также бывшего президента Албании Сали Бериши было “создание Великой Албании, а не просто независимость края”, а вооруженные вылазки албанских боевиков и провокации столкновений в долине Прешево в южной Сербии являлись частью этого сценария // ИТАР-ТАСС. Женева. 2000. 30 марта.

¹⁹ *Gardian special report: interviews*. Interview: Denis MacShane. Friday. 2002. August 30.

²⁰ *Security Dialogue*. PRIO. June 2003; Stefanova R. *New Security Challenges in the Balkans*. P. 177.

²¹ *The Observer*. Sunday. 2003. October 19. (<http://observer.guardian.co.uk/>).

²² http://www.euronews.net/create_html.php?page=detail_europa&article=343850&lng=1; 20.02.2006.

ЯДЕРНЫЕ ДОКТРИНЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

И.Желтяков,
ПОЛКОВНИК
А.Гнидо,
ПОДПОЛКОВНИК

Сегодня ядерное сдерживание постепенно перестает быть универсальным средством предотвращения военных угроз. На безопасность государства, на характер взаимоотношений государств и на состояние международной обстановки в целом все в большей степени оказывает влияние не только оружие, но и весь потенциал страны, все его ресурсы.

Тем не менее, концепция ядерного сдерживания продолжает оставаться важным компонентом этого более широкого взгляда и сохраняет свое место в структуре стабилизирующих факторов. В силу этого обстоятельства ядерные концепции ведущих зарубежных государств мира и взгляды военно-политического руководства этих стран на будущее ядерного оружия не могут остаться без внимания при рассмотрении проблемы обеспечения международной стабильности и безопасности на современном этапе.

США

После окончания “холодной войны” произошла трансформация американской стратегии сдерживания.

Новая ядерная стратегия США предполагает, что, исходя из особенностей новых угроз, могут быть иными средства сдерживания или военного противоборства. А это означает определенный пересмотр роли ядерного оружия в качестве оружия сдерживания.

По мнению американских экспертов, зависимость безопасности от ядерного оружия может быть понижена, поэтому к концу текущего десятилетия в США должна быть создана новая “триада стратегических сил”, объединяющая возможности как ядерных, так и неядерных вооружений. Это вызвано тем, что США расширили спектр своих вероятных противников для возможного применения ядерного оружия, причислив к ним так называемые “проблемные страны” (КНДР, Иран, Сирию и др.). Для борьбы с такими противниками прежний принцип ядерного сдерживания считается недостаточно эффективным. Военное руководство считает необходимым пополнить арсенал США новыми типами ядерного оружия – повышенной точности и малой мощности.

Конечная цель – сделать ядерное оружие США реально применимым для решения широкого круга задач. Новые стратегические установки США предусматривают внезапное и упреждающее применение военной силы, в том числе ядерного оружия. Следует отметить, что отдается предпочтение внезапному и упреждающему применению прежде всего неядерных ударных сил для ограничения сопутствующего ущерба и сдерживания эскалации конфликта. Ядерное оружие предполагается применять против целей, способных

противостоять неядерным средствам либо в ответ на применение противником оружия массового поражения (ОМП).

Франция

Ядерная доктрина Франции была ориентирована на “ядерное устрашение (сдерживание)”, но в последнее время также подверглась трансформации.

Первое заявление, отражающее трансформацию ядерной доктрины, было сделано в выступлении Президента Франции перед руководством Министерства обороны, в котором было предупреждение “некоторым странам, которые слишком усердствуют в разработке собственных видов оружия массового уничтожения”, а существо нового подхода к ядерной политике выражено формулой: “Если эти государства питают в отношении нас враждебные намерения, то их лидеры должны понимать, что могут подвергнуться страшным бедствиям”.

Также было заявлено, что в соответствии с новой доктриной оборонительное ядерное оружие Франции превратится в “активную угрозу” для ее врагов. То есть, отменено положение прежней стратегической концепции: “ядерным оружием можно ответить только на ядерную угрозу”.

Более того, Франция оставляет за собой право не только на ответный ядерный удар по стране, откуда исходит угроза применения ОМП, но допускает и превентивные “точечные” удары по объектам военно-политического управления, экономики, местам производства ОМП и базам террористов. В военно-техническом аспекте такая ядерная доктрина должна опираться на обладание ядерным оружием малой и сверхмалой мощности, чтобы избежать больших потерь среди мирного населения.

Во Франции не скрывают, что ее ядерное оружие будет нацелено на так называемые “проблемные” страны, как их именуют США. Выдвижение новой ядерной доктрины Франции последовало вскоре после пересмотра ядерной политики США.

Таким образом, модифицированная французская ядерная стратегия, предполагает, как и новая американская стратегическая концепция, возможность применения ядерного оружия против любых стран, обладающих ОМП.

Великобритания

В Великобритании также произошла определенная трансформация взглядов на обеспечение ядерного сдерживания и возможный характер применения ядерного оружия. Военно-политическое руководство признало возможность ведения “ограниченной” ядерной войны с избирательным применением ядерного оружия.

Официально заявляется, что Великобритания считает обстоятельства, при которых можно было бы рассматривать возможность применения ядерных вооружений, крайне маловероятными. Тем не менее, основная роль в сдерживании отводится именно ядерным силам.

Следует отметить положение о том, что теперь сдерживание не ограничивается исключительно ядерным компонентом. Заявляется, что оно должно вестись по широкому спектру, то есть необходимо влиять на правящие режимы отдельных государств, внушающих опасение, организованные группы или даже индивидуумов, демонстрируя готовность применить все необходимые средства для их сдерживания от агрессии против Великобритании и ее союзников. Там же, где это необходимо, военные и иные действия должны быть предприняты для разрушения политических, экономических, военных и технических средств потенциального или реального противника.

Таким образом, Великобритания стремится повысить свои возможности силового сдерживания и его адаптивность к парированию различных военных угроз за счет оснащения вооруженных сил (ВС) обычными вооружениями, обладающими способностью

нанесения мощных высокоточных ударов, при этом опора на ядерное сдерживание продолжает оставаться основой обеспечения военной безопасности страны.

Можно говорить о том, что взгляды английского руководства на роль ядерного оружия и условия его применения не расходятся с американской позицией.

Китай

В отличие от других ядерных держав, Китай никогда публично не детализировал свою ядерную доктрину. Но, несмотря на относительно скудную информацию, можно сделать некоторые выводы о ядерной политике Китая.

Китайская ядерная доктрина является дифференцированной: на глобальном уровне она продолжает опираться на “минимальное сдерживание”, а на региональном уровне базируется на “ограниченном сдерживании”.

Ядерная политика Китая направлена на обеспечение условий осуществления национальной стратегии развития, целью которой является достижение Китаем к середине XXI в. статуса “супердержавы”, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, как минимум, равной по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим ведущим державам мира.

Доктринальные взгляды в КНР на роль ядерного оружия, как следствие концептуальных подходов Китая к оценке современной международной обстановки и перспектив ее развития, выражаются главным образом в концепции “ограниченного ответного ядерного удара”, предусматривающей строительство ограниченных по боевому составу ядерных сил сдерживания. Эти силы должны быть способны посредством создания угрозы нанесения вероятному противнику значительного ущерба заставить его отказаться от применения ядерного оружия против Китая.

Индия

На развитие ядерной программы Индии повлияли заявления руководства Пакистана об обладании ядерным оружием, а также оказываемое США давление на Индию, чтобы она отказалась от испытаний ядерных и ракетных вооружений. Ее ядерная политика основывалась на “минимальном ядерном сдерживании”. Предусматривается “максимально убедительное минимальное сдерживание”, основанное на способности “нанесения ответного ядерного удара, неприемлемого для агрессора”, для чего необходимы “достаточные”, могущие выжить и нанести ответный удар ядерные силы.

Индия не применит ядерное оружие первой. Оно будет применено только в ответ на ядерное нападение (или нападение с применением ОМП) на страну или ее вооруженные силы, где бы то ни было. Возможность ответного удара обеспечивается мобильностью и распределением ядерных средств, а также достаточной избыточностью их состава.

Индийское руководство не считает ядерное оружие средством ведения войны, а только средством сдерживания. Индия придерживается моратория на проведение ядерных испытаний и привержена идее всеобщего и полного ядерного разоружения.

Практические шаги в реализации существующих ядерных концепций Индии в современных условиях направлены на обеспечение надежного ядерного сдерживания и способности к адекватному возмездию, если сдерживание окажется неэффективным.

Пакистан

Формирование ядерной программы Пакистана происходило в условиях продолжительной военной конфронтации с Индией.

Необходимо отметить, что после заявления о ядерном статусе не последовало никаких официальных представлений пакистанской ядерной доктрины. Единственное положение,

которое выдвигается пакистанским руководством – это антииндийская направленность ядерной программы.

О возможных доктринальных взглядах на роль ядерного оружия можно судить по высказываниям лиц, занимавших ранее высокие государственные посты. Военно-политическое руководство Пакистана считает, что ядерное оружие должно служить сдерживанию вероятного противника, а не решению боевых задач, поэтому Пакистан применит ядерное оружие в случае угрозы своему суверенитету.

Вместе с тем, имеются свидетельства того, что не исключается и нанесение ядерных ударов первыми, то есть возможна доктринальная установка на “стратегию первого удара”.

Израиль

Израиль не подтверждает и не опровергает, что он обладает ядерным оружием.

Однако на основании анализа действий руководства страны, подготовки вооруженных сил (ВВС Израиля) можно предположить, что у Израиля есть ядерное оружие и израильская ядерная политика основывается на следующих принципах.

1. Ядерный арсенал предназначен, в первую очередь, для сдерживания, но не исключена возможность применения ядерного оружия израильскими ВС в ходе военных действий первыми.

2. В случае применения ОМП по Израилю или, если в ходе военного конфликта с применением обычного оружия возникнет угроза существованию страны, то Израиль, наиболее вероятно, применит свое ядерное оружие.

3. Без кардинального изменения военно-стратегической обстановки в мире Израиль будет сохранять ситуацию двусмысленности (отрицая официально обладание ядерным оружием и одновременно продолжая формировать у мирового сообщества уверенность в его наличии).

Таким образом, анализ ядерных концепций зарубежных государств позволяет сделать следующий вывод: ядерное оружие в обозримом будущем будет продолжать играть важную, если не важнейшую, роль в формировании военно-политической обстановки в мире.

Примечания

¹ Савельев А. Новый смысл взаимного ядерного сдерживания // Ядерный контроль. 2003. № 1.

² Краснов А. Эволюция стратегии “ядерного сдерживания” США // Зарубежное военное обозрение. 2002. № 11.

³ Обзор состояния и перспектив ядерных сил США // Зарубежное военное обозрение. 2002. № 11.

⁴ Братерский М. Ядерные государства “второй волны” // Обозреватель–Observer. 2003. № 3.

ПОЛИТИКА НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ

О.Дамаскин,
доктор юридических наук, профессор

Выборы в Бундестаг (18 сентября 2005 г.) не дали абсолютного большинства мест в германском Бундестаге ни одной из крупных партий – ХДС-ХСС и СДПГ, ни их потенциальным младшим партнерам – СвДП и Союзу 90-Зеленым. Поэтому, в результате интенсивных переговоров между партиями через два месяца была создана правительственная коалиция ХДС-ХСС и СДПГ.

22 ноября 2005 г. депутаты германского бундестага явным большинством голосов избрали Ангелу Меркель, возглавлявшую с 2000 г. ХДС, федеральным канцлером Германии.

Правительственная коалиция представляет себя как “рабочий кабинет”, объединяющий опытных политических противников, преследующий прагматические цели, в единой команде работающей в интересах Германии. Основу политического компромисса составляют положения коалиционного договора, озаглавленного “Вместе во имя Германии: проявляя мужество и человечность”¹.

Новое федеральное правительство стоит перед серьезными вызовами.

“Безработица, государственный долг, демографические изменения, необходимость перемен в условиях глобализации требуют больших политических усилий, чтобы обеспечить процветание нынешнему и будущим поколениям”, говорится в преамбуле коалиционного договора¹.

Обзор тем и соглашений нового федерального правительства, достигнутых на основе коалиционного договора, позволяет констатировать их комплексность и прагматизм. Главными задачами правительство считает сокращение безработицы, оживление экономики и оздоровление финансов.

Новое правительство намерено вернуть Германию на путь экономического роста.

Для того, чтобы повысить налоговую привлекательность Германии в мире, в 2008 г. планируется реформа налогообложения фирм. Благодаря более благоприятным условиям для амортизационных отчислений, будут созданы стимулы для активизации инвестиционной деятельности. Разработана 25-миллиардная инвестиционная программа для поощрения инноваций и экономического роста, которую дополняют наступательные меры содействия малым и средним предприятиям и начинающим предпринимателям.

Планируется введение единого низкого налогообложения товариществ и акционерных обществ.

Будет ускорено развитие новейших технологий, в том числе био- и нано- технологий.

Внутриполитическими целями правительства являются:

- активизация экономического развития восточных земель²;
- обеспечение функционирования систем социальной защиты;
- финансовое содействие семьям,
- охрана окружающей среды;

- реформа федеративного устройства страны и внутренняя безопасность.

Одним из важных приоритетов для нового правительства является борьба с безработицей.

Для того чтобы облегчить прием на работу новых сотрудников, система защиты от необоснованного увольнения будет сделана более либеральной: испытательный срок будет увеличен до 24 мес. (ранее 6 мес.).

Для удешевления рабочей силы побочные расходы на нее должны быть снижены с почти 41% до менее чем 40%. С этой целью, взносы в фонд страхования на случай безработицы, которые наемные работники и работодатели платят пополам, должны быть уменьшены с 6,5% до 4,5%.

Правительство намерено изучить возможность введения комбинированной оплаты труда (зарплата плюс социальные выплаты), что призвано облегчить хроническим безработным поиски работы.

Демографическое состояние в Германии обуславливает разработку плана реформ социальных систем, включая здравоохранение. Дискуссии по этим вопросам среди участников коалиции продолжаются.

Демографическое развитие (все больше людей пенсионного возраста и все меньше трудоспособного населения) ставит пенсионные кассы в трудное положение.

Поскольку при этом продолжительность жизни людей возрастает, то с 2012 по 2035 гг. пенсионный возраст должен быть увеличен до 67 лет (сейчас – 65 лет).

Соответствующий закон должен быть принят в 2007 г. При этом федеральное правительство исключает сокращение пенсий у нынешних пенсионеров.

Оплачиваемые федерацией пенсионные взносы хронических безработных сокращаются наполовину (на 2 млрд. евро), взамен взносы в фонды пенсионного страхования (вносимые наемными работниками и работодателями) с 2007 г. повышаются с 19,5% до 19,9%, при ежемесячном доходе до 5250 евро (в восточных землях до 4400 евро).

Продолжится курс на укрепление семьи как опоры общества.

Для того чтобы родители снова более активно принимали решение в пользу детей, планируется заменить пособие на воспитание ребенка родительским пособием, зависящим от уровня доходов.

Родители, вынужденные временно прервать трудовую деятельность из-за необходимости ухода за ребенком, должны в течение года получать от государства две трети своего последнего чистого заработка (в пределах максимума 1800 евро в месяц). Это может послужить стимулом для высококвалифицированных родителей, которые сейчас особенно редко заводят детей.

Пока изучается вопрос о том, выплачивать ли также родительское пособие при наличии сравнительно высоких доходов в семьях.

Новое правительство ФРГ считает образование и научные исследования ключевой темой для дальнейшего развития экономики и страны.

Расходы федерации на научные исследования и разработки к 2010 г. должны увеличиться до 3% стоимости ВВП (сейчас – 2,5%).

Продолжится выполнение программы, стоимостью 4 млрд. евро, по созданию школ продленного дня.

Компетенции в области высшей школы в результате реформы федеративного устройства почти полностью перейдут землям.

Система финансового содействия студентам при получении образования должна сохраниться без сокращений.

Новое правительство ФРГ намерено быстро продвинуться вперед в осуществлении реформы федеративного устройства. Компетенция федерации и земель должны быть скорректированы, чтобы сделать федерацию более дееспособной, а землям предоставить взамен больше возможностей для политического строительства.

Так доля законов, нуждающихся в одобрении Бундесрата – представительства земель – должна сократиться с нынешних 60% до 35%.

Тем самым будут ограничены блокирующие возможности земель при принятии федеральных законов.

Взамен земли получают больше прав в области образования и охраны окружающей среды.

Отдельные компетенции, в частности, решение вопросов связанных со временем работы магазинов, исполнения наказаний, будут переданы землям.

В области внешней политики правительство делает ставку на преемственность. Планируется и дальше выступать за мирное решение конфликтов и вместе с партнерами, в том числе в рамках ЕС и международных учреждений, содействовать демократии и правам человека во всем мире.

К преемственности внешней политики относится также ориентация на расширенное понятие безопасности, включающее в себя и политику развития, экологическую политику и внешнюю культурную политику.

Европейская интеграция и атлантическое партнерство закреплены в коалиционном договоре как основные составляющие внешней политики.

Символическое значение имеет то, что федеральный канцлер А.Меркель на следующий день после приведения к присяге нанесла свой первый зарубежный визит в Париж, а затем в столицу Европейского сообщества Брюссель, а второй – в Лондон. Последующие визиты А.Меркель в США, Польшу подчеркивают возрастание роли германо-французского партнерства для развития Европейского сообщества.

Перспективы российско-германских отношений в значительной мере характеризуются переговорами федерального канцлера ФРГ А.Меркель с Президентом РФ В.В.Путиным (январь 2006 г., Москва), позволяющими прогнозировать сохранение преемственности основных предыдущих наработок в двусторонних российско-германских отношениях.

В настоящее время Германия стала важнейшим торговым партнером России с товарооборотом свыше 31 млрд. евро. В апреле 2005 г. на открытии Ганноверской ярмарки главами государств России и ФРГ было подписано “Совместное заявление о стратегическом партнерстве в области образования, науки и инноваций”³.

Этим соглашением предусмотрен интенсивный обмен на уровне выпускников вузов и создание совместных научных институтов. Заключено ряд крупных договоров, в частности, соглашение между “Газпромом” и филиалом BASF Wintershall о разработке в рамках совместного предприятия “Ачимгаз” гигантского месторождения Южно-Русское. Предприятия планируют строительство нового газопровода из Санкт-Петербурга в Германию через Балтийское море. Реализация этих двух проектов потребует около 3 млрд. евро.

Германский концерн Siemens и “Российские железные дороги” заключили перспективный договор, предусматривающий поставку 60 высокоскоростных поездов на сумму 1,5 млрд. евро.

Таким образом, Россия становится не только поставщиком сырья, но и технологий будущего.

“Российские железные дороги” и Deutsche Bank основывают акционерное общество, которое будет развивать железнодорожную сеть до Китая.

Германская фирма Fendt-Argo GmbH и холдинг “Агромаш” (Москва) будут вместе производить сельскохозяйственные машины.

Deutsche Bank совместно с “Внешэкономбанком” будет кредитовать российских экспортеров³.

Наличие такой базы взаимных экономических интересов привело к тому, что на переговорах А.Меркель и В.Путина в Москве вопросы, касающиеся поставок газа в Европу через Украину, нового закона о неправительственных организациях, положения в Чеченской Республике и другие, не вызвали затруднений у сторон.

Поскольку в последнее время западные СМИ и часть российских правозащитных организаций усиленно нагнетали страсти вокруг принятия нового федерального закона о неправительственных организациях, то уместно напомнить, что данный законопроект прошел предварительную экспертизу в Совете Европы, все экспертные замечания которого были учтены при принятии данного закона⁴.

Политика правительства ФРГ испытывает влияние разных групп германского общества. Часть немецких СМИ и интеллектуальных кругов Германии настаивают на необходимости давления на Россию по проблеме нарушения прав человека и демократии в связи с принятием закона о неправительственных организациях. Германские бизнесмены настаивают на расширении деловых связей на российском рынке на основе стратегического партнерства, энергетического проекта и других. Западные политики ориентируются на вовлечение России в западный антитеррористический альянс.

Следует ожидать, также, дальнейшего укрепления отношений Германии и США, на основе признания немецкой элитой роли США в защите от внешних угроз, позволяющих экономить средства на оборону и безопасность. Платой за это со стороны элиты ФРГ останется признание США лидером западного мира и следование в фарватере их гегемонистской политики в мире в условиях глобализации.

Германские ВМС в 1992–1996 гг. участвовали в контроле над соблюдением торгового эмбарго и эмбарго на продажу оружия Югославии.

В 1993–1995 гг. пилоты германских ВВС несли службу на натовских самолетах “Авак”, которые следили за соблюдением запрета на полеты в воздушном пространстве Югославии.

В 1992–1994 гг. примерно 1800 военнослужащих бундесвера оказывали тыловую поддержку войскам ООН в Сомали.

В 1992–1996 гг. германские ВВС совершили почти 2000 вылетов, доставив 13000 т грузов в Боснию и Герцеговину.

В конце 1995 г. примерно 3600 военнослужащих бундесвера были посланы в Хорватию, с конца 1996 г. являясь частью войск “SFOR” в Боснии и Герцеговине.

С марта по июнь 1999 г. 14 самолетов “Торнадо” германских ВВС участвовали в воздушных налетах на Сербию.

С 1994 г. по настоящее время свыше 100 тыс. германских военнослужащих побывали на Балканах.

Германия предоставила США для участия в операциях вокруг Афганистана около 4000 военнослужащих⁵.

Поэтому новое правительство ФРГ обречено на некритическое восприятие международного курса США, в интересах сохранения стабильности немецкой политической и социально-экономической системы.

В России должно быть четкое понимание того, что А.Меркель намерена закрепить ФРГ в трансатлантических организациях и ЕС. Проблема состоит в том, что в Евросоюзе существуют антироссийские настроения, в частности в Польше и прибалтийских государствах.

Однако, вероятнее всего, компромисс прагматичного делового партнерства ФРГ с Россией, нежели партнерства идеологических ценностей, навязываемых Западом России.

При этом Правительству ФРГ необходимо исходить из реальных потребностей и возможностей сотрудничества, отвечающих интересам наших стран.

Примечания

- ¹ Deutschland. 2005. № 6.
- ² На территории земель, ранее входившей в ГДР.
- ³ Deutschland. 2005. № 3.
- ⁴ Российская газета. 17 января 2006.
- ⁵ Deutschland. 2001. № 6.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО ПРОСТРАНСТВА – ВЫЗОВ СУВЕРЕНИТЕТУ ГОСУДАРСТВ

П.Стариков

Глобализация бросает вызов всему мировому сообществу. От того, насколько адекватно государство оценивает преимущества и недостатки экономической глобализации зависят перспективы его развития.

В свете предстоящего вступления России в ВТО проблема правильного понимания и соотношения национальных и интернациональных интересов государства, является необходимым условием устойчивого экономического роста.

Долгосрочные стратегические интересы России в сфере международных экономических отношений не всегда совпадают с интересами западных государств. Если для Запада главным внешним стратегическим долгосрочным интересом является, в частности, обеспечение доступа к мировым ресурсам и контроля над ними, то для России с ее пространствами и ресурсами этот интерес – в защите своих ресурсов перед лицом экспансии транснациональных корпораций, в обеспечении их эффективного использования.

Вопросы организации и функционирования глобального финансового пространства, а также отношения между политикой управления глобальным финансовым пространством и политикой, направленной на обеспечение управляемости развития государства как системы, заслуживают особого внимания. Именно в области финансов и экономики ощутимее всего внешнее воздействие факторов, способных оказать заметное влияние на ограничение государственного суверенитета России.

Официальным началом функционирования межгосударственной валютной системы считается июль 1944 г., когда в Бреттон-Вудсе состоялась конференция, предусмотревшая создание Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР). Однако Бреттон-Вудская система далеко не исчерпывает реально существующее положение вещей в валютной области.

Наряду с валютной системой универсального назначения, примером которой может служить МВФ, являющийся специализированным учреждением ООН, быстро распространились многочисленные региональные подсистемы.

И универсальная, и региональная валютные системы предназначены, в первую очередь, для предупреждения кризисов и помощи в их преодолении.

Предупреждение кризисов заключается в ограничительных правовых обязательствах, которые берут на себя государства.

Помощь в преодолении кризисов заключается в использовании механизмов, способных поддерживать государства, испытывающие трудности с платежным балансом.

Однако в настоящее время межгосударственная система публичного характера в области финансов не охватывает все реально существующее валютное пространство. Она утратила монополию в конце 60-х, и особенно в начале 70-х годов прошлого века в связи с возникновением новых инструментов глобального финансового рынка, которые позволили сформировать подлинно международную валютную и финансовую систему, которая по своей природе является частной.

В 70-х годах XX столетия из-за революции в информатике, телекоммуникации и цифровой технологии активно формировались инструменты современного глобального финансового рынка.

Новые информационные технологии, связавшие основные финансовые центры и резко снизившие транзакционные издержки* создали условия для выхода финансовых институтов из-под государственного контроля. Получил развитие новый инструментарий финансового рынка – механизм страхования валютного риска (хеджирования) и управления рисками. Традиционные финансовые инструменты дополнились новыми видами ценных бумаг и обязательств – дериватами, являющимися производными от других ценных бумаг. Финансовый рынок стал играть независимую от рынка товаров роль. Деньги сами превратились в товар, а спекуляция на курсах валют – в наиболее выгодную рыночную операцию.

Вслед за валютным рынком в 80-х годах XX в. благодаря автоматизации операций на фондовых биржах импульс преобразований получил и рынок ценных бумаг. Все эти и другие изменения происходили совместно со значительным расширением международных товарных потоков и либерализацией внешнеэкономических режимов.

Понимая необходимость организации контроля над формирующимся глобальным рынком капитала, лауреат Нобелевской премии по экономике Джеймс Тобин еще в 1978 г. предложил проект международной валютной реформы для “снижения избыточной эффективности” финансовых рынков. В соответствии с этим проектом предлагалось ввести всеобщий прогрессивный налог на валютные операции.

“Встроенный” в фискальный механизм налог на валютные переводы в размере 0,25%, как утверждалось, мог бы сократить на 30% глобальные масштабы спекулятивных валютных переводов и при этом еще увеличить налоговые поступления на сумму почти 250 млрд. долл. в год (опять же в глобальном измерении)¹.

После фондового краха 1987 г. идею косвенного налога на рынке ценных бумаг поддержали профессор Массачусетского Технологического Института Рудигер Дорнбуш и будущий глава Казначейства США Лоуренс Саммерс.

Однако практическое введение налога Тобина в глобальном масштабе оказалось неразрешимой задачей. Кроме того, современные финансовые дериваты позволяют обойти такой налог, что сводит его эффект “на нет”.

Глобальные рынки капитала сосредоточились в Лондоне, Токио и Нью-Йорке.

За последние 20 лет ежедневный объем сделок на мировых валютных рынках возрос с 1 до 1200 млрд. долл., а объем торговли товарами и услугами за этот же период – всего на 50%. Выпущенные в мире в обращение виртуальные бумажные ценности в 25 раз превышают по объемам все имеющиеся на Земном шаре реальные ценности².

Сфера финансовых операций в растущих масштабах аккумулирует капитал, который вместо прямых инвестиций в производство идет в спекуляцию. Развивается феномен “экономики мыльного пузыря”.

Сегодня стоимость корпорации включает массу факторов, относящихся к “виртуальному миру”.

Речь идет и об оценке потребительских ожиданий, сложившихся вокруг данной корпорации, и о перспективах получения ею кредитов со стороны того или иного банка, и о ее репутации среди поставщиков и клиентуры, и об оценках качества ее персонала и т. п.

По некоторым данным, сегодня около 82% рыночной стоимости корпорации составляет ее репутация³. Организуя через СМИ и другие каналы соответствующие потоки данных, можно, меняя имидж корпорации в ту или иную сторону, решающим образом влиять на ее рыночную стоимость.

Развитие информационных технологий, позволившее вести круглосуточную торговлю финансовыми инструментами в онлайн-режиме, резко повысило возможности для сверхкраткосрочных спекулятивных операций. Неконтролируемое трансграничное

перемещение огромных масс капитала – в основном в виде краткосрочных портфельных инвестиций – и концентрация его в сфере финансовых спекуляций породили растущую нестабильность всей системы мирового рынка. Следствием явились системные банковские кризисы, сопровождаемые оттоком спекулятивных средств с национальных финансовых рынков, обвалами курсов национальных валют, скачкообразным ростом внешнего долга.

Наиболее заметными банковскими кризисами последних пяти лет были:

- Турция, 2000–2001 гг. Банкротство трех крупных государственных банков, кризис ликвидности в банковской сфере, отток спекулятивных средств с национального финансового рынка, девальвация лиры на 40% за первые 3 месяца.
- Аргентина, 2001–2002 гг. С начала 90-х годов Аргентина была полигоном экономических реформ МВФ, МБРР, ВТО и других международных институтов и даже ставилась в пример прочим развивающимся странам в качестве “экономического чуда”. С началом кризиса рухнул курс песо, были заморожены счета в банках, начался массовый отток капиталов за рубеж, президент и правительство были отправлены в отставку.
- Бразилия, 2002 г. Обвал курса реала, скачкообразный рост внешнего долга, который в 2003 г. составил свыше 260 млрд. долл., причем затраты на его обслуживание поглощали 64% ВВП.

Всемирный банк в докладе 2003 г. в списке наиболее часто встречающихся причин возникновения кризисов на первое место поставил ненадлежащую банковскую практику, спровоцированную издержками дерегулирования и либерализации⁴.

Из-за взаимозависимости национальных экономик в случае их разрушения могут возникнуть региональная или даже глобальная нестабильность, выход опасностей за пределы экономики в другие сферы. Отсюда – настоятельная необходимость создания эффективной системы международного (а точнее – международно-правового) контроля над глобальным рынком.

Иначе, как считает Дж.Сакс, директор Гарвардского института международного развития, “теория и практика либерализации рынка приведет нас в преддверие ада”⁵.

Происходит переосмысление проблем безопасности государств.

К.Бус и С.Смит отмечают, что вооруженный путь теперь не является единственным для получения доступа и контроля над природными ресурсами на территории какого-либо суверенного государства. Все чаще для этих целей используются экономические механизмы, но работают эти механизмы только в тех странах, которые интегрированы в международную экономическую систему или намереваются это сделать. В отношении стран, которые проводят политику неприсоединения... возможно использование вооруженной силы⁶.

Международные денежные расчеты традиционно осуществляются в соответствии с правилами, складывающимися в банковской практике. Унификация таких правил осуществляется на неправительственном уровне, главным образом, в рамках Международной Торговой Палаты, созданной в 1919 г.

Подготовленные Палатой своды правил являются, по существу, единственными актами, регулирующими международные денежные расчеты, и это несмотря на то, что юридической силой они не обладают. Главную роль в механизме их реализации играют банки. Национальные ассоциации банков, а иногда и отдельные банки уведомляют Международную Торговую Палату о принятии соответствующих правил и их применении, либо их применение оговаривается в корреспондентских соглашениях, заключаемых банками различных стран.

Наиболее широкое применение получили Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов (в редакции 1993 г.), Унифицированные правила по инкассо (в редакции 1995 г.), Унифицированные правила для гарантий по требованию (1992 г.),

Унифицированные правила по договорным гарантиям (1978 г.).

В тех условиях, когда транснациональные корпорации и финансовые структуры действуют вне достижимости законов государств и сферы международно-правового регулирования, их деятельность приводит к чрезвычайной концентрации и отчуждению экономической и финансовой власти от обязательств перед обществом и средой обитания, триумфу денег над духовными ценностями и социальными обязательствами. Угроза способности государства осуществлять свою власть, то есть суверенитету, представляет на сегодняшний день одну из самых значительных угроз демократии и социальной стабильности.

Данные обстоятельства вызваны следующими причинами:

1. ТНК стремятся к монополии, прежде всего, в области наиболее передовых и конкурентоспособных ресурсов (высокие технологии и высококвалифицированная рабочая сила, которые могут устойчиво воспроизводиться в массовом масштабе только в развитых странах; “ноу-хау”, патенты на высокие технологии и многие другие информационные продукты). Патент или иная интеллектуальная частная собственность дают владельцу право не допускать к пользованию данной информацией или иными благами третьих лиц. При этом в отличие от “обычного” материального блага информационный продукт не может быть создан заново или воспроизведен: он, по определению, уникален, и тиражировать можно лишь его материальные носители.

В результате при переходе к информационному обществу складывается ситуация, когда тот, кто первым вышел на этот рубеж и закрепил право на интеллектуальную собственность на важнейшие информационные продукты, получает почти абсолютные преимущества. Догнать его нельзя. Даже разработав самостоятельно те же информационные блага, но ими воспользоваться считается противозаконным (если соблюдать законы рынка и право частной собственности) – они уже находятся в собственности других лиц.

ТНК фактически становятся новыми метрополиями, получающими не столько основанную на внеэкономическом обмене материальную ренту, сколько иную, основанную на монополизации потенциала прогресса, доступа к ресурсам развития постиндустриального общества “интеллектуальную ренту”.

Конкуренция между ТНК (особенно в современных условиях), как правило, подхлестывает научно-технический прогресс, но только в интересующих их областях. Таким образом, развитие науки и техники все чаще отходит от направлений, содействующих решению первоочередных проблем человечества.

Эта ситуация была облачена в правовой каркас после учреждения по окончании “уругвайского” раунда многосторонних торговых переговоров Всемирной торговой организации (1995 г.) и принятия Соглашения о торговых аспектах прав на интеллектуальную собственность (ТРИПС).

До учреждения ВТО торговые аспекты прав на интеллектуальную собственность так широко не регулировались международным правом.

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) является приложением к Соглашению об учреждении ВТО и считается обязательным для исполнения странами-участницами ВТО (п. 1 ст. 1 ТРИПС).

Особенностью ТРИПС является то обстоятельство, что наряду с признанием правовых текстов самого Соглашения страны-члены ВТО, одновременно с этим, предоставляют физическим и юридическим лицам стран-членов соответствующие права интеллектуальной собственности, которые отвечали бы критериям предоставления охраны, предусмотренным в Парижской конвенции (Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1967 г.), Бернской конвенции (Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1971 г.), Римской конвенции (Международная конвенция по охране интересов артистов-исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций, принятая в Риме в 1961 г.) и Договоре об интеллектуальной собственности в отношении интегральных микросхем, принятому в Вашингтоне в 1989 г. (п. 3 ст. 1

ТРИПС).

Теперь, государства-участники ВТО обязаны законодательно установить и в административном порядке контролировать соблюдение этих правил, подключая при необходимости судебные инстанции для выполнения требований по охране интеллектуальной собственности (Ч. III ТРИПС).

Процедуры урегулирования споров в рамках ВТО распространяются и на ТРИПС.

Стремление ТНК к получению максимальной прибыли и отсутствие социальных обязательств приводит подчас к парадоксальным ситуациям.

Только в области здравоохранения примером могут служить следующие факты:

- Большинство имеющихся антивирусных средств, патенты на которые сегодня находятся исключительно в распоряжении бывших фармацевтических компаний, были результатом исследований, в значительной степени финансировавшихся из государственных фондов.

На государственные средства в Европе и США были разработаны лекарства, а ныне громадные доходы идут частным компаниям, которые пользуются исключительными правами по использованию этих патентов, и фактически никто из ВИЧ-инфицированных людей по всему миру не имеет доступа к их патентно-защищенной продукции. И это при том, что половина новорожденных в Африке заражены этим вирусом, свыше 80% общего числа смертей от СПИД приходится на долю Африки. Положение настолько серьезно, что директор африканского отдела ВОЗ И.Самба заявил, что СПИД должен быть объявлен глобальным “сверхбедствием”⁷.

- На многие широко распространенные и смертоносные болезни – например в Африке – обращается столь мало внимания, что производство уже имеющихся медикаментов, спасающих людям жизнь, оказалось прекращено из-за недостаточного уровня прибыли от его производства.
- Несостоятельность рыночных сил и неспособность правительств их отрегулировать либо создать им замену, а также отсутствие ясной глобальной политики здравоохранения породили нынешнюю жестокую ситуацию, заключающуюся в отсутствии доступа к здравоохранению и жизненно необходимым медикаментам значительной части населения планеты.

ВТО оказалась в центре этой проблемы⁸.

2. Контроль за мировым движением финансов, большей частью международных транзакций, а также телекоммуникаций является сегодня атрибутом реальной власти. Находясь вне сферы прямого международно-правового регулирования, обладая практически полной свободой перемещения и чрезвычайной мобильностью, финансовый капитал господствует над реальным сектором экономики всего мирового сообщества⁹. Вырвавшись за национальные рамки в глобальную систему, предпринимательские инстинкты оказывают подчас дестабилизирующее воздействие на сдерживающие механизмы, диктуемые национальным регулированием.

Наконец, нельзя забывать, что отсутствие должного контроля позволяет использовать международные финансовые институты для отмывания “грязных” денег, тем самым способствуя существованию глобальных преступных сетей.

Глобализация финансовых рынков, их влияние на демократическое развитие государств и их будущее породило одно из главных противоречий современности – противоречие между демократией и капиталом.

В ежегодном докладе ООН “Развитие человечества” (1993 г.) говорилось, что,

несмотря на развитие демократии во всем мире, 90% населения планеты лишено возможности контролировать деятельность институтов власти, затрагивающую их судьбы. Основная ответственность за подобное положение лежит на крупном капитале¹⁰.

Профессор Токийского университета Й.Сакамото пишет о том, что существует противоречие между капитализмом, который стремится к росту и прибылям, что сопровождается неравенством и несправедливостью, с одной стороны, и демократией, которая требует равных прав и справедливости, с другой¹¹.

В капиталистическом государстве крупные компании обладают экономической и финансовой силой, превышающей по своим размерам бюджеты многих стран. В их руках – и основные СМИ.

СМИ в условиях глобализации стали реальной властью. Иногда СМИ называют “четвертой” властью в государстве. Повышение роли СМИ в обеспечении общественного благополучия и демократии занимает центральное положение в современных дискуссиях по проблемам глобализации¹². СМИ формируют сознание и волю общества, обеспечивают общественную поддержку политике, без которой последняя не может быть эффективной. Несмотря на всю свою роль СМИ находятся в частной собственности, вне контроля, который существует в отношении других органов и ветвей власти государства, и не несут ответственности, соответствующей их роли.

Сегодня государство столкнулось с ситуацией, когда внешние факторы могут воздействовать на внутреннюю экономическую и финансовую стабильность государств, а суверенитету государства может угрожать весь международный рынок: ТНК, банки, индивидуумы. При этом, в соответствии с нормами международного публичного права, государства, как правило, не берут на себя ответственность за экономическую деятельность частных лиц. Но действия частных лиц, в том числе и на международном уровне, вполне могут дестабилизировать экономическую ситуацию внутри самих государств.

Многообразие природы действующих лиц, множественность операционных центров, технологическое развитие, размеры потоков капитала – все эти факторы сделали влияние международного финансового рынка на внутреннюю экономику столь ярко выраженным, что привели к несовместимости между стабильностью обменного курса, свободой перемещения капиталов и независимостью денежной политики.

Традиционно государство брало на себя контроль над банковской системой, фискальной политикой, получением кредита гражданами, международными перемещениями финансовых потоков. Этот контроль перестал быть эффективным при интернационализации рынков.

Банки и предприятия стали обходить запреты, создавая филиалы или подконтрольные им лица в других государствах или в так называемых “оффшорных зонах” и разрабатывая новые продукты финансового инжиниринга.

Можно говорить, что в сфере финансов понятие современного государства с его характеристиками абсолютной власти фактически устарело.

Однако, как справедливо отмечает А.В.Сеидов, “важно понимать, что такое ограничение суверенитета рассматривается исключительно с позиции геоэкономики, а не международного права”¹³.

Главным противоречием на пути гармоничного глобального экономического развития международного сообщества государств стали чрезмерно высокий уровень финансового могущества ведущих западных стран и их потребность в обеспечении собственного главенства на мировых финансовых и товарных рынках, а также на инновационных рынках в будущем для поддержания достигнутого уровня социально-экономического развития.

Теперь не только геоэкономические границы развитых государств далеко выходят за границы национальные, но и возникает ситуация при которой в целях самообеспечения ведущие государства планеты проецируют свои собственные заботы и интересы практически на весь мир.

Проблема взаимосвязи интересов и права – одна из коренных теоретических проблем,

имеющих существенное практическое значение. Интересы первичны, они определяют содержание и характер права. Право призвано защищать интересы.

В определении интереса нет ничего правового. Субъект определяет свои интересы, в большинстве случаев не думая о правотворчестве. Определение интереса является необходимым предварительным условием для начала правотворческого процесса, а не стадией самого процесса. Именно международно-правовая защита интересов государств является сегодня одним из существенных способов их обеспечения.

Особенность современного мирового развития такова, что основные противоречия между различными государствами сосредоточены преимущественно в экономической, технологической и финансовой сферах. Расстановка сил на международной арене зависит от мощи государств, которая, в первую очередь, определяется их экономическим потенциалом и независимостью. Юридическое равенство государств не означает их фактического равенства, и в реальных международных отношениях это обстоятельство нередко учитывается.

В этой связи ряд исследователей определяют механизм принятия решений в Международном валютном фонде и в Всемирном банке как способ фактического снижения роли ООН. Принцип голосования по формуле “одно государство – один голос”, вытесняется альтернативным принципом “один доллар – один голос”, при одновременном усилении роли разнообразных косвенных, консенсуальных форм принятия решений, учитывающих вес и экономическое влияние голосующих¹⁴.

Однако данный подход не может быть принят за основу для закрепления экономического и политического влияния развитых государств в международном праве. В противном случае принцип суверенного равенства и уважения суверенитета будет носить лишь декларативный характер.

Основная деятельность ВТО и других международных и региональных организаций в области свободной торговли сконцентрирована на гармонизации и денационализации национальных правовых порядков, в частности через принятие государствами на себя обязательств по имплементации согласованных международных норм и правил в национальном законодательстве.

Следует признать, что во многих работах и публикациях, в том числе на тему роли международного права в условиях глобализации, можно отчетливо проследить, что мотивы и аргументация их авторов зачастую определяется политическими и экономическими интересами отдельного государства, а не всего мирового сообщества, как это преподносится общественности.

Приняв политическое решение, государство может пойти на определенные ограничения возможностей осуществления собственного суверенитета. Однако не следует преувеличивать значение глобализации и недооценивать роль государственного суверенитета. Государство – основной элемент международной системы, способный влиять на управляемость, пока еще во многом стихийного, процесса экономической глобализации со всеми вытекающими из этого последствиями.

Таким образом, необходимость организации контроля над глобальным движением капитала становится одной из самых необходимых и трудных задач современного этапа глобализации. Эффективность вводимых внутренних ограничений в сфере финансов снижается во времени по мере того, как частный сектор совершенствуется в способах обхода госконтроля. Суть проблемы заключается в том, что контроль переносится на внутригосударственный уровень, несмотря на то, что регулирование глобального перемещения капитала может быть исполнено только в рамках единого международного режима.

По мнению А.Вебера, недостатки рыночной системы, отчасти нейтрализуемые на национальном уровне сложившимися механизмами государственного регулирования, воспроизводятся “в расширенном масштабе” на глобальном уровне, где такие механизмы отсутствуют. В результате глобализация оборачивается “триумфом нерегулируемого

капитализма»¹⁵.

Данные обстоятельства следует учитывать при согласовании условий присоединения России к Соглашению об учреждении ВТО, так как в результате такого присоединения российская экономика должна окрепнуть. Это – главная цель присоединения.

Примечания

* Транзакционные издержки – это затраты, связанные с передачей прав собственности и осуществлением финансовых сделок и время, необходимое для их совершения.

¹ Щетинин В.Д. Экономическая дипломатия. М.: Международные отношения. 2001. С. 161.

² Уткин. А.Н. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос. 2002. С. 26–28.

³ Панарин А. Опасности и риски глобализации // Наш современник. 2001. № 1.

⁴ Бизнес-журнал. 2006. № 2, февраль. С. 16.

⁵ Загладин Н.В. Глобализация и Россия // Русское слово, М., 2004. С. 17.

⁶ Бус К., Смит С. Теория международных отношений на рубеже столетий. М.: Гардарики, 2002. С. 148.

⁷ International Herald Tribune. 1999. Sept. 13.

⁸ Орбински Д. Роль ВТО в глобальном управлении. М.: ВЕСЬ МИР, 2004. С. 250, 265.

⁹ Иохин В.Я. Глобализация и Россия: вынужденный альянс // Национальные интересы. 2003. №3 (26). С. 32.

¹⁰ Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М.: Спарк, 2000. С. 24.

¹¹ Sakatoto Y. A Perspective on the Changing World Order. Global Transformation: Challenges to the State System Tokyo, 1994. P. 36.

¹² Wheeler M. Democracy and the Information Superhighway // Democratization. 1988. Summer. P. 217 et seq.

¹³ Сеидов А.В. Международное право в эпоху глобализации. М.: Научная книга, 2005. С. 37.

¹⁴ Неклесса А.И. Глобализация: новый цивилизационный контекст. Из материалов постоянно действующего междисциплинарного семинара, Глобальный мир – клуб ученых // Проблемы глобализации: реальность, тенденции, прогнозы. 2001. Вып. 6. С. 49.

¹⁵ Вебер А. Неолиберальная глобализация и ее оппоненты // Политика. 2002. № 2. С. 26, 27.

В СТОРОНУ АНДЕГРАУНДА

О русском граффити

И.Абель,
куратор выставки “Граффомания”

Граффити, как экстремальный вид молодежного творчества, явление молодежной субкультуры практически неистребимо. Надписи и рисунки, выполненные в технике граффити, снова и снова появляются на стенах домов, на технических постройках, гаражах и заборах любого рода, вплоть до тех, что ограждают перегоны метро, выходящие на поверхность.

В словарях разного рода “граффити” (с ударением на второй слог, что так и не прижилось пока в русском языке) обозначаются, как надписи бытового содержания, рисунки на стенах домов и даже на сосудах. Однако, очевидно, что подобные определения давно устарели, поскольку греческая вазопись, надписи в римских городах и современные граффити – все же не одно и то же. Хотя, несомненно, некая взаимосвязанность между одним и другим все же существует. Причем, достаточно четкая и легко прослеживаемая.

Понятие граффити можно воспринимать очень широко. И тогда под него могут попасть не только культовые изображения, при всей осторожности упоминания их в таком контексте и агитационно-пропагандистские лозунги и рисунки, бывшие не одно десятилетие образцами идеологического воспитания в СССР. Да и “Герника” Пикассо, как и значительные по масштабу фрески Сикейроса разве не есть то же, что и рисунки профессиональных американских художников и любителей на станциях метро или на брандмауэрах? И там, и там речь идет ведь о признанном искусстве.

Так почему же нужно и можно говорить о феномене граффити, буме граффити в современной, постперестроечной, независимой России?

Достаточно для примера взять столичный мегаполис, где надписи и рисунки подобного рода можно встретить как на окраинах города, месте, традиционном для граффити вообще, так и в центре, что, наверное, является чисто российской новацией в данном виде изобразительной деятельности. В Москве результаты ее буквально на каждом шагу окружают горожан, будучи постоянно действующей (с перерывами на благоустройство и подготовку к праздникам и выборам) выставкой под открытым небом.

Методично помешать экспонированию произведению граффити, в принципе, невозможно, поскольку на закрашенном представителями городских служб месте появляются все новые и новые произведения. И попытки как-то цивилизовать это начинание, благодаря выделению каких-то уголков столицы под это самодеятельное творчество, как и использование непрофессиональных художников для окультуривания визуальных технических построек, вроде бойлерных, ощутимого эффекта все-таки не дают. При этом граффити в Москве стало так много, что рисунки и надписи, выполненные на всем, что попадает под руку их авторам, аэрографом или с помощью баллончиков с красками, постоянно бросаются в глаза, поражая, удивляя, настораживая непроизвольных зрителей этого своеобразного вернисажа.

Было бы неверным считать, что ничего такого в России прежде не было. Достаточно вспомнить надписи и рисунки сексуального содержания, автографы на деревьях и на стенах

музеев, что давало неплохой заработок записным фельетонистам, карикатуристам и специалистам по нравственному воспитанию. Тогда подобные художественные экзерсисы воспринимались как мелкое хулиганство. А теперь по отношению к граффити как бы не выработано общественного отношения: вроде хулиганство и поэтому за порчу городского имущества должно последовать административное наказание, но, вместе с тем, подростки ведь что-то рисуют, как-то украшают унылый вид домов на городских окраинах, да и свои ведь дети рисуют, и соседские. Так что бороться с граффити поэтому как-то и не с руки.

Если сравнивать то, что выцарапывалось всюду в прежнее время, и то, что появляется теперь, ощутимы заметные различия. Раньше можно было говорить о бескультурье, проявлении задавленного эго или либидо, даже о протесте против идеологических штампов и машинальности жизни. Вероятно, нечто подобное есть и теперь в подоплеке тех, кто занимается граффити. Правда, протестный потенциал, если не иметь в виду единичных надписей шовинистического и аполитического характера, все же достаточно низок. Важнее здесь жажда самовыражения, которая для кого-то невозможна или неприемлема по каким-то причинам в другом виде. Главное – это первостепенное желание обратить на себя внимание, заявить о себе, о своем присутствии в городе, в жизни взрослых, которым, может быть, не до подростковых проблем.

При сравнении отечественных граффити с зарубежными аналогами видно, что собственно рисунков, как таковых, среди них в количественном отношении мало. Рисунки, то есть направление райт, – это удел тех, для кого рисование граффити стало и образом жизни, близкой в чем-то к богемной, и способом зарабатывания денег, поскольку хорошо выполненные настенные рисунки востребованы в декоре молодежных клубов, парков культуры и отдыха.

Обычно в городской суеде можно встретить образцы другого направления граффити – бомбинга.

Суть его, как легко вычитывается из названия, состоит в том, чтобы зарисовать, “убить” как можно больше стен домов, обозначив свою территорию.

За этим стоит игра, потребность в экстремальных ощущениях (некоторые рисунки делаются на межэтажных пространствах и с риском для здоровья и жизни), переживание собственного перформанса. При том, что для непосвященных произведения эти анонимны дважды: и потому, что надписи делаются на английском языке, и потому, что законченная работа подписывается авторским значком или является также названием группы, и потому, что творчество не заканчивается никогда – рядом с одной надписью появляется другая. И так почти до бесконечности.

Визуальное воздействие – обратить внимание – здесь самоценно. Поэтому граффити занимают только те стены, которые видны прохожим и водителям, что для последних тоже не так уж и безопасно, поскольку отвлекает от ситуации на дороге.

К слову об английском языке. В использовании чужого языка в российских граффити соединяются и амбициозность, и все та же анонимность. Вроде бы и свое, но все же и чужое и есть претензия на соотнесенность с мировым уровнем и давней традицией.

В СССР и в России движение хиппи не получило такого влияния, как на западе. Мода на граффити, в традиционном понимании данного термина, пришла к нам с заметным опозданием. Так, в Америке и в Европе произведения мастеров граффити изучаются и украшают музеи, а у нас еще только формируется позиция восприятия граффити. По сути, можно говорить в этой связи о подготовительном периоде или этапе, когда вырабатывается собственный язык, школы и направления обнаруживают себя еще спонтанно и не слишком организованно, хотя есть площадки, где рисуют граффити, устраивают фестивали с помощью и без помощи городских властей.

Скорее всего, граффити в России началось как вид творческой деятельности с “перестройки”, когда открылись возможности неформализованного получения информации, в том числе и из Интернета, что, наверное, как и возможность туристических поездок за границу, имело все же решающее значение.

Следовательно, граффити уже стало нормой жизни в России, формой самовыражения неформальных групп молодежи, заработком, образом жизни, но и мифом. Связано это и с тем, что пока занятие граффити в России есть в некотором роде имитация творчества, и с тем, что не совсем ясно властям и родителям подростков, как же относиться к граффити – как к хулиганству или как к искусству, ведь и то и другое почти на равных присутствует в практике групп, которые в вечерние часы и в ночное время под действием каких-то допингов или без них выходят из домов, чтобы создать нечто стереотипное и вторичное по сравнению с зарубежными образцами.

Понятно, что в граффити что-то делается в измененном сознании, что заметно и по местам расположения граффити, и по содержанию картинок. В здравом уме человек вряд ли полезет по пожарной внешней лестнице дома на пятый этаж или еще выше, да и не станет рисовать героев мультиков, зверей и птиц так, что они похожи на отпечаток параноидальных глюков, на то, что иногда рисуют больные в специализированных клиниках. И их картинки нередко выставляются, но все же распространение их ограничено стенами лечебных заведений и не дает о себе знать так повсеместно, как граффити в Москве, например.

Слова и фразы повисают в белизне, как в пустоте. Они адресованы всем и никому одновременно. Иногда они написаны, как пропись, иногда закрашены, как картина, иногда похожи на рисунки, выдавая, как технику письма, так и сугубо возрастные проблемы их авторов.

Само использование баллончиков с краской, как и время, когда делаются граффити, естественно, накладывают на исполнение их свой отпечаток.

Сначала рисуется, обводится контур, а потом быстро он закрашивается до предела. Надпись и рисунок надо, действительно, выполнить быстро, чтобы не было неприятностей у ее создателя. От этого и некоторая торопливость письма, что одновременно и достоинство, и недостаток. Здесь заметны и настроение, и вкусы, и навык.

Другое дело, что колорит граффити в Москве холоден, что наряду с размытостью изображения, сближающего граффити с акварелью, есть отличительная черта этих художественных, с оговорками, произведений.

Буквы иногда пишутся, как римское письмо, отдельно и печатно, а иногда сливаются друг с другом, что может свидетельствовать и о все том же желании спрятаться от авторства, и особом возрасте подростков, когда сексуальные проблемы слишком дают о себе знать. И в этом смысле, как по способу нанесения, так и по внешней выразительности граффити в столице чаще всего эротично. Это и вызов общепринятым установкам, вызов культурным ценностям за счет подмены подлинного копиями и не с самого удачного оригинала. В некотором роде в этом же есть элемент инициации, вхождения в свою группу, в свои возрастные проблемы, утверждение своей самодостаточности и самостоятельности таким вот избыточным способом.

Надо сказать, что занятие граффити – отнюдь не дешевое удовольствие, если иметь в виду стоимость баллончиков и их расходование на одну надпись или на один рисунок. По сути, это и проведение досуга в неурочное время, возможность доказать себе и другим, что молодежная тусовка может быть не только в клубах и на танцполах.

Кроме всего прочего, граффити есть знаковое явление. Оно свидетельствует о неблагополучии в обществе, о том, что подросткам не хватает заботы родителей и общества, о том, что им далека нарождающаяся идеология.

Но граффити можно интерпретировать и как предупреждение.

Тогда такие надписи приобретают и зловещий оттенок, что напоминает о бунте молодых в 60-х годах прошлого века и совсем недавних европейских событиях, которые поставили горожан в тупик.

И, если пока, речь идет о попытке подобным образом пометить свою территорию, чтобы другие знали, кто здесь хозяин, то в дальнейшем все может быть не так однозначно, ведь бывают же стычки между представителями различных групп рисующих граффити. А

это, в свою очередь, может стать одной из неожиданных причин для розни, одним из поводов нарушения порядка в городе.

Таким образом, создание граффити есть и проба сил в антиобщественном поведении, попытка приучить горожан к такому вот способу самовыражения. Причем, само существование последних в контексте граффити можно рассматривать как деморализующий фактор, то, что провоцирует агрессию и депрессию, зомбируя частотой бытования и примитивности изображения как общественное, так и индивидуальное сознание.

Получается, что массовость распространения граффити в Москве (а значит, и в других городах России, для которых столица и в этом качестве может служить образцом) не столь уж безобидна, если иметь в виду не только мимолетные последствия воздействия граффити на психику, но и долгосрочные последствия на сознание, как создателей граффити, так и случайных потребителей такого рода изобразительной деятельности.

Несомненно, что у таких надписей и рисунков есть и некоторый сакральный смысл, ведь для адептов граффити они заменяют не только государственную идеологию, но и являются подменой религиозного чувства, находя постоянное подтверждение в нанесении текстов и изображений на разного рода городские поверхности. Это и ночные бдения, и специфический обряд подготовки к очередной полуночной акции, и экстатическое чувство удовлетворения от законченной работы, и преданность этой форме досуга.

Конечно, мастеров граффити, в общем-то, не так уж и много, а время занятий этим ограничено, как правило, несколькими годами, после чего, навыки подобного рисования передаются практически, так сказать, на импровизированных мастер-классах следующим поколениям молодых людей. А это, в свою очередь свидетельствует и о непрерывности традиции, и о том, что она живуча и втягивает в ряды своих продолжателей все новых и новых неофитов.

И, по аналогии со священными текстами, можно задать чуть ли ни риторический вопрос: до какой степени одиночества и растерянности надо дойти, как потеряться надо в своих сомнениях и поисках себя, чтобы вот так писать что-то чужое во всех отношениях всюду, где это получается?

Получается что-то вроде массового психоза, игры по чужим правилам и без надежды на победу. Можно здесь вспомнить, к слову, сюжеты из газет и выпусков телевизионных новостей прошлых лет, когда рассказывали, что зарубежные художники ради ежедневного заработка вынуждены что-то свое или заемное рисовать, сидя на асфальте цветными мелками. Там утешало, что уличные художники копировали шедевры мирового уровня, что говорило и о их образованности, и о таланте.

Те, кто в России пишут и рисуют граффити, повторяют то, что в других странах давно и напрочь пройдено или почти забыто. Да и мастерства тут особого нет, как и желания заработать себе на жизнь, если иметь в виду большинство тех, кто с некоей претензией называет себя граффитчиками, что не совсем правильно и не слишком благозвучно, хотя и намекает на знание ремесла. Понятно, что граффити в России – все же далеки от НЛП или эффекта 25 кадра. Но, при этом, они остаются в сознании человека как повод для беспокойства, как раздражающий момент.

Конечно, любую несанкционированную надпись можно замазать обычной краской и на время возникнет иллюзия порядка и благообразности.

Но надписи обязательно появятся опять, будучи фактом осеннего, летнего или весеннего обострения заболевания, показывая наглядно, что данное общество не совсем здорово и что нужны какие-то меры для того, чтобы оно могло выработать иммунитет к граффити.

СЕЛИГЕР

В.Безрук

Темный берег надвинулся,
ветер в сплетении сосен.
Лодка ткнулась в песчаный барьер.
В прелом запахе мха,
в тишине за ударами весел
Подступил Селигер.
И смахнул суету,
сделал глупыми все неудачи
И обиды, что душу свербят.
В дреме летнего дня
ты стоишь невесом и прозрачен.
Он спокойно глядит сквозь тебя.
Он в просторном лесу
станет жить за твоею палаткой,
Отзываться в стене камыша.
Здесь привольно молчать,
и не думать бывает так сладко –
Только чувствовать, просто дышать.
Он звенит тишиною
на мшистых прогретых полянах
В островах, где не слышен прибой,
В пятнах солнца в листве,
в хороводе теней постоянном,
Где недолго ты был сам собой.
Здравствуй, Нилова пустынь,
над заводью старые плиты.
Вновь попасть так хотелось сюда.
Зов кукушки в лесу
померещится счастьем, забытым
В беззаботных, далеких годах.
В лодку сядешь, плывешь...
открываются синие плесы,
Дождевые висят облака,
Плавит воду закат,
лег туман полосой белесой.
Щука бьет в глубине тростника.
Пароходик причалил,
сбежались ребята босые.
Кто-то пьяный на сходнях лежит.
Здесь, в заброшенных селах
осталась простая Россия,
Чтоб свой век незаметно дожить.

Вдоль Полновского плеса,
 вершины склонивши устало,
Встал еловый нахмуренный лес.
Все, что мнилось тебе,
 и, казалось, чего не хватало –
Вдруг ты понял, что все уже есть.
Ночь настанет,
 поднимется ветер, тревожно и дико.
У палатки колышет полог.
Спишь и чувствуешь,
 как на пригорке краснеет брусника
И грибы прорастают сквозь мох.
Сладкий воздух струится
 и звуки таинственной ночи.
Звезд мерцанье в небесной реке.
Селигер то молчит,
 то о чем-то тихонько бормочет
На неясном теперь языке.
Он ни добр и ни зол,
 не зовет никого и не гонит,
Будет помниться жизнью иной.
Если хочешь, вернись...
 быть тростинкой в далеком затоне,
Криком чайки над серой волной.